

Концепт:

философия, религия, культура

Том 6, № 4 2022

ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ НАУЧНО-РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ
<https://concept.mgimo.ru>

«Концепт: философия, религия, культура» — рецензируемый научный журнал, публикующий материалы междисциплинарных исследований культуры. Цель журнала — концептуализация проблематики межкультурного диалога и консолидация научного сообщества исследователей культуры с учётом специфики национальных научных школ. В фокусе внимания издания — фундаментальные и прикладные аспекты межкультурной коммуникации. В числе наших приоритетов — взаимное узнавание «условного Запада» и «условного Востока», развитие академических контактов, продвижение перспективных работ начинающих учёных.

Цели и задачи журнала:

1. Публиковать результаты оригинальных исследований, посвящённых культурному разнообразию и современным аспектам межкультурных отношений. Приветствуются исследования региональных проблем, имеющих фундаментальное и прикладное значение.
2. Формировать международную площадку для развития академического диалога по проблемам истории, теории и философии культуры. Журнал опирается на действующую в МГИМО секцию «Межкультурная коммуникация» Российской ассоциации международных исследований (РАМИ), которая регулярно собирает ведущих российских и зарубежных специалистов в области изучения культуры.
3. Развивать интеллектуальные контакты начинающих исследователей культуры, вести открытую научную дискуссию по проблемам интерпретации культур и поиска перспективных методов их изучения. Приветствуются междисциплинарные проекты, включая лингвокультурные исследования, анализ прикладных вопросов межкультурной коммуникации в различных доменах культуры (философия, религия, искусство, медиа).

Решению этих задач подчинена структура основных рубрик исследовательских статей: «Философия», «Культурология», «Религиоведение», «Межкультурная коммуникация», «Культура и искусство».

Предметные области журнала.

В журнале публикуются исследования по двум предметным областям изучения культуры согласно международному классификатору ASJC — Arts&Humanities and Social Sciences:

философия (Philosophy, Religious studies) и культурология (Cultural studies).

Согласно классификатору Высшей аттестационной комиссии России, журнал принимает к публикации статьи по двум направлениям — философия и культурология; которые распределены по следующим научным специальностям:

- 5.7.9 — Философия религии и религиоведение (философские науки)
- 5.7.8 — Философская антропология, философия культуры (философские науки)
- 5.10.1 — Теория и история культуры, искусства (культурология)
- 5.10.1 — Теория и история культуры, искусства (философские науки)

Географический охват.

Авторы, члены редакционной коллегии и рецензенты журнала представляют такие страны, как Россия, Великобритания, Италия, Китай, Сербия, США, Япония, Иран, Испания и др. Статьи принимаются на русском и английском языках.

Адрес редакции:

119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76,
к. 4114 а.
Тел./ факс. +7 495 234-83-48
Веб-сайт: <https://concept.mgimo.ru>
E-mail: concept@mgimo.ru

Статьи направлять по адресу:

<https://concept.mgimo.ru/jour/author/submit/1>

© Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации».

119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76, к. 4105
Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-67951 от 06 декабря 2016 г.

Подписано в печать 15.12.2022
Тираж 500 экз. Объём 14,21 п.л.
Заказ 1439

Префикс DOI: 10.24833

Выходит 4 раза в год.

Цена свободная.

Дата выхода в свет первого номера: 20.03.2017

ISSN (Print): 2541-8831
ISSN (Online): 2619-0540

Транслитерированное название: Kontsept: filosofiya, religiya, kultura

Главный редактор: **Ю.П. Симонов (Вяземский)**

Шеф-редактор: **А.А. Королева**

Ответственный секретарь: **И.А. Чупрова**

Редакторы: **С.Ю. Дианина, Н.А. Остроглазова,**

В.И. Коннов, Н.Ю. Ярыгина

Дизайн и вёрстка: **Д.Е. Волков**

Администратор сайта: **А.В. Заборников**

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России.

119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76

Журнал основан в 2017 году. В 2020 году был осуществлён переход на нумерацию по томам.

MGIMO University

Room 4105, 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation

Published since 2017

ISSN (Print) 2541-8831

DOI: 10.42833

Issued 4 times a year

ISSN (Online) 2619-0540

<https://concept.mgimo.ru>

The Journal *Concept: Philosophy, Religion, Culture* is a peer-reviewed scientific journal for cultural studies of key aspects of philosophy, religion, arts, and cultural linguistics, focusing on communication problems. The Journal aims to become a venue for international academic dialogue on theoretical and empirical aspects of research in the field of culture, cross- and intercultural processes. We bring together inquiries from a variety of disciplinary backgrounds encompassing both social sciences and humanities. Founded by a team of scholars from a broad range of disciplines, the journal publishes articles related to innovative agendas and approaches likely to mold the future of cultural research. We seek to highlight non-Western cultural studies to balance the West-centred perspectives.

We pursue the following goals:

1. To publish findings of original research on cultural diversity and modern aspects of intercultural relations. Studies of regional issues of both domestic and worldwide cultural importance are welcome.
2. To set up an international multi-language network for an academic dialogue on cultural history and theory and the philosophy of culture. The journal is endorsed by the Russian International Studies Association (RISA) section of Intercultural Communications that regularly brings together leading Russian and international scholars and young international researchers working in the field.
3. To promote intellectual contacts among scholars of culture with diverse political, cultural, and ideological backgrounds; to uphold free scholarly debate on issues critical to understanding/interpreting cultures; to encourage promising new methods of research in the field. Interdisciplinary projects, related to the linguistic, art, and applied aspects of intercultural communication, are welcome.

To meet these aims, research papers of the journal are organized into sections: Philosophy, Cultural Studies, Religious Studies, Intercultural Communication, Culture and Art.

Subject Area and Subject Categories

The journal publishes articles in two subject areas of the *ASJC* international classification *Arts and Humanities (Philosophy, Religious Studies)* and *Social Sciences (Cultural Studies)*.

Geographical Scope

The authors, editorial board members and reviewers represent such countries as Russia, the UK, Italy, China, Serbia, the USA, Japan, Iran, Spain and other states. The journal accepts papers written in Russian and English.

Contents

Editor-in-chief monologue: Presenting the Issue	6
--	---

RESEARCH ARTICLES

PHILOSOPHY

Zakharov A.O. Splendor and Misery of the Anthropological Crisis: A Myth of Contemporary Russian Philosophy	7
Konnov V.I. Boris Lomov's Systems Approach in the Context of the Science Culture of the Late Soviet Period	15
Tonkovidova A.V., Boyko P.E. Sobornost as a Form of Ontology of Culture in the Works of V. Solovyov, P. Florensky, S. Bulgakov, N. Berdyaev through the Prism of Hegel's Dialectic	27

RELIGIOUS STUDIES

Ryazanova S.V. Transforming an Orthodox Parish: from Catechesis to Patriotism (the Case of the Intercession Commune in Perm)	41
Sgonnova A.Yu. Star of Jacob, and a Sceptre of Israel: King David's Image in Priest Ideology	55

CULTUROLOGY

Gorelaya I.I., Ziganshina Y.R. Creation of Spanish Language Corpora as One of the Priorities of RAE in the Era of Digitalization	67
Shevtsov N.V., Naumova E.E. Press in the Works of Russian Literature	80

INTERCULTURAL COMMUNICATION

THEME OF THE ISSUE: DIPLOMACY FOR CULTURE

Ezhova O.F. Commemorative Albums of Communist Schools of the GDR in the 1950s (Based on Materials from the Personal Fund of Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences A. I. Lepeshkin)	94
Grantseva E.O. Fragile Ties: Spanish Themes in Soviet Porcelain	105

CULTURE & ART

Kyrchanoff M.W. Science Fiction Series <i>Star Trek</i> and <i>Babylon 5</i> as Forms of Political and Memorial Cultures Construction	115
Malkova N.Yu. The Theory of Suprematism and the Event: The Search for the Possibility of Transformation	138

BOOK REVIEWS

Zonova N.E. The Rise of Fascism in Italy: Versions and Critiques	151
---	-----

SCIENTIFIC LIFE

Grinina E.A. The Third Kazan International Linguistic Summit (KILS 2022)	154
Afanasyeva N.D. VIII International Conference <i>Bi-, Poly-, Translingualism and Linguistic Education</i> (RUDN University)	157
Gorshenev D.S. <i>Intercultural Communication Under New Challenges</i> . The 14 th RISA Convention	160

Содержание

Симонов Ю.П.

МОНОЛОГ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА: Представляю номер 6

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

ФИЛОСОФИЯ

Захаров А.О. Блеск и нищета антропологического кризиса: о мифологии современной российской философии 7

Коннов В.А. Системный подход Бориса Ломова в контексте научной культуры позднесоветского периода 15

Тонковидова А.В., Бойко П.Е. Соборность как форма онтологии культуры в трудах Вл. Соловьёва, П. Флоренского, С. Булгакова, Н. Бердяева сквозь призму гегелевской диалектики 27

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

Рязанова С.В. Трансформация православного прихода: от катехизиса до патриотизма (на примере Покровской обители в г. Пермь) 41

Сгоннова А.Ю. Звезда от Иакова, жезл от Израиля: образ царя Давида в священнической идеологии 55

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Горелая И.И., Зиганшина Ю.Р. Создание корпусов испанского языка как одна из приоритетных задач RAE в эпоху цифровизации 67

Шевцов Н.В., Наумова Е.Е. Пресса в произведениях русской литературы 80

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

ТЕМА НОМЕРА: «ПАУТИНА СМЫСЛОВ» В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ АРТЕФАКТОВ

Ежова О.Ф. Памятные альбомы коммунистических школ ГДР в 1950-е гг. (по материалам из личного фонда члена – корреспондента АН СССР А. И. Лепёшкина) 94

Гранцева Е.О. Хрупкие связи: испанская тематика в советском фарфоре 105

КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО

Кирчанов М.В. Научно-фантастические сериалы «Звёздный путь» и «Вавилон 5» как формы конструирования политической и мемориальной культур 115

Малкова Н.Ю. Теория супрематизма и Событие: поиск возможности субъективного преобразования 138

РЕЦЕНЗИИ

Зонova Т.В. Откуда взялся фашизм в Италии: версии и критика 151

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Гринина Е.А. III Казанский международный лингвистический саммит (KILS 2022): записки на полях 154

Афанасьева Н.Д. VIII Международная научно-практическая конференция «Би-, поли-, транслингвизм и лингвистическое образование» (Институт русского языка РУДН) 157

Горшенёв Д.С. Секция «Межкультурная коммуникация в условиях новых вызовов» XIV Конвента РАМИ 160

Concept: philosophy, religion, culture

© MGIMO University

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor). Certificate of registration of mass media PI No. FS77-67951 dated December 6, 2016. Date of publication of the first issue: 03.20.2017. In 2020 a transition was made to numbering by volume.

The journal is included in the List of leading peer-reviewed scientific journals and publications that publish the main scientific results of dissertations for the degree of candidate and doctor of sciences in three, according to the classifier of the Higher Attestation Commission of Russia, areas of scientific specialties: 5.7.8. Philosophical anthropology, philosophy of culture; 5.7.9. Philosophy of religion, religious studies; 5.10.1. Theory and history of culture, art. Content is licensed under Creative Commons Attribution 4.0

Printed in the Department of operational printing and multiplying equipment MGIMO MFA of Russia. 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454. Edition of 500 copies. Volume 14,21 p.l. Order 1439 Mailing Address: Room 4105, 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, the Russian Federation/ Phone/fax: +7 495 234-83-48. E-mail: concept@mgimo.ru Cost: free price.

INTERNATIONAL ADVISORY COUNCIL

Anatoly V. Torkunov – Doctor of Political Sciences, Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Rector of MGIMO University (Russia)
Boris Bratina – Doctor of Philosophy, Professor, University of Priština (Kosovska Mitrovica, Serbia)
Abdusalam A. Guseynov – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Philosophy, Russian Academy of Science (Russia)
Philip T. Grier – PhD (Philosophy), Professor, Dickinson College (Pennsylvania, USA)
Stefano M. Capilupi – PhD (Philosophy), PhD (Philology), Professor, University of Rome «La Sapienza», St. Petersburg Polytechnic University, Russian Christian academy for the humanities (Italy)
Vladimir R. Legoyda – PhD (Political Sciences), Docent, MGIMO University. Chairman of the Holy Synod Department for Church, Society and the Mass Media Relations of the Russian Orthodox Church (Russia)
Slavenko Terzić – Doctor of History, Professor, Corresponding Member of the Serbian Academy of Sciences and Arts, Belgrade Institute of History (Serbia)
Sergey V. Chugrov – Doctor of Sociology, Professor, MGIMO University, Editor-in-chief of the scientific journal «Polis. Political Studies» (Russia)
Aleksey V. Shestopal – Doctor of Philosophy, Professor, MGIMO University (Russia)
Vladimir S. Glagolev – Doctor of Philosophy, Professor, MGIMO University (Russia)
Tatiana M. Gurevich – Doctor of Cultural Studies, Docent, MGIMO University (Russia)
Yaroslav L. Skvortsov – PhD (Sociology), MGIMO University (Russia)
Nina D. Afanasyeva – PhD (Pedagogical Sciences), Docent, MGIMO University (Russia)

EDITORIAL BOARD

Evgeny I. Arinin – Doctor of Philosophy, Professor, Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich (Russia)
Lioudmila G. Vedenina – Doctor of Philology, Professor, MGIMO University (Russia)
Thomas J. Garza – Doctor of Philosophy, Professor, University of Texas (USA)
Irina Deretić – Doctor of Philosophy, Professor, University of Belgrade (Serbia)
Konstantin M. Dolgov – Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Philosophy RAS (Russia)
Sergey B. Zelenev – PhD (Economics), Professor, Special Representative of International Council on Social Welfare (ICSW) to the United Nations in New York (USA)
Alexander V. Kamenets – Doctor of Cultural Studies, Professor, Russian State Sociological University (Russia)
Irina G. Kargina – Doctor of Sociology, Professor, MGIMO University (Russia)
Janet Clare – PhD (Philology), Professor, University of Hull (UK)
Lidia I. Kirsanova – Doctor of Philosophy, Professor, Far Eastern Federal University (Russia)
Alina A. Koroleva – PhD (Cultural Studies), MGIMO University (Russia)
Sergey D. Lebedev – PhD (Sociology), Docent, Belgorod State University (Russia)
Marcos Pablo Moloeznik – PhD (Law), Professor, University of Guadalajara (Mexico)
Nelly V. Motroshilova – Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Philosophy of RAS (Russia)
Elena A. Ostrovskaya – Doctor of Sociology, Professor, Saint Petersburg University (Russia)
Adrian Pabst – PhD (Political thought and philosophy of religion), Professor, University of Kent (UK)
Aleksey A. Romanchuk – Researcher at the Institute of Cultural Heritage (Republic of Moldova)
Yury P. Simonov (Viazemsky) – PhD (History), Professor, MGIMO University (Russia)
Margarita V. Silantyeva – Deputy Editor-in-Chief, Doctor of Philosophy, Professor, MGIMO University (Russia)
Sanami Takahashi – PhD (Philosophy), Associate Professor at the Faculty of Human-Environment Studies, Kyushu University (Japan)

EDITORIAL OFFICE

Editor-in-Chief:	YU. P. SIMONOV (VIAZEMSKY)
Editor-in-Charge:	A. A. KOROLEVA
Deputy Editor-in-Chief:	N. D. AFANASYEVA, M. V. SILANTYEVA
Executive secretary:	Irina. A. Chuprova – PhD (Philosophy), MGIMO University (Russia)
Editors:	Svetlana Yu. Dianina – PhD (Philosophy), MGIMO University (Russia) Natalia A. Ostroglazova – MGIMO University (Russia) Vladimir I. Konnov – PhD (Sociology), MGIMO University (Russia) Nadezhda Y. Varygina – MGIMO University (Russia)
Designer, Coder:	Dmitriy E. Volkov – MGIMO University (Russia)
Site Administrator:	Andrey V. Zabornikov – MGIMO University (Russia)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

Анатолий Васильевич Торкунов – д.полит.н., профессор, академик РАН, ректор МГИМО МИД России (Россия)
Борис Братина – д. философии, Приштинский университет (Косовская Митровица, Сербия)
Абдусалам Абдулкеримович Гусейнов – д.филос.н., профессор, академик РАН, Институт философии РАН (Россия)
Филип Т. Гриер – PhD (философия), Дикинсон колледж (Пенсильвания, США)
Стефано М. Капилупи – к.филос. н., PhD (Филология), Римский государственный университет «Ла Сапьенца», Политехнический университет имени Петра Великого, РХГА (Италия)
Владимир Романович Легойда – к.полит.н., доцент, МГИМО МИД РОССИИ, Синодальный отдел РПЦ по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ (Россия)
Славенко Терзич – д.и.н., профессор, член-корреспондент Академии наук Сербии, Исторический институт Белграда (Сербия)
Сергей Владиславович Чугров – д.социол.н., профессор, МГИМО МИД России, редактор научного журнала «Полис. Политические исследования» (Россия)
Алексей Викторович Шестопал – д.филос.н., профессор, МГИМО МИД России (Россия)
Владимир Сергеевич Глаголев – д.филос.н., профессор, МГИМО МИД России (Россия)
Татьяна Михайловна Гуревич – д. культурологии, к. филол. н., доцент, МГИМО МИД России (Россия)
Ярослав Львович Сворцов – к.социол.н., МГИМО МИД России (Россия)
Нина Дмитриевна Афанасьева – к.пед.н., МГИМО МИД России (Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Евгений Игоревич Аринин – д.филос.н., профессор, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых (Россия)
Людмила Георгиевна Веденина – д.филол.н., профессор, МГИМО МИД России (Россия)
Томас Х. Гарза – д. философии, профессор, Университет штата Техас (США)
Ирина Деретич – д. философии, профессор, Белградский университет (Сербия)
Константин Михайлович Долгов – д.филос.н., профессор, Институт философии РАН (Россия)
Сергей Борисович Зеленев – к.э.н., профессор, Совет по общественному благосостоянию (Нью-Йорк, США)
Александр Владленович Каменец – д.культурологии, профессор, РГСУ (Россия)
Ирина Георгиевна Каргина – д.социол.н., профессор, МГИМО МИД России (Россия)
Джанэт Клэр – PhD (филология), профессор, Университет г. Гулл (Великобритания)
Лидия Игнатьевна Кирсанова – д.филос.н., профессор, ДВФУ (Россия)
Алина Алексеевна Королева – к.культурологии, МГИМО МИД России (Россия)
Сергей Дмитриевич Лебедев – к.социол.н., доцент, НИУ БелГУ (Россия)
Маркус Пабло Молоежник – PhD (право), профессор, Университет Гвадалахары (Мексика)
Неля Васильевна Мотрошилова – д.филос.н., профессор, Институт философии РАН (Россия)
Елена Александровна Островская – д.социол.н., профессор, СПбГУ (Россия)
Адриан Пабст – PhD (политические науки и философия религии), профессор, Кентский университет (Великобритания)
Андрей Алексеевич Романчук – н.с. Института культурного наследия (Республика Молдова)
Юрий Павлович Симонов (Вяземский) – к.ист.н., профессор, МГИМО МИД России (Россия)
Маргарита Вениаминовна Силантьева – д.филос.н., профессор, МГИМО МИД России (Россия)
Санам Такахаши – PhD (философия), Университет Кюсю (Япония)

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор:	Ю.П. СИМОНОВ (ВЯЗЕМСКИЙ)
Шеф-редактор:	А.А. КОРОЛЕВА
Зам. главного редактора:	Н.Д. АФАНАСЬЕВА, М.В. СИЛАНТЬЕВА
Ответственный секретарь:	Ирина Александровна Чупрова – к.филос.н., МГИМО МИД России (Россия)
Редакторы:	Светлана Юрьевна Дианина – к.филос.н., МГИМО МИД России (Россия) Наталья Александровна Остроглазова – МГИМО МИД России (Россия) Владимир Иванович Коннов – к.социол.н., МГИМО МИД России (Россия) Надежда Юрьевна Ярыгина – МГИМО МИД России (Россия) Дмитрий Евгеньевич Волков – МГИМО МИД России (Россия) Андрей Витальевич Заборников – МГИМО МИД России (Россия)
Дизайн и верстка:	
Администратор сайта:	

МОНОЛОГ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА: ПРЕДСТАВЛЯЮ НОМЕР

Парадоксы, как известно, дружны с философскими исканиями. Это в очередной раз подтверждает дискуссионная статья **Антон Захарова** «Блеск и нищета антропологического кризиса: о мифологии современной российской философии», которая открывает декабрьский номер нашего журнала. В том же пушкинском стихотворении помнится был упомянут и «опыт, сын ошибок трудных». **Владимир Коннов** своим фундаментальным исследованием «Системный подход Бориса Ломова в контексте научной культуры позднесоветского периода» убедительно иллюстрирует эту мысль. В свою очередь, **Анна Тонковидова** и **Павел Бойко** работой «Соборность как форма онтологии культуры в трудах Вл. Соловьёва, П. Флоренского, С. Булгакова, Н. Бердяева сквозь призму гегелевской диалектики» ещё раз подтверждают непреходящую ценность гегелевской диалектики, которая способна совместить и опыт, и парадоксы. Религиоведческий раздел журнала на этот раз составили статьи известного учёного **Светланы Рязановой** «Трансформация православного прихода: от катехизиса до патриотизма (на примере Покровской обители в г. Пермь)» и **Александры Сгонновой**, чья статья «Звезда от Иакова, жезл от Израиля: образ царя Давида в священнической идеологии» позволяет говорить о появлении нового серьёзного исследователя

древних культур. В свою очередь, исследования **Илоны Горелой** и **Юлии Зиганшиной** («Создание корпусов испанского языка как одна из приоритетных задач RAE в эпоху цифровизации»), **Никиты Шевцова** и **Елены Наумовой** («Пресса в произведениях русской литературы») разворачивают историко-культурную панораму разнообразия той паутины смыслов, которая пронизывает жизнь и позволяет интерпретировать культуру как текст. «Хрупкие связи», прижившиеся в этой паутине смыслов, детально изучены в работах **Оксаны Ежовой** «Памятные альбомы коммунистических школ ГДР в 1950-е гг. (по материалам из личного фонда члена – корреспондента АН СССР А. И. Лепёшкина)» и **Екатерины Гранцевой** «Хрупкие связи: испанская тематика в советском фарфоре» (эти материалы представляют тему номера — «Паутина смыслов» в репрезентации артефактов). Раздел «Культура и искусство» объединил статьи **Максима Кирчанова** «Научно-фантастические сериалы «Звёздный путь» и «Вавилон 5» как формы конструирования политической и мемориальной культур» и **Нatalьи Малковой** «Теория супрематизма и Событие: поиск возможности субъективного преображения». Раздел «Научная жизнь» как всегда информирует о некоторых достойных внимания событиях и книгах. С наступающим Новым годом.

Юрий Симонов (Вяземский)

БЛЕСК И НИЩЕТА АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО КРИЗИСА: О МИФОЛОГИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ

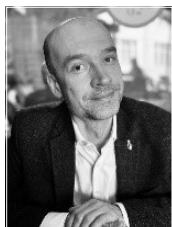
Антон Олегович Захаров

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Россия

Zakharov_anton@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3654-9551>

Аннотация. В русскоязычной гуманитарной, включая философию, научной среде очень популярно понятие антропологического кризиса, выражение которого её представители находят практически во всех сферах жизни, в том числе медицине, образовании, самосознании. Особым проявлением такого кризиса считается изменение биологической природы человека, возможность которого открывают современная генная инженерия и медицина. Однако анализ конкретных рассуждений (дискурса) об антропологическом кризисе выявляет их несостоятельность. В англоязычной традиции кризис антропологии означает кризис соответствующей научной дисциплины. Под антропологическим кризисом в русскоязычной среде скрывается обычное экзистенциальное переживание, поиски смысла жизни, страх перед техническим прогрессом, то есть либо универсальные психологические явления, либо нежелание признать собственную отсталость и триумф машинной цивилизации. Киборгизация, которую представляют угрозой человеческой природе, в действительности только совершенствует её. Переход в «Матрицу» давно идёт и представляется крайне желанным для большинства людей, недаром придумано столько способов обхода заблокированных Интернет-ресурсов. Научное познание не имеет альтернативы в качестве единственного разумного, материалистического и достоверного способа объяснения действительности, ибо именно наука обеспечивает технический и социальный прогресс. Машинный перевод сегодня вытесняет классические многолетние программы подготовки специалистов. Объём и скорость распространения информации не угрожают человеку, поскольку, во-первых, нет необходимости в овладении всей информацией, во-вторых, существуют фильтры, в том числе сетевые, которые отсеивают данные, не интересные конкретному пользователю. Разговоры об антропологическом кризисе представляют собой разновидность научного мифа, ярлыка для сокрытия вполне прогрессивных явлений научно-технического и социального развития человечества.

Ключевые слова: мифология, наука, антропологический кризис, современность, российская философия, индустриальное общество, техногенная цивилизация

Для цитирования: Захаров А.О. Блеск и нищета антропологического кризиса: о мифологии современной российской философии // Концепт: философия, религия, культура. — 2022. — Т. 6, № 4. — С. 7–14. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-4-24-7-14>

Philosophical essay

SPLENDOR AND MISERY OF THE ANTHROPOLOGICAL CRISIS: A MYTH OF CONTEMPORARY RUSSIAN PHILOSOPHY

Anton O. Zakharov

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
Zakharov_anton@mail.ru <https://orcid.org/0000-0002-3654-9551>

Abstract. The concept of anthropological crisis is very popular in contemporary Russian humanities: the Russian Scientific Electronic Library, or Elibrary.ru, includes more than ten thousand publications with the keyword anthropological crisis. On the contrary, Google gives links to Russian publications only when one searches for anthropological crisis. This keyword has no reference in the famous online book catalogue Worldcat.org. Nowadays English-speaking scientific communities still explore the crisis in anthropology as a discipline. The difference between the anthropological crisis and the crisis in anthropology seems essential. The crisis of a scientific discipline is not a crisis of the human nature. The modern Russian academicians, including the late Vyacheslav Stepin, find many features of the anthropological crisis in the successes of genetic engineering and modern medicine as well as in the growing psychological pressures. Russian-language scholars find the traits of anthropological crisis in many fields, including studies of memory, bioethics, pedagogics, literature, and economics. The loss of the sense of life is often treated by Russian scholars, like Stepin and Boris Pruzhinin, as a trait of the anthropological crisis. The problems of self-identity are also marked by Russian authors as a mark of that crisis. Sergey Averintsev felt that human beings lack their human nature. Pruzhinin supposes humans cannot predict consequences of genetic engineering for their nature as a species. But all these trends have nothing in common with the anthropological crisis. Genetic engineering helps improving of sick human nature and self-realization. Certainly, all consequences are not open but there is no scientific discovery whose effects would be absolutely evident at once. Cyborgs are an inevitable step towards healthier and smarter humans. Existential problems are universal since the emergence of self-consciousness among the humans. Self-identities are in constant flux since the birth of complex societies, especially since the industrial revolution strengthened alienation. The growth and volume of information flows are not threats to humans as there is no necessity to memorize all the data in the world, and there are multiple network and personal filters which block garbage. The anthropological crisis seems a myth in contemporary Russian-language humanities in general and philosophy in particular.

Keywords: mythology, science, anthropological crisis, contemporaneity, Russian philosophy, industrial society, technocratic civilization

For citation: Zakharov, A. O. (2022) 'Splendor and Misery of the Anthropological Crisis: A Myth of Contemporary Russian Philosophy', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 6(4), pp. 7–14. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-4-24-7-14>

В третьем номере «Вопросов философии» за 2022 г. ведущие учёные России и Белоруссии вновь обратились к проблематике антропологического кризиса [Колядко, 2022; Пружинин, 2022; Сабанчеев, 2022; Терёхин, 2022], столь популярного в русскоязычной научной среде: по запросу «антропологический кризис» в РИНЦ на 07.04.2022 зафиксировано 10 435 публикаций. «Антропологический кризис» фигурирует в названиях диссертаций¹. Между тем поисковый запрос “anthropological crisis” в Google даёт ссылки исключительно на аннотации русскоязычных статей. Ничего не знает о данном кризисе и крупнейший библиотечный каталог мира Worldcat.org. Тем самым можно предположить, что антропологический кризис представляет собой прежде всего (а, возможно, исключительно) российское явление, разновидность научного мифа, удобного ярлыка для рассуждений на любые темы — от памяти [Сабанчеев, 2022] и биоэтики [Камалиева, 2018] до педагогики [Рыбаков, Степанов, 2021], литературы [Крохина, 2020] и экономики [Ломако, 2019].

Академик В.С. Степин отнёс к проявлениям антропологического кризиса «опасности изменения генофонда человечества», «возрастающее давление на человека стрессовых нагрузок» и «современные тенденции к переконструированию биологической основы человека» [Степин, 2011: 95–96]. Но можно ли считать все эти явления признаками кризиса? И что это за кризис? Перелом, переворот в при-

роде человека? А нужно ли так трястись над биологически очень несовершенным существом, подверженным бесконечным болезням и панике, столь явным в эпоху пандемии COVID-19 [Соколова, 2021]? Изменение генофонда происходило на протяжении тысячелетий и представляет собой естественный процесс, хотя современная генная инженерия способна радикально изменить саму природу человека в ближайшем будущем — как современная медицина радикально изменила демографическую структуру общества, почти избавив человечество от детской смертности и множества эпидемий. Опасения В.С. Степина касательно «постчеловека» понятны, однако если рассмотреть поведение современных людей, то выяснится, что переход к машинному типу существования, переход в «Матрицу», используя удобный образ одноименного фильма, уже фактически происходит: достаточно вспомнить привязанность людей к смартфонам, виртуальным сетям и многочисленным голосовым помощникам вроде «окей, Гугл» и Алисы. Люди уже по существу большую часть времени проводят в «машине» (и я набираю эти строки тоже отнюдь не на бумаге). Техногенная цивилизация, которая привела к якобы антропологическому кризису, в действительности обеспечила человеку небывалый доступ к информации, фантастические возможности машинного перевода, невиданный доселе уровень комфорта и безопасности в целом.

Опасения главного редактора «Вопросов философии» Б.И. Пружинина [Пружи-

¹ Шляпникова М.Н. Экологическое сознание в условиях антропологического кризиса: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.11. — Волгоград, 1997. — 116 с.; Сильнова Е.И. Философия образования: Поиски выхода из антропологического кризиса: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.11. — Саратов, 2002. — 185 с.; Прохоник О.А. Культурно-антропологический кризис и новые задачи образования в эпоху постсовременности: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.13. — Ростов-на-Дону, 2006. — 107 с.

нин, 2022: 86], следующего С.С. Аверинцеву, об угрозе «человеческому в человеке» и о неспособности общества и индивида ответить на вопрос о возможных последствиях изменения видовой природы человека под влиянием генной инженерии не столь обоснованы, как может показаться на первый взгляд. Во-первых, человек сейчас слит с машинами при помощи орудий-посредников — смартфонов, компьютеров, наушников, очков 3D. Следующий этап — киборгизация, то есть помещение части этих инструментов внутрь, например, в виде чипов. Биологический автор этих строк уже давно живёт с искусственными хрусталиками и сухожилием в руке, и нет сомнений, что имейся возможность внедрить программы со знанием множества языков, их приветствовали бы многие — хотя бы потому, что сие избавит их от необходимости запоминать уйму слов и оборотов чужой речи, а также письменных знаков. За киборгизацией возможно последует полное превращение человека в машину. И это не кризис, а выход за пределы ограниченной телесной формы, которая хочет есть, спать и отдыхать гораздо больше, чем имеется ресурсов. Понятно, что многие люди настроены консервативно, и подобные рассуждения их пугают. Однако альтернативы киборгизации попросту нет: те, кто пойдёт на совершенствование, то есть радикальную трансформацию своей биологической природы, получают колоссальные преимущества: за счёт лучшего зрения, выносливости, памяти, знаний... Это можно сравнить с успехами колясочников в беге, когда они обгоняют обычных бегунов: колесо быстрее ног, и это объективный факт. Сторонники сохранения традиционного биологического вида и генофонда человечества просто проиграют конкуренцию людям-машинам.

Все достижения генной инженерии, равно как и в целом развитие техногенной цивилизации, представляют собой результат научных исследований. В этом смысле наука остаётся главной производительной силой общества по меньшей мере с начала

научно-технической революции. Поэтому рассуждения о кризисе научной рациональности, отказ от признания научного знания доминантным и основополагающим средством рационального познания мира оказываются не более чем попыткой запутать читателей. Никакой серьёзной альтернативы у научного познания попросту нет, ведь только оно обеспечивает восьмимиллиардное население планеты Земля современными продуктами питания, средствами коммуникаций, лекарствами и знанием о действительных процессах на нашей планете и за её пределами. Призыв отказаться от науки в пользу любой иной картины мира, в первую очередь религиозной, по сути означает лозунг возврата в пещеры.

Психологические проблемы самоидентификации в постоянно меняющемся мире никак не означают некоего особого кризиса: экзистенциальные проблемы волновали людей на протяжении всей истории, на что указывают как поиски бессмертия Гильгамешем, так и «быть или не быть» Шекспира, «тварь я дрожащая или право имею» Достоевского и философия Сартра и Камю. Возросшая скорость изменений общества обычно трактуется как усложнение приспособления к нему, но едва ли это верно: в условиях почти полного исчезновения биологических факторов естественного отбора люди стали воспринимать болезненно самые незначительные изменения своего состояния; отсюда все разговоры об оскорблении чувств и растущая нетерпимость к любым иным мнениям — ибо они нарушают зону комфорта — главную ценность современного общества.

Растущие объём и скорость информационных потоков, будучи объективным фактором, вовсе не означают антропологический кризис [Бороноева, 2013; Желнин, 2015; Эриксен, 2003]. Способы эффективно управлять информационными потоками сегодня хорошо известны. К ним относятся настройки интерфейсов популярных Интернет-ресурсов, в частности Ютуба и ныне запрещённого в России Фейсбука²,

² Запрещённая организация на территории Российской Федерации.

позволяющие получать лишь нужную и/или интересную информацию; международные и российские базы данных научной периодики — Web of Science, Scopus, РИНЦ, которые дают возможность искать требуемые сведения по ключевым словам. Едва ли можно увидеть в скорости информации угрозу человеческой природе, особенно если считать её творческую преобразовательную деятельность (да и игровая природа человека, замеченная Й. Хёйзингой, от разнообразия игр только выигрывает). Возражения наподобие неспособности овладеть современным объёмом информации несостоятельны уже в силу того, что всем объёмом информации конкретной эпохи никогда не владел ни один человек с начала общественного разделения труда; тем более это верно для современного индустриального общества. Для обработки больших данных используются (супер) компьютеры. Так что антропологический кризис из-за информации не более чем миф.

Таким же мифотворчеством от науки выглядит попытка связать антропологический кризис с «производством рисков» в постулированном Ульрихом Бекон «обществе рисков» и свести его (кризис) к «разорванности бытия» [Ломако, 2019, 72; Бек, 2015; 2016]. Во-первых, бытие по своему определению не может быть разорванным: бытие есть то, что есть. Во-вторых, риски в экономике существовали во все времена, достаточно вспомнить об угрозе голода в первобытном и аграрном обществах или о кризисах перепроизводства в капитализме XIX в. Выделять производство рисков в особую ступень общественного развития после индустриальной и постиндустриальной (в действительности той же индустриальной, при которой промышленными становятся все три сектора производства, включая и сельское хозяйство, и сферу услуг) попросту бессмысленно, так как оно

осуществляется с нарушением правила единого критерия для любой классификации.

Представление о том, что антропологический кризис «отражается в потере человеком смысла жизни, ощущения гармонии с природой, нечёткостью представлений о своём месте в обществе, в мире и универсуме в целом» [Звонок, 2021: 6; Король, 2021; Сугрובה, Карпова, Дорофей, 2020] столь же надуманно. Об утрате смысла жизни говорили ещё Экклезиаст и древние философы Греции и Китая. Нечёткость представлений о своём месте в обществе, в мире и во Вселенной свойственна, по-видимому, абсолютному большинству людей: разведение о бесконечности мироздания мешает отдельному индивиду считать себя его центром, особенно если в руках оного сосредоточена необъятная власть? Разве крестьяне осознавали себя частью класса «крестьянство»? Разве объективное положение пролетариата, сегодня скрываемое под наименованием «прекариат», меняется из-за того, что отдельные пролетарии считают себя представителями среднего класса? Если нечёткость представлений о собственном месте в мире и утрата смысла жизни суть признаки антропологического кризиса, то люди живут в нём практически постоянно, и тем самым мы ничего не узнаём о специфике данного явления, более того, оно оказывается банальным незнанием и бестолковостью — коль скоро человек не может найти себе осмысленное занятие.

Рассуждения о кризисе культуры вообще³ и раскрытие антропологического кризиса как отставания духовно-нравственного развития человечества от научно-технического прогресса⁴, отмеченное ещё писателями-фантастами, в частности Станиславом Лемом в «Гласе Господа», строятся на чересчур размытых и недостаточно конкретных основаниях. В первую очередь не ясно, что считается критерием

³ Обзор концепций см.: Алексина Т.А. Антропологический кризис и экологическая этика: Учебное пособие. — Москва: Российский университет дружбы народов, 2011. — 64 с., а также в ряде других работ [Сугрובה, Карпова, Дорофей, 2020].

⁴ Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы: Учеб. пособие для студентов экон. направлений и специальностей. — Москва: Логос, 2000. — 302 с.

духовно-нравственного развития. Высокая нравственность хороша как понятие, но что ею обозначать на практике? Воздержание от преступных действий вследствие страха и/или по убеждению? Сохранение жизни каждому индивиду сегодня считается высшей ценностью, между тем только современная медицина обеспечивает выполнение этой нормы — в отличие от прежних столетий ужасающе высокой детской и женской смертности. Однако в бездуховности принято упрекать именно современную цивилизацию. На деле она — наиболее гуманна и духовна из всех существовавших в человеческой истории. Для подобного заключения имеются и иные основания. Например, информация сегодня доступна гораздо большему числу людей — в отли-

чие от периодов, когда доступ к ней резко ранжировался социально. Свобода совести позволяет сосуществовать самым разным мировоззренческим установкам — в отличие от неравноправия негосударственных религий в традиционных обществах, да и в современных государствах, где имеется официальное вероисповедание.

Таким образом, антропологический кризис представляется вымышленным, надуманным понятием, не схватывающим ключевые черты современности, а запутывающим её понимание. Наука, как и любые другие сферы жизни, не свободна от мифотворчества, и антропологический кризис — один из мифов русскоязычного гуманитарного дискурса.

Список литературы:

- Бороноева Н.А. Антропологический кризис в контексте глобализации // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2013. — № 5. — С. 202–207.
- Желнин А.И. Информационное измерение антропологического кризиса цивилизации // Информационное общество. — 2015. — № 6. — С. 35–41.
- Звонок А.А. Современная наука и образование: антропологический кризис // Вестник Луганского государственного педагогического университета. Серия 1. Педагогические науки. Образование. — 2021. — Т. 64, № 2. — С. 5–9.
- Камалиева И. Р. Антропологический кризис в современной медицине // Философия и культура. — 2018. — Т. 5, № 5. — С. 65–70.
- Колядко И.Н. Антропологический кризис техногенной цивилизации: параметры и перспективы преодоления // Вопросы философии. — 2022. — № 3. — С. 76–80. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-3-76-80>
- Король А.Д. Антропологический кризис в социальных реалиях XXI столетия // Философские науки. — 2021. — Т. 64, № 5. — С. 45–56. <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2021-64-5-45-56>
- Крохина Н.П. Антропологический кризис в рецепции Отечественной литературы конца XX века // Ноосферные исследования. — 2020. — № 2. — С. 78–83. <https://doi.org/10.46724/NOOS.2020.2.78-83>
- Ломако О.М. Антропологический кризис в обществе риска: философский анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. — 2019. — Т. 23, № 1. — С. 66–73. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2019-23-1-66-73>
- Пружинин Б.И. Антропологический кризис как тема философии // Вопросы философии. — 2022. — № 3. — С. 86–92. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-3-86-92>
- Рыбаков С., Степанов И.И. Постмодернизм в педагогике как отражение фундаментального антропологического кризиса // Духовно-нравственное воспитание. — 2021. — № 4. — С. 3–8.
- Сабанчиев Р.Ю. Феномен памяти в эпоху кризиса техногенной цивилизации // Вопросы философии. — 2022. — № 3. — С. 71–75. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-3-71-75>
- Соколова С.Н. Антропологический кризис: безопасность человека и общества в период пандемии // Вестник Полесского государственного университета. Серия общественных и гуманитарных наук. — 2021. — № 1. — С. 74–80.

- Степин В.С. Цивилизация и культура. — Санкт-Петербург: СПбГУП, 2011. — 407 с.
- Сугробова Ю.Ю., Карпова И.Д., Дорофей Ю.О. Параметры антропологического кризиса и современного глобального поколения // Человек и культура. — 2020. — № 6. — С. 22–34. <https://doi.org/10.25136/2409-8744.2020.6.34308>
- Терехин Е.Л. Поиск новых типов научной рациональности в условиях антропологического кризиса: релятивистский подход // Вопросы философии. — 2022. — № 3. — С. 81–85. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-3-81-85>
- Эриксен Т.Х. Тирания момента: Время в эпоху информации. — Москва: Весь мир, 2003. — 204 с.
- Beck U. *Weltrisikogesellschaft: auf der Suche nach der verlorenen Sicherheit*. — Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2015. — 439 p.
- Beck U. *Risikogesellschaft: Auf dem Weg in eine andere Moderne*. — Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2016. — 396 p.

References:

- Beck, U. (2015) *Weltrisikogesellschaft: auf der Suche nach der verlorenen Sicherheit*. Frankfurt am Main: Suhrkamp (Edition zweite Moderne).
- Beck, U. (2016) *Risikogesellschaft: Auf dem Weg in eine andere Moderne*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag.
- Boronoeva, N. A. (2013) 'Antropologicheskiiy krizis v kontekste globalizatsii [Anthropological crisis in the context of globalization]', *Aktualnye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, (5), pp. 202–207. (In Russian).
- Eriksen, T. H. (2001) *Øyeblikkets tyranni*. Oslo: Aschehou. (Russ. ed.: (2003) *Tiraniya momenta: Vremya v epokhu informatsii*. Moscow: Ves' mir Publ.).
- Kamalieva, I. R. (2018) 'Anthropological crisis in modern medicine', *Philosophy and Culture*, 5(5), pp. 65–70. (In Russian). <https://doi.org/10.7256/2454-0757.2018.5.26164>
- Kolyadko, I. N. (2022) 'Anthropological Crisis of Technogenic Civilization: Parameters and Perspectives of Overcome', *Voprosy Filosofii*, pp. 76–80. (In Russian). <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-3-76-80>
- Korol, A. D. (2021) 'Anthropological Crisis in the Social Realities of the 21st Century', *Russian Journal of Philosophical Sciences*, 64(5), pp. 45–56. (In Russian). <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2021-64-5-45-56>
- Krokhina, N. P. (2020) 'Anthropological Crisis in the Reception of Russian Literature of the Late Twentieth Century', *Noosfernye issledovaniâ*, (2), pp. 78–83. (In Russian). <https://doi.org/10.46724/NOOS.2020.2.78-83>
- Lomako, O. M. (2019) 'Anthropological Crisis in The Risk Society: Philosophical Analysis', *RUDN Journal of Philosophy*, 23(1), pp. 66–73. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2019-23-1-66-73>
- Pruzhinin, B. I. (2022) 'Anthropological Crisis as a Theme of Philosophy', *Voprosy Filosofii*, pp. 86–92. (In Russian). <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-3-86-92>
- Rybakov, S. and Stepanov, I. I. (2021) 'Postmodernism in Pedagogy as a Reflection of the Fundamental Anthropological Crisis', *Duhovno-nravstvennoe vospitanie*, (4), pp. 3–8. (In Russian).
- Sabancheev, R. Y. (2022) 'The Phenomenon of Memory in the Era of the Crisis of Technogenic Civilization', *Voprosy Filosofii*, pp. 71–75. (In Russian). <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-3-71-75>
- Sokolova, S. N. (2021) 'The Anthropological Crisis: Human Security and Society During the Pandemic', *Vestnik Polesskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriâ obshchestvennykh i gumanitarnykh nauk*, (1), pp. 74–80. (In Russian).
- Stepin, V. S. (2011) *Tsivilizatsiya i kul'tura [Civilization and Culture]*. Saint Petersburg: SPbGUP Publ. (In Russian).
- Sugrobova, Y. Y., Karpova, I. D. and Dorofei, Y. O. (2020) 'The parameters of anthropological crisis and modern global generation', *Man and Culture*, (6), pp. 22–34. (In Russian). <https://doi.org/10.25136/2409-8744.2020.6.34308>
- Terekhin, E. L. (2022) 'Search for New Types of Scientific Rationality in an Anthropological Crisis: a Relativistic Approach', *Voprosy Filosofii*, pp. 81–86. (In Russian). <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-3-81-85>

Zhelnin, A. I. (2015) 'Information Dimension of Anthropologic Crisis of Civilization (to the Information Impact on a Person, Human Psychology and Biology)', *Informacionnoe obščestvo*, (6), pp. 35–41. (In Russian).

Zvonok, A. A. (2021) 'Modern Science and Education: Anthropological Crisis', *Vestnik Luganskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Ser. 1: Pegagogicheskie nauki. Ovrzovanie*, 64(2), pp. 5–9. (In Russian).

Информация об авторе

Антон Олегович Захаров — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании, Институт востоковедения РАН, 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12; профессор общеуниверситетской кафедры «Философия и гуманитарные науки», Московский государственный психолого-педагогический университет, 127051, Москва, ул. Сретенка, д. 29. (Россия)

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Anton O. Zakharov — Doctor of History, Leading Research Fellow (Southeast Asia, Australia and Pacific), Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 12, Rozhdestvenka str., Moscow, Russia, 107031; Professor at the Universitywide Department of Philosophy and the Humanities, Moscow State University of Psychology & Education, 29, Sretenka str., Moscow, Russia, 127051 (Russia)

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 25.10.2022; одобрена после рецензирования 21.11.2022; принята к публикации 28.11.2022.

The article was submitted 25.10.2022; approved after reviewing 21.11.2022; accepted for publication 28.11.2022.

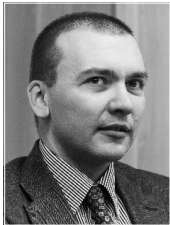

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД БОРИСА ЛОМОВА В КОНТЕКСТЕ НАУЧНОЙ КУЛЬТУРЫ ПОЗДНЕСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Владимир Иванович Коннов

МГИМО МИД России, Москва, Россия
v.konnov@inno.mgimo.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7292-8850>

Аннотация. В центре внимания статьи исследовательская программа Б.Ф. Ломова, которая рассматривается через призму представлений о российской научной культуре, с учётом нюансов позднесоветского периода. Научная культура анализируется в соответствии с моделью, выделяющей в ней практики как характерный устойчивый образ действий, и паттерны как когнитивные элементы, которые придают культуре целостность. С точки зрения этой модели любая новация предполагает внедрение в культуру новых практик, которые сталкиваются с существующими паттернами. Выделяются три основных паттерна отечественной научной культуры, действовавшие в советский период, которые описываются по аналогии с «темами» С. Московичи в виде формул: (а) «наука — дело государственное», (б) «фундаментальная наука — создание задела для технологий будущего», (в) «наука — самоотверженное служение». Практики же, продвигаемые в рамках программы Ломова, были в значительной степени связаны с американской инженерной психологией, в том числе с образом действий А. Чапаниса, и как таковые сталкивались с принципами организации советского научного комплекса, в том числе и отражающими упомянутые паттерны. Как аспект этого столкновения рассматривается возникшее в советской психологии 1970-х – 1980-х гг. напряжение между сторонниками теории деятельности А.Н. Леонтьева и системным подходом Б.Ф. Ломова. В статье прослеживается связь между этой ситуацией и столкновением практик, продвигаемых Ломовым, с культурой науки позднего советского периода. В рассмотрении этого столкновения объединяются интернальная и экстернальная перспективы: с одной стороны, как его проявление исследуются теоретические противоречия между теорией деятельности и системным подходом, с другой — социально-политические проблемы, связанные с перемещением руководящего центра психологии из АПН СССР в АН СССР, с задачей объединения различных психологических течений в структуре Института психологии, с внедрением новых представлений об организации психологических исследований.

Ключевые слова: научная культура, системный подход, теория деятельности, ИП АН СССР, история психологии

Благодарности: Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 18-78-10123.

Для цитирования: Коннов В.А. Системный подход Бориса Ломова в контексте научной культуры позднесоветского периода // Концепт: философия, религия, культура. — 2022. — Т. 6, № 4. — С. 15–26. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-4-24-15-26>

Research article

BORIS LOMOV'S SYSTEMS APPROACH IN THE CONTEXT OF THE SCIENCE CULTURE OF THE LATE SOVIET PERIOD

Vladimir I. Konnov

MGIMO University, Moscow, Russia

v.konnov@inno.mgimo.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7292-8850>

Abstract. The focus of the article is the research program of B. F. Lomov, viewed through the prism of Russian scientific culture, while taking into account the nuances of the late Soviet period. Scientific culture is analyzed in accordance with a model that singles out practices as a typical and stable way of doing things, and patterns as cognitive elements that integrate culture into a concise whole. Viewed via this model, any innovation appears to involve introduction of new practices into the culture. That means the risk of the introduced practices colliding with existing patterns. There are three main patterns of the Russian scientific culture that operated in the Soviet period, which are described as formulas analogous with the *themes* of S. Moskovichi: (a) science is a state matter, (b) basic science creates groundwork for the technologies of the future, (c) science is a selfless service. The practices promoted within Lomov's program were largely associated with American engineering psychology as practiced by A. Chapanis, and, as such, collided with the organization of the Soviet scientific establishment, built around the patterns mentioned. As a consequence of this contention, the article examines the tension that arose in Soviet psychology in the 1970s and 1980s between the supporters of the activity theory of A. N. Leontiev on one side and B. F. Lomov's systems approach on the other. It draws parallels between this collision and the collision of the practices promoted by Lomov with the patterns of the science culture of the late Soviet period. Both external and internal perspectives are employed: the article examines the theoretical contradictions between the activity theory and the systems approach, and at the same time investigates the context of the theoretical argument: the transfer of the leadership in the psychological science from the Academy of the Pedagogical Sciences to the Academy of Sciences of the USSR, the mosaic outlay of the newly established Institute of Psychology, the influence of new approaches to the organization of research.

Keywords: research culture, systems approach, activity theory, Institute of Psychology of the Academy of Sciences of the USSR, history of psychology

Acknowledgements: The article was prepared with support from the Russian Science Foundation, project No. 18-78-10123.

For citation: Konnov, V. I. (2022) 'Boris Lomov's Systems Approach in the Context of the Science Culture of the Late Soviet Period', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 6(4), pp. 15–26. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-4-24-15-26>

Центральным событием для психологической науки поздней советской эпохи было создание академического Института психологии. Новый институт превосходил по масштабу все ранее существовавшие отечественные психологические учреждения, однако значение события не сводилось к количественному росту. Психология впервые получила представительство в Академии наук, что означало официальное закрепление её «фундаментального» статуса — включение в круг научных дисциплин, создающих фундамент научно-технического развития. Это подразумевало реорганизацию советской психологии: контроль над ней переходил от Академии педагогических наук к «большой» академии. Как любая реорганизация такого рода, этот переход не мог не вызвать определённого напряжения внутри психологического сообщества.

В создании института также просматривалась смена приоритетов психологической науки. Ключевым направлением работы ИПАН должна была стать инженерная психология, что означало поворот от главных для советской психологии вопросов человеческого развития и педагогики. Такой поворот подразумевал сближение психологии с секторами прикладной науки и опытно-конструкторских работ, которое должно было сопровождаться существенным ростом затрат на психологические исследования, связанным с появлением нового института. В перспективе это означало принципиальное изменение облика психологической науки, что, опять же, не могло не породить некоторого беспокойства внутри сообщества психологов.

Однако новаторская роль ИПАН выходила за пределы психологического сообщества. Практики, которые по замыслу директора Бориса Федоровича Ломова должны были стать центральными для

работы нового института, во многом диссонировали с культурой советской науки, и путь к их закреплению и распространению, хотя в перспективе и мог увенчаться успехом, не мог быть бесконфликтным.

Научная культура

В настоящей статье предлагается взгляд на этот процесс с позиций теории национальной научной культуры [Коннов, 2012; Юревич, 2015], которая представлена как возможный метод преодоления разрыва между интерналистским и экстерналистским взглядами на историю науки. Интерналистский подход нацелен как известно на содержание науки, экстерналистский — на контекст её существования, и традиционное понимание их соотношения подразумевает, что контекст оказывает влияние на то, как — быстро или медленно — развивается наука, но он (контекст) не способен влиять на её содержание, которое расширяется по своей внутренней логике, следуя за объективным состоянием природы. Главная попытка преодолеть такое разделение была предпринята в 1970-е гг. В наиболее ярком виде она проявилась в социологии науки, сместившей акцент на микроуровень научной деятельности, на то, как конкретная ситуация, в которой работает учёный, влияет на его решения. Исследования такого рода имели широкий успех, но в них преобладало внимание к ситуативному влиянию, и практически не ставился вопрос об устойчивом влиянии, приобретающем исторический характер, например, со стороны национальной культуры, к которой принадлежит учёный. Этот вопрос попадает в смежное поле между культурологическим и психологическим исследованием, так как любая культура становится устойчивой бла-

годаря тому, что она интернализуется её представителями.

Подходящим инструментом для разработки этой проблемы выступает теоретическая модель культуры, состоящая из двух главных элементов. В ней в качестве базовой составляющей принимается практика как некий устойчивый образ действий. А в качестве обобщающего когнитивного элемента, придающего культуре целостность, рассматриваются паттерны. Такого рода двухзвенные схемы характерны для социокультурной психологии, в которой в качестве упорядочивающих практики элементов рассматриваются «модели реальности» [Shweder, 2003], «интерсубъективные когнитивные схемы» [D'Andrade, 1995], «темы» [Moscovici, 2001] и др. В целом же, эта традиция восходит к культурным паттернам Р. Бенедикт, которая, в свою очередь, основывала эту категорию на «конфигурациях» гештальтпсихологии [Benedict, 1960].

Подход к истории советской психологии с таких теоретических позиций позволяет увидеть в ней процессы, которые ранее не выделялись, но при этом играли важную, а возможно, и определяющую роль. Период, который рассматривается в статье, — это три последних советских десятилетия с 1960-х по 1980-е гг. Исследование сфокусировано на психологической теории этого периода, а в качестве главной фигуры, обеспечивающей точку входа в сеть исторических связей, принимается деятельность Б.Ф. Ломова, и, в первую очередь, его работы, в которых были сформулированы основы системного подхода.

Данный материал рассматривается через призму культурного контекста, в котором функционировала психология. Этот контекст складывается из ряда аспектов: принимается во внимание актуальное на тот момент состояние психологической теории, организационная ситуация в Институте психологии в смысле её связей с содержанием работы Ломова, положение последнего в сообществе советских психологов и в научном сообществе в целом, с учётом того, что состояние дел в этих сообществах напрямую зависело от политических тенденций. Источниками, которые

делают возможной реконструкцию этого культурного контекста, служат публикации в научных и общественных изданиях этого периода, материалы Научного архива Института психологии и Архива Академии наук. Важную роль сыграли интервью с сотрудниками Института психологии — в целом 26 интервью общей продолжительностью более 40 часов.

Характеризуя национальные научные культуры, в качестве их главной особенности следует выделить то, что учёные существуют на пересечении двух культурных полей. С одной стороны, они находятся в национальном культурном поле, с другой — в поле науки, которая выступает подчёркнуто международным предприятием, использует свой особый язык и опирается на особые институты. Пересечение полей создаёт противоречия, как, например, в случае с учёными, участвующими в разработке оружия: это может быть важной национальной задачей, но неизбежно противоречит декларируемой цели мировой науки работать на благо всего человечества. Подобные конфликты вызывают потребность в разрешении, результатом которого становится своего рода сплав культур, образующий особую национальную научную культуру.

В качестве главного когнитивного отображения сложившейся культуры можно выделить паттерны, которые характеризуются аналогично тому, как С. Московичи описывает «темы» — по сути дела, формулы, составляющие ядро социальных представлений [Moscovici, 2001]. И как показывают предшествующие исследования российской научной культуры [Балышев, Коннов, Харкевич, 2014], в ней отчётливо просматриваются, по крайней мере, три паттерна.

В первую очередь, паттерн, который можно выразить формулой «наука — дело государственное». Он проявляется в убеждении, что государство — это единственный реальный источник поддержки научной деятельности, а научные исследования — это одна из главных или даже главная составляющая успешной государственной политики.

Второй паттерн можно сформулировать следующим образом: «Фундаментальная

наука — это создание задела для технологий будущего». Из этой формулы следует, что цели учёного, в конечном счёте, всегда практические. А их оторванность от текущих технических задач, характерная для фундаментальной науки, объясняется лучшим, чем у практиков, пониманием, что станет определяющим в долгосрочной перспективе.

И наконец третий паттерн — «Наука — самоотверженное служение». В качестве основного источника мотивации учёного здесь признается особого рода энтузиазм, который преобладает над личными потребностями и расценивается как вид служения обществу. Представление об исследователе как о предпринимателе или любознательном эксцентрике, ведомом главным образом эгоистическими мотивами, для российских учёных не характерно.

Легко заметить, что по всем этим паттернам отечественная наука отличается от доминирующей в современной мировой науке американской научной культуры. В последней заложены прямо противоположные формулы: предпочтительный партнер для учёных — частные структуры, а сотрудничество с государством всегда связано с риском нежелательного влияния; за фундаментальные исследования принимаются те, которые по определению не связаны ни с какими прикладными задачами; а основным мотивом учёных считается их стремление к личному успеху или любознательность как особенная черта характера.

Новации Ломова

Взгляд с этих теоретических позиций на деятельность Б.Ф. Ломова вскрывает, как, выступая в роли теоретика и вместе с тем организатора науки, он задействовал практики, которые во многом шли вразрез с паттернами отечественной научной культуры.

Истоки этих новаций обнаруживаются в основной для Ломова отрасли инженер-

ной психологии. Его отечественные предшественники на этом направлении хорошо известны [Бодалев, 2007], но не меньшую роль для Ломова играл зарубежный опыт, прежде всего американский. О влиянии американской инженерной психологии говорит и само название направления, которое представляло собой буквальный перевод с английского языка, — по мнению ряда учёных, не очень удачный¹ [Пископель, Щедровицкий, 1980]. И то, какое внимание Ломов уделял зарубежным источникам, отчётливо видно в его программной книге «Человек и техника» [Ломов, 1966], почти половину библиографии которой составляют иностранные работы, главным образом американские. Для психологической публикации это было необычным, так как именно психология считалась одним из успешных примеров построения оригинальной советской науки, развивавшейся в значительной степени автономно от западной теории. И показательно, что открытое использование Ломовым зарубежных источников до сих пор может ставиться ему в упрёк [Смолян, 2017: 627].

Библиография книги «Человек и техника» также указывает, на кого именно из американских инженерных психологов ориентировался Ломов. И по числу источников, и по количеству упоминаний в тексте первое место занимает Альфонс Чапанис, которого в одной из статей того же периода Ломов характеризует как «главу американской инженерной психологии» [Ломов, 1970: 38]. Учитывая, что Ломов претендовал на аналогичное лидерство в Советском Союзе, резонно предположить, что он мог рассматривать подходы Чапаниса как образец.

Чапанис же представляет определённую ветвь инженерной психологии. Его работы сосредоточены главным образом на проблемах взаимодействия человека с системами управления. Он определённо предпочитал прикладные задачи: два самых известных его изобретения — рукояти разной формы, различимые на ощупь,

¹ Стенограмма заседания секции общественных наук АН СССР 6 декабря 1979 г. АРАН. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 287. Л. 73.

для управления самолетами и разработка четырёхрядного расположения кнопок на панели телефона, которое стало мировым стандартом.

Чапанис в своих воспоминаниях пишет: несмотря на то, что он долгое время проработал в Университете Джонса Хопкинса, в университетской фундаментальной науке ему так и не удалось стать своим [Chapanis, 1999]. При этом успех Чапаниса в прикладной работе во многом был результатом его усилий по продвижению, а можно сказать, и рекламе своего направления: он постоянно выступал на самых разных технологических конференциях, настойчиво продвигал свои публикации в популярных изданиях и непрерывно искал новые отрасли, в которых могли быть востребованы результаты его исследований. Стиль же его работы характеризовался тем, что во главу угла ставились интересы заказчика. Характерно, что, по его собственным словам, такой подход к работе он вынес из опыта военной службы. Первые исследования Чапаниса были нацелены на решение военных задач, а в дальнейшем вооруженные силы оставались для него одним из важнейших клиентов на протяжении всей его исследовательской карьеры.

Возвращаясь к Ломову, нужно подчеркнуть, что его исследовательская программа складывалась в начале 1960-х гг., и применительно к этому периоду то, что американский предприниматель от науки мог служить ориентиром для советского учёного, не представляло чего-то из ряда вон выходящего. В советской науке в это время разворачивается целое движение «американизаторов», как охарактеризовал его американский социолог Р. Видмер [Vidmer, 1980]. Определяющим для этого движения была политика возвращения к «ленинским принципам», провозглашенная Хрущевым, в рамках которой он делал, в частности, такие заявления: «Нам следует помнить указание В.И. Ленина — уметь, если нужно, учиться у капиталистов, пере-

нимать то умное и выгодное, что у них есть»². Эта политика открыла путь целому ряду научных новшеств, самым заметным среди которых была вначале реабилитация, а потом и стремительный рост кибернетики, представлявшей собой, как известно, американское изобретение.

Подобное отношение к зарубежной науке пошло на спад после снятия Хрущева, и ситуация конца 1960-х, когда Ломов занимался продвижением проекта Института психологии, уже менее располагала к использованию американского опыта. Однако и в том, как институт был организован, и какие приоритеты задавал его директор, черты, схожие с инженерной психологией по Чапанису, определённо просматриваются.

Прежде всего, по собственному свидетельству Ломова, его первоначальным проектом был институт инженерной психологии [Ломов, 1991]. Эту позицию пришлось пересмотреть главным образом потому, что Академия наук позиционировалась как учреждение именно фундаментальной науки. Тем не менее, Ломов сохранил нацеленность на прикладные работы, и активно работал над поиском заказов, постоянно расширяя круг своих партнёров. В этом смысле стиль его работы был похож на стиль Чапаниса, а по масштабу работ, в которые он был вовлечён, Ломову удалось превзойти своего американского коллегу, в первую очередь, благодаря участию в советской космической программе.

Но такой образ действий очевидно конфликтовал с обозначенными выше паттернами отечественной научной культуры. Прежде всего, необходимые для научного консультанта гибкость и готовность подстраиваться под нужды заказчика плохо сочетаются с образом полностью захваченного своими идеями учёного. Где есть гибкость, всегда можно заподозрить неискренность, и это сразу же ставит под сомнение идеальный образ. А необходимость соответствовать этому образу восприни-

² Хрущёв Н.С. Развитие экономики СССР и партийное руководство народных хозяйством // Правда. — 1962. — 20 ноя. — С. 3.

мается в отечественной науке предельно серьезно. Можно привести в пример сборник «Наука России в лицах», в котором были собраны биографические статьи из Вестника Академии наук. Самоотверженность в служении своим идеям упоминается практически в каждом очерке на протяжении шести томов [Российская наука в лицах, 2003-2009].

Нацеленность на поиск прикладных работ по широкому спектру также плохо сочеталась с формулой государственной науки. Советская наука, как и советская экономика, представляла собой единый комплекс, подчинённый планированию. Такая организация подразумевала упорядоченное перемещение результатов из фундаментальной науки в прикладную. Существенным пороком этой системы была медлительность, но в то же время она давала преимущества в проведении долгосрочных масштабных проектов.

В этом контексте то, как работал Институт психологии, выделяло его и в гуманитарном блоке академии, и среди других психологических организаций. Конечно, нельзя сказать, что привлечение заказов на прикладные работы было чем-то уникальным, но практически ни одна организация не пересекала дисциплинарные и отраслевые границы так явно и так часто, как это делал Институт психологии. В этом не было формального нарушения, но по сути такой образ действий шёл вразрез с логикой вертикально организованного научно-го комплекса.

Проблема возникала и с представлениями о государственной науке, преобладавшими в научном сообществе. Для психологов двумя главными направлениями участия в государственных делах были, во-первых, образование, а, во-вторых, идеология. Именно в таком виде психология функционировала под патронажем Академии педагогических наук в послевоенные десятилетия. Для Ломова же обе области явно не были приоритетными. Он открыто говорил о том, что педагогическую пси-

хологию следует оставить за АПН [Ломов, 1979]. Что же касается идеологии, то в ней Институт психологии, можно сказать, выполнял необходимый минимум, обеспечиваемый сектором социальной психологии во главе с Е.В. Шороховой, но сверх этого никаких инициатив по усилению роли психологии в решении идеологических вопросов Ломов не выдвигал (за что в 1983 г. на заседании президиума Академии наук его упрекал директор Института марксизма-ленинизма А.Г. Егоров³).

С точки зрения старшего поколения советских марксистов такая линия могла рассцениваться как оппортунистическая. Получалось, что новый институт официально провозглашённый головным в стране, занимается не закреплёнными за психологией государственными задачами, а работает с заказчиками из областей, официально с психологией никак не связанными. И при этом концентрирует на этих работах ресурсы,кратно превосходящие те, которые доступны психологии для решения её, казалось бы, главных задач.

Модель Ломова также расходилась с пониманием фундаментальной науки как нацеленной на прикладные результаты в отдалённой перспективе. В упомянутых выше интервью с сотрудниками Института психологии звучало, что в частных разговорах Ломов объяснял обилие заказных (зачастую технических по своему содержанию) работ тем, что таким образом обеспечиваются ресурсы, необходимые для того, чтобы сотрудники могли заниматься исследованиями, интересными им самим. Такое понимание соотношения фундаментальных и прикладных исследований является типичным для англо-американской науки, и расходится с представлением, согласно которому вся наука в конечном счёте подчиняется практическим задачам, пусть в фундаментальном секторе учёные и имеют дело с проблемами, которые можно будет решить только в отдалённой перспективе.

Таким образом, модель научной работы, которая продвигалась в Институте пси-

³ Стенограмма заседания Президиума АН СССР 26 мая 1983 г. АРАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 864. Л. 76.

хологии под руководством Ломова, была попыткой обновления отечественной психологии, наметившейся ещё в начале 1960-х гг., и которая, как и аналогичные попытки в других научных дисциплинах, а также в экономике, встретила сопротивление.

Это было ключевым для развития психологической теории 1970-х гг., в которой, как известно, существовало напряжение между теорией деятельности А.Н. Леонтьева и системным подходом Ломова. Ситуация не переходила в публичные столкновения, и в принципе это была по большей части заочная дискуссия. В публикациях обоих психологов нет личных выпадов, но некоторые из их текстов дают понять, что это было вполне осознанным соперничеством [Леонтьев, 1983; Ломов, 1977]. Ещё более отчётливые свидетельства можно обнаружить в стенограммах различных заседаний — учёного совета Института психологии⁴, Отделения философии и права⁵ и др. Но даже здесь конкуренция чаще проявляется в форме подчеркнутых умолчаний или критики некоторых научных течений без указания, кому именно эта критика адресуется. Леонтьев, например, в своих выступлениях последовательно увязывал системный подход с позитивизмом⁶ — ход совсем не безобидный, учитывая, что в советской идеологии позитивизм трактовался как «реакционная доктрина» [Гулыга, 1955].

Конкуренция между теориями обострилась после смерти Леонтьева в 1979 г. Его место во главе факультета психологии МГУ занимает коллега Ломова по Ленинградскому университету А.А. Бодалёв. Это, с одной стороны, усиливает положение ленинградцев, но одновременно вызывает рост напряжения между, условно, ленинградской и московской школами. По-видимому,

именно такое обострение вынуждает Ломова выступить уже с открытой критикой теории деятельности [Ломов, 1981].

Изучение контекста этих событий показывает, что к этому конфликту было много предпосылок. Прежде всего, к нему толкало то, что советская идеология исключала возможность плюрализма теорий. Как было сказано в партийном учебнике 1970-х гг., плюрализм — это «антинаучное измышление»⁷. Естественно, такие установки прямо провоцировали конфликты между научными школами.

Напряжение также возникло из-за перехода контроля над советской психологией от АПН к институту «большой академии», и непосредственно от Леонтьева, который в 1960-е был вице-президентом АПН, курировавшим психологию, к Ломову, который стал директором нового головного института. Подобные перемещения центров влияния редко проходят бесконфликтно.

Но сопротивление Ломова закреплению теории деятельности в качестве общей теоретической рамки для всей советской психологии было также связано и с её содержанием. Будучи не просто формально, а содержательно марксистской, она фактически принимала положение, согласно которому человека можно изучать только в развитии, соответственно, только исторически. Этот взгляд вполне подходил для психологии развития, и применительно к ней признавался оригинальным и продуктивным, в том числе и на Западе. Но его утверждение в качестве рамочной теории создавало барьер, препятствующий восприятию ряда динамично развивавшихся направлений мировой психологии 1970-х гг. Прежде всего это касалось когнитивной психологии, которая была в своей основе феноменологической, а значит несовместимой с марксизмом: в марксизме

⁴ Стенограмма заседания Учёного совета Института психологии АН СССР 7 марта 1973 г. АРАН. Ф. 2097. Оп. 1. Д. 9. Л. 7–88.

⁵ Стенограмма заседания бюро отделения философии и права АН СССР 30 марта 1976 г. АРАН. Ф. 1844. Оп. 1. Д. 159.

⁶ Стенограмма заседания Учёного совета Института психологии АН СССР 7 марта 1973 г. АРАН. Ф. 2097. Оп. 1. Д. 9. Л. 16; Стенограмма заседания бюро отделения философии и права АН СССР 30 марта 1976 г. АРАН. Ф. 1844. Оп. 1. Д. 159. Л. 48.

⁷ Диалектический и исторический материализм / Под ред. С.М. Ковалева. — Москва: Политиздат, 1971. — С. 174.

феноменология трактовалась как ответвление идеализма, т.е. однозначно буржуазное учение.

Как всякая марксистская концепция, теория деятельности была по своей сути монистической, предполагавшей сведение всех исследуемых феноменов к одному базовому элементу. Институт же психологии возник как объединение школ. В 1972 г. в его состав были целиком переведены два подразделения из других научных организаций — Лаборатория дифференциальной психофизиологии из НИИ общей и педагогической психологии и Сектор философских проблем психологии из Института философии, возглавляемые соответственно В.Д. Небылицыным и Е.В. Шороховой. В институт также была включена Лаборатория нейрофизиологических основ обучения, научным руководителем которой выступал академик П.К. Анохин и в который работали в основном выходцы из Института нормальной и патологической физиологии Академии медицинских наук [Белопольский, Журавлев, Костригин, 2020]. И, наконец, сам Ломов представлял инженерную психологию — направление, которое привлекло множество специалистов с техническим образованием, ориентированных на то, чтобы рассматривать человека и технику через общий набор показателей как систему «человек-машина». Подходы, которых придерживались эти группы, отличались друг от друга практически по всему: по методам, по критериям, предъявляемым к результатам, по теоретическим основаниям. Говоря терминами Т. Куна, они были несоизмеримыми.

Такая комбинация ставила перед Ломовым непростую задачу. С одной стороны, учредительными документами института ему прямо предписывалось сформировать общую теоретико-методологическую базу для советской психологии⁸. С другой — он зависел от поддержки каждой из групп, и конфликт, который могли спровоцировать попытки навязать им некий искусствен-

ный стандарт, явно был не в интересах института. Выход из этой дилеммы Ломов находит в использовании системного подхода. Теория систем была ему изначально близка — как и инженерная психология, она напрямую связана с таким сложившимся в военные годы направлением, как системотехника. А её безусловным преимуществом была изначальная множественность перспектив. Систему всегда можно рассматривать как совокупность подсистем, значение каждой из которых сводится к её влиянию на систему в целом без необходимости рассматривать её внутреннее устройство. Такая перспектива позволяет развивать разные психологические отрасли — психофизиологию, личностную психологию, социальную психологию и т.д. — без необходимости сводить их к какому-то одному стандарту. В контексте советской научной культуры это было важным преимуществом.

В истории конкуренции между теорией деятельности и системным подходом также отразились принципиальные перемены в исследовательской практике психологии, т.е. смена парадигм в узком, собственно куновском понимании этого термина. Фактически произошел переход от психологической лаборатории, как она сложилась в конце XIX в., к промышленной лаборатории. Прообраз классической лаборатории подразумевает профессора с несколькими ассистентами, которые работают с небольшим числом испытуемых и при необходимости самостоятельно конструируют оборудование. Результаты же опытов сводятся преимущественно к тем данным, которые можно собрать путём непосредственного наблюдения [Smith, 1997].

Переход к промышленной модели произошёл после Второй мировой войны, сначала благодаря расширению промышленного производства медицинского, а затем непосредственно исследовательского оборудования, и в дальнейшем — благодаря появлению компьютерной техники.

⁸ Постановление Президиума Академии науки Союза ССР об организации Института психологии АН СССР 16 декабря 1971 г. АРАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 864. Л. 18.

Закупки и обслуживание оборудования требовали значительных средств, что означало фактическую невозможность лабораторий нового типа функционировать без устойчивого внешнего финансирования. Это привело к пересмотру представлений о профессиональном продвижении психолога. Если раньше подразумевалось, что в этой специальности вполне возможно продемонстрировать новаторские результаты самостоятельно, без внешней поддержки, и лишь показав такие результаты, следует претендовать на государственные или частные средства, которые обеспечивались либо путём назначения на профессорскую должность, либо путём учреждения лаборатории, то теперь складывалась ситуация, в которой заниматься передовой исследовательской работой без устойчивого финансирования становилось затруднительным. В советском же контексте найти масштабное финансирование для фундаментальных исследований за пределами академического сектора было практически невозможно.

Заключение

Взгляд на ситуацию, складывающуюся в советской психологии, через призму национальной научной культуры, открывает

следующую картину. К 1960-м гг. марксистское мировоззрение по крайней мере отчасти ассимилировалось национальной культурой. Этот процесс сближения породил ряд ярких феноменов, в том числе и в науке, среди которых выделялась советская психология. Однако сближение не означало прекращение внутренней динамики культурного поля, которая продолжалась в виде борьбы тенденций к стабилизации и к обновлению. В науке путь к обновлению виделся преимущественно в сближении с западными образцами. И одним из главных проводников этой тенденции стал Б.Ф. Ломов, активно продвигавший новые практики психологического исследования.

Процесс их внедрения в научную культуру шёл хотя и не беспрепятственно, но результативно. Однако это развитие оказалось оборвано политическими событиями, которые катастрофически сказались на состоянии науки. В общем-то, в психологии отразилась общая история коллапса советской системы: и консерваторов, и реформаторов смели радикалы. Как отражение рыночного радикализма в психологии можно рассматривать историю раскола между академической и терапевтической психологией. Но этот эпизод относится уже к другому периоду.

Список литературы:

- Балышев А.В., Коннов В.И., Харкевич М.В. Ценностные ориентиры экспертов РФФИ: Опыт когнитивного картирования // Социологические исследования. — 2014. — № 3. — С. 94–106.
- Белопольский В.И., Журавлев А.Л., Костригин А.А. История организации и начало деятельности Института психологии АН СССР в документах и воспоминаниях современников // Психологический журнал. — 2020. — Т. 41, № 5. — С. 97–107. <https://doi.org/10.31857/S020595920011085-9>
- Бодалев А. А. Борис Федорович Ломов — воспитанник ленинградской психологической школы и талантливый продолжатель ее традиций // Психологический журнал. — 2007. — Т. 28, № 3. — С. 14–16.
- Гулыга А.В. Возникновение позитивизма // Вопросы философии. — 1955. — №6. — С. 57–69.
- Коннов В.И. Характеристика российской научно-исследовательской культуры: возможности социально-психологического подхода // Вопросы психологии. — 2012. — №4. — С. 3–12.
- Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность // Избранные психологические произведения. Т. 2. — Москва: Педагогика, 1983. — С. 94–231.
- Ломов Б.Ф. Выступление на торжественном собрании, посвященном 15-летию образования Института психологии АН СССР // Психологический журнал. — 1991. — Т. 12, № 4. — С. 16–26.
- Ломов Б.Ф. Инженерная психология // Наука и человечество. — Москва: Знание, 1970. — С. 38–55.

- Ломов Б.Ф. К проблеме деятельности в психологии // Психологический журнал. — 1981. — Т. 2, № 5. — С. 3–22.
- Ломов Б.Ф. О состоянии и перспективах развития психологической науки в СССР // Вопросы психологии. — 1977. — № 5. — С. 9–24.
- Ломов Б.Ф. Психология в системе наук и в общественной практике // Вестник АН СССР. — 1979. — № 6. — С. 35–45.
- Ломов Б.Ф. Человек и техника: Очерки инженерной психологии. — Москва: Советское радио, 1966. — 464 с.
- Пископпель А.А., Щедровицкий Л.П. Инженерная психология или эргономика? // Вопросы психологии. — 1980. — № 3. — С. 88–101.
- Российская наука в лицах: кн. 1–4; вып. 5–6. — Москва: Academia, 2003–2009.
- Смолян Г.Л. В.П. Зинченко и становление инженерной психологии в СССР // Психология. Журнал Высшей школы экономики. — 2017. — № 4. — С. 626–643. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2017-4-626-643>
- Юревич А.В. Имеет ли наука национальные особенности // Психологический журнал. — 2015. — Т. 36, № 1. — С. 123–132.
- Benedict R. Patterns of Culture. — New York: Mentor Books, 1960. — 254 p.
- Chapanis A. The Chapanis Chronicles: 50 Years of Human Factors Research, Education and Design. — Santa Barbara: Aegean Publ., 1999. — 255 p.
- D'Andrade R.G. The Development of Cognitive Anthropology. — Cambridge: Cambridge University Press, 1995. — 272 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139166645>
- Moscovici S. Social Representations: Essays in Social Psychology. — New York: New York University Press, 2001. — 313 p.
- Shweder R. Why Do Men Barbecue?: Recipes for Cultural Psychology. — Cambridge: Harvard University Press, 2003. — VIII, 419 p.
- Smith R. The Norton History of the Human Sciences. — New York: W.W. Norton Company, 1997. — 1036 p.
- Vidmer R.F. Management Science in the USSR: The Role of "Americanizers" // International Studies Quarterly. — 1980. — Vol. 24, № 3. — P. 392–414. <https://doi.org/10.2307/2600253>

References:

- Balyshev, A. V., Konnov, V. I. and Kharkevich, M. V. (2014) 'Value Orientations of the RFBR Experts: a Cognitive Mapping', *Sociologičeskie issledovaniâ*, (3), pp. 94–106. (In Russian).
- Belopolsky, V., Zhuravlev, A. and Kostigin, A. (2020) 'The History of Organization and Beginning of Activity of the Institute of Psychology of the Soviet Academy of Sciences in Documents and Memories of Contemporaries', *Psikhologicheskii zhurnal*, 41(5), pp. 97–107. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S020595920011085-9>
- Bodalev, A. A. (2007) 'Boris F. Lomov — Alumnus of Leningrad Psychological School and its Traditions Talanted Successor', *Psikhologicheskii Zhurnal*, 28(3), pp. 14–16. (In Russian).
- Chapanis, A. (1999) *The Chapanis Chronicles: 50 Years of Human Factors Research, Education and Design*. Santa Barbara: Aegean Publ.
- D'Andrade, R. G. (1995) *The Development of Cognitive Anthropology*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139166645>
- Gulyga, A. V. (1955) 'Vozniknovenie pozitivizma [Emergence of positivism]', *Voprosy Filosofii*, (6), pp. 57–69. (In Russian).
- Konnov, V. I. (2012) 'The Characteristics of the Russian Research Culture: The Possibilities of the Social-Psychological Approach', *Voprosy psihologii*, (4), pp. 3–12. (In Russian).
- Leontiev, A. N. (1983) 'Deiatel'nost', soznanie, lichnost' [Activity, Consciousness, Personality]', in *Izbrannyye psikhologicheskie proizvedeniia. T. 2 [Selected Psychological Works. Vol. 2]*. Moscow: Znanie Publ., pp. 94–231. (In Russian).

- Lomov, B. F. (1966) *Chelovek i tekhnika: Ocherki inzhenernoy psikhologii* [Man and technology: Essays on engineering psychology]. Moscow: Sovetskoe radio Publ. (In Russian).
- Lomov, B. F. (1970) 'Inzhenernaia psikhologiya [Engineering Psychology]', in *Nauka i chelovechestvo* [Science and Humanity]. Moscow: Znanie Publ., pp. 38–55. (In Russian).
- Lomov, B. F. (1977) 'O sostoianii i perspektivakh razvitiia psikhologicheskoi nauki v SSSR [On the Current State and Prospects of the Development of the Psychological Science in the USSR]', *Voprosy psikhologii*, (5), pp. 9–24. (In Russian).
- Lomov, B. F. (1979) 'Psikhologiya v sisteme nauk i v obshchestvennoi praktike [Psychology in the System of Sciences and in Social Practice]', *Vestnik AN SSSR*, (6), pp. 35–45. (In Russian).
- Lomov, B. F. (1981) 'On the Problem of Human Activities in Psychology', *Psikhologicheskii Zhurnal*, 2(5), pp. 3–22. (In Russian).
- Lomov, B. F. (1991) 'Vystuplenie na torzhestvennom sobranii, posviashchenom 15-letiiu obrazovaniia Instituta psikhologii AN SSSR [The Address at the Official Meeting in Honor of the 15th Anniversary of the establishment of the Institute of Psychology of the AS USSR]', *Psikhologicheskii Zhurnal*, 12(4), pp. 16–26. (In Russian).
- Moscovici, S. (2001) *Social Representations: Essays in Social Psychology*. New York: New York University Press.
- Piskoppel, A. A. and Shchedrovitsky, L. P. (1980) 'Inzhenernaia psikhologiya ili ergonomika? [Engineering psychology or ergonomics]', *Voprosy psikhologii*, (3), pp. 88–101. (In Russian).
- Rossiiskaia nauka v litsakh: kn. 1–4; vyp. 5–6. [Russian Science in Personalities: Books 1–4; Issues 5–6] (2002–2009). Moscow: Academia Publ. (In Russian).
- Shweder, R. (2003) *Why do men barbecue?: Recipes for cultural psychology*. Cambridge: Harvard University Press.
- Smith, R. (1997) *The Norton History of the Human Sciences*. New York: W. W. Norton Company.
- Smolyan, G. L. (2017) 'Vladimir Zinchenko and the Making of the Industrial Psychology in USSR', *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 14(4), pp. 626–643. (In Russian). <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2017-4-626-643>
- Vidmer, R. F. (1980) 'Management Science in the USSR: The Role of "Americanizers"', *International Studies Quarterly*, 24(3), pp. 392–414. <https://doi.org/10.2307/2600253>
- Yurevich, A. V (2015) 'Whether the Science Has National Features?', *Psikhologicheskii Zhurnal*, 36(1), pp. 123–132. (In Russian).

Информация об авторе

Владимир Иванович Коннов — кандидат социологических наук, доцент кафедры философии им. А.Ф. Шишкина МГИМО МИД России, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76 (Россия)

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Vladimir I. Konnov — PhD in Sociology, Associate Professor of the Department of Philosophy, MGIMO University, 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454 (Russia)

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 14.10.2022; одобрена после рецензирования 11.11.2022; принята к публикации 20.11.2022.

The article was submitted 14.10.2022; approved after reviewing 2022; accepted for publication 15.11.2022.

СОБОРНость КАК ФОРМА ОНТОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ В ТРУДАХ ВЛ. СОЛОВЬЁВА, П. ФЛОРЕНСКОГО, С. БУЛГАКОВА, Н. БЕРДЯЕВА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ГЕГЕЛЕВСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ

Анна Викторовна Тонковидова¹, Павел Евгеньевич Бойко²

¹ Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма, Краснодар, Россия
tonkovidova@mail.ru <https://orcid.org/0000-0002-2756-9577>

² Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия
pboyko@gmail.com <https://orcid.org/0000-0001-5903-4617>

Аннотация. Предметом статьи выступает развитие подхода к категории «соборность», заложенного Вл. Соловьёвым, в трудах П. Флоренского, С. Булгакова, Н. Бердяева. Данная категория рассмотрена в становлении от абстрактных форм к конкретному определению на основе метода гегелевской диалектики; процесс диалектического развития проецируется на современность на основе идей философского полилога с помощью приёмов символической трактовки языка русской религиозной философии

XIX–XX вв. Соборность интерпретируется как специфическая онтология культуры, раскрывающая своё содержание в религиозной, светской и религиозно-светской социальности. С точки зрения гегелевской триады уместно отталкиваться от положения, согласно которому на уровне религиозной социальности соборность едина, тождественна с собой. В светской социальности, которой соответствует раздвоенность, различие, через опосредствование происходит переход соборности в противоположное состояние. Однако раздвоенность соборности не субстанциальна. Выступая в качестве необходимого момента диалектического развития, она приводит к соединённости всеобщего и особенного в религиозно-светской социальности как наиболее конкретной форме актуализации соборности. Каждый тип социальности предполагает присущую ей форму раскрытия соборности в языке-символе и качественно обозначается в текстах исследуемых авторов в виде таких религиозных представлений-философем (символов), как «странствование», «героизм», «подвижничество». *Религиозная социальность* определяется в символе «странствование» (С.Н. Булгаков) и в символе «подвижничество» (П. Флоренский и Н.А. Бердяев). «Странствование» и «подвижничество» несут в себе общие

черты религиозного гипераскетизма, моноидеизма, вневременности, мученичества, избранности. В светской социальности соборность раскрывается в символе «героизм» (С.Н. Булгаков, П. Флоренский) как максимализм целей и средств, индивидуализм, избранность, коллективность, политический моноидеизм, мученичество. Общим для «странствования» и «подвижничества» религиозной социальности и «героизма» светской социальности являются вневременность, эсхатологизм, идея избранности, моноидеизм, мученичество, мессианизм. Дialeктика проявляется в противоположной их актуализации в «странствовании» или «подвижничестве» религиозной социальности и «героизме» светской социальности. При актуализации соборности в религиозно-светской социальности прослеживаются следующие символы: в работах С.Н. Булгакова — «подвижничество», в работах Н.А. Бердяева — «героизм». Эти символы связаны с такими понятиями, как смирение, личностный максимализм действий, религиозная совесть, историчность, свобода. Личность при таком рассмотрении оказывается неизбежно «помещённой в» соборность, не может быть вне соборности, итогом становления которой выступает духовная тотальность Богочеловечества.

Ключевые слова: соборность, диалектика, философский полилог, социальность, символы, странствование, героизм, подвижничество

Для цитирования: Тонковидова А.В., Бойко П.Е. Соборность как форма онтологии культуры в трудах Вл. Соловьёва, П. Флоренского, С. Булгакова, Н. Бердяева сквозь призму гегелевской диалектики // Концепт: философия, религия, культура. — 2022. — Т. 6, № 4. — С. 27–40. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-4-24-27-40>

Philosophical essay

SOBORNOST AS A FORM OF ONTOLOGY OF CULTURE IN THE WORKS OF V. SOLOVYOV, P. FLORENSKY, S. BULGAKOV, N. BERDYAEV THROUGH THE PRISM OF HEGEL'S DIALECTIC

Anna V. Tonkovidova¹, Pavel E. Boyko²

¹ Kuban State University of Physical Education, Sport and Tourism, Krasnodar, Russia
tonkovidova@mail.ru <https://orcid.org/0000-0002-2756-9577>

² Kuban State University, Krasnodar, Russia
pboyko@mail.ru <https://orcid.org/0000-0001-5903-4617>

Abstract. The article examines the development of approaches to the category of *sobornost* (spiritual community of people), stated in the works of V. Solovyov, in the works of P. Florensky, S. Bulgakov, N. Berdyaev. This essay traces the evolvement of *sobornost* from abstraction to definition by means of Hegel's dialectic. The process of dialectic development is projected onto modern life through philosophic polylogue that includes symbolic interpretation of the language of Russian religious philosophy of the 19th–20th centuries. *Sobornost* is interpreted as a specific ontology of culture enfolding itself in religious, secular, and religious-secular communality. Thus, with Hegel's triads in mind we can build on the unity and self-identity of *sobornost* at the level of religious communality. For secular communality with its duality, *sobornost* is mediated and reversed. Though duality of *sobornost* is not substantial and it unites general and particular into religious-secular communality as the most concrete form of its actualization. Each communality type means a specific form of presentation of

sobornost in language and shows itself in the texts through religious philosophemes (symbols). For example, *wandering* (S. N. Bulgakov) and *self-sacrifice* (P. Florensky, N. A. Berdyaev) indicate religious communality. They are characterized by religious hyper-asceticism, mono-ideism, atemporality, martyrdom, and chosenness. Whereas *heroism* (S. N. Bulgakov, P. Florensky) implies maximalism of causes and means, individualism, chosenness, collectivity, political mono-ideism, martyrdom and points to secular communality. All three symbols of religious and secular communalities have common features: atemporality, eschatologism, the idea of chosenness, mono-ideism, martyrdom and Messianism with different actualization in each of the communalities. The third type of communality combining both religious and secular demonstrates all three symbols of *sobornost*. Herein these symbols are associated with humility, personal maximalism of actions, religious conscience, historicity, and freedom. In this way an individual is always placed in the dimension of *sobornost* and cannot be regarded out of it. The establishment of *sobornost* leads to spiritual totality of the divine-humanity.

Keywords: sobornost, dialectic, philosophical polylogue, sociality, symbols, wandering, heroism, self-sacrifice

For citation: Tonkovidova, A. V., Boyko, P. E. (2022) 'Sobornost as a Form of Ontology of Culture in the Works of V. Solovyov, P. Florensky, S. Bulgakov, N. Berdyaev through the Prism of Hegel's Dialectic', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 6(4), pp. 27–40. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-4-24-27-40>

Введение

В настоящее время в философской литературе принято говорить о таких этапах развития общества, как религиозное общество, секулярное общество, постсекулярное общество. Представляется интересным рассмотреть процесс развития общества как *социокультурного целого* сквозь призму гегелевской диалектики, — что уместно как минимум потому, что гегелевская диалектика в своё время отчётливо обозначила заявку на релевантное изучение процесса развития во всей его полноте.

Для начала обратимся к понятию «постсекулярное общество». Как известно, этот термин возникает в работах Ю. Хабермаса, в определённом смысле наследующего (через неомарксизм раннего периода) призму гегелевской диалектики. Хабермас, в частности, утверждает: через «диалектику становления» общество может, посредством диалектического мышления, перейти к солидарному способу бытия духа в постсекулярном, то есть интегральном, или солидарном религиозно-светском обществе [Хабермас, 2006: 49, 55, 61]. С диалектической точки зрения это означает, что в начале выявляется момент противоречия,

антиномичности: религиозность противостоит секулярности. В свою очередь солидарность в постсекулярном обществе обозначает диалектическую координацию светскости и религиозности. При этом сама религиозность «уходит» в мир её индивидуального переживания [Habermas, 2008], — как отмечает М.О. Орлов, «сам смысл глобальной религиозности сводится к индивидуальной реализации» [Орлов, 2008: 91].

Однако современная дискуссия о «постсекулярности» родилась не на пустом месте. Наша цель — показать, что данная проблематика уже поднималась у русских религиозных философов, причём в свете перспективного видения развития общества, основанного на определённом типе социальности в широком смысле, который охватывает общество как определённый тип культуры. Такое перспективное видение можно интерпретировать в том числе как зародыш теории постпостсекулярности.

Под социальностью в данном случае мы понимаем, на основании текстов Вл. Соловьёва, П. Флоренского, Н. Бердяева, С. Булгакова, отношения, возникающие в рамках взаимодействия человека, общества, государства, Церкви, Бога, определяющие

формирование личности. Основание данного взаимодействия, его непереносимое условие — это соборность, раскрывающаяся в социальности через деятельность личности. В своём исследовании мы исходим из посылки, что в русской религиозной философии понятие соборности осуществляется, проходя логико-исторические этапы своего диалектического становления. Это религиозная социальность, рассматриваемая нами как диалектический этап становления соборности, переносящий достижение её в сферу трансцендентного через индивидуальное прожитие и восхождение к Богу. Светская социальность понимается как диалектическое раскрытие соборности, где сфера трансцендентного отрицается, возвышается значение имманентного, повышается статус человека до статуса божественного. Достижение соборности переносится в модус будущего, — так же, как и в религиозной социальности, выносятся из момента настоящего. Соборность на уровне религиозно-светской социальности присутствует в настоящем социальной реальности, возникает Богочеловечество.

Напомним: идея соборности вводится в русскую философию Алексеем Хомяковым первоначально как идея религиозная и определяется им не в смысле количественной или географической всеобщности церкви, а в смысле «по единству всех», как перевод греческого *kath'olion* [Хомяков, 1994: 51]. В его текстах «соборность выражает идею собрания, потенциально существующего без внешней связи. Это единство во множестве» [Хомяков, 1994: 242]. Бердяев отмечает, что у Алексея Хомякова соборность ассоциируется «со свободой и любовью» [Бердяев, 2008b: 79]. Своё дальнейшее развитие соборность получила в творчестве Владимира Соловьёва. Он расширил значение соборности до идеи космического единства. При этом Вл. Соловьёв редко использовал понятие соборности в своих произведениях, «парадоксальным образом укрепив его онтологический статус своей философией» [Posacki, 2021: 207]. В произведениях Сергея Булгакова раскрывается дополнительный смысл соборности. Он отмечает, что соборность есть «единство во множестве» [Булгаков, 1993:

411]. Николай Бердяев в свою очередь писал, что коммунитаризм и соборность всегда предполагают определение в качестве основополагающих ценностей личность и свободу; религиозный коммунитаризм он называет соборностью, противопоставляя его авторитарному пониманию церкви [Бердяев, 2008b: 80]. Путь к соборности философ определял как «период исторического странствования» [Бердяев, 2008a: 7].

Выявление новых аспектов понимания соборности в текстах Вл. Соловьёва, П. Флоренского, Н. Бердяева, С. Булгакова позволяет в том числе проследить, как уточнялась постановка вопроса «могу ли я быть нерелигиозным?». Поскольку «религия выступает основой социальности», то есть секулярность выступает одной из форм религиозности в светской социальности, в моменте настоящего в человеке может диалектически присутствовать и религиозность, и светскость. Тем самым утверждается возможность диалектического проявления целостности человека, фиксируемой категорией соборности, в религиозной, светской, религиозно-светской социальности. Таким образом замыкается круг: соборный человек не может быть не-соборным. В то же время, необходимо произвести определение моментов соборности в светской и в религиозной социальности, преодоление односторонности которых могло бы привести к становлению соборности в религиозно-светской социальности.

При решении данной задачи возможно рассматривать русскую философскую традицию с позиций компаративистики, как воспринявшую влияние западной культурной и философской традиции, как её продолжение. Но возможен и другой подход: философский полилог, который, по мнению ряда исследователей, имманентно присущ самой русской философии. С этой точки зрения её принято рассматривать как значимую составляющую межкультурного диалога и одновременно явление самобытной русской культуры [Назарова, 2016, Малинов, 2017].

Нельзя не отметить: некоторые русские философы, в частности С. Булгаков и Н. Бердяев, своей судьбой реализовали фи-

лософский полилог в действии, — несмотря на то, что сама концепция в качестве метода сформировалась лишь во второй половине XX в. [Wimmer, 1990]. Оказавшись в культурной среде Западной Европы, они смогли создать оригинальные философские тексты, развивать русскую культуру, — в том числе, обращаясь к наследию Вл. Соловьёва. Параллельно П. Флоренский продолжал развитие соловьёвских идей в родной культурной среде.

Философия полилога как метод исследования помимо прочего предполагает признание актуальности, своего рода «вневременности», философских идей. Тем самым метод полилога выносит философскую концепцию за скобки не только географической, но и временной, заданности. В нашем случае это позволяет рассматривать русскую философию, выявляя в текстах Вл. Соловьёва, П. Флоренского, Н. Бердяева, С. Булгакова аутентичные категории, представляющие интерес в первую очередь для современного читателя.

Справедливости ради следует отметить, что такой подход уже не раз был заявлен в исследовательской литературе. Так, Ф.А. Гайда в обзоре истории становления термина «соборность», пишет: для становления русской философии значимо «введение понятия “соборность” в сферу религиозного и культурного канона тех направлений, которые ориентировались на представление об оригинальности отечественной традиции» [Гайда, 2022: 17]. Специалист в области изучения русской философии В.А. Фриауф отмечает в качестве важнейшей её черты, вытекающей из особенностей русской культуры, язык-символ, который отличен от языка-знака западного типа философствования [Фриауф, 2006; Фриауф, 2010; Фриауф, 2011; Фриауф, 2016]. Это казалось бы незначительное дополнение меняет отношение к возможностям компаративистского подхода при изучении русской философии. В компаративизме категории «не работают» как символы, но выступают исключительно как знаки, посредством которых возможно формирование культурного поля. Поскольку в русской философской традиции «символ есть онтологическая норматив-

ность в строении всякого бытия» [Фриауф, 2006: 60], здесь символ следует толковать как онтологическое понятие, раскрывающее означаемое. Применительно к нашему исследованию это значит, что раскрытие идеи соборности в русской философской традиции, обозначающейся в языке-символе, необходимо производить через раскрытие символов соборности религиозной социальности, светской социальности и религиозно-светской социальности.

Итак, важнейший фундамент нашего исследования опирается на метод полилога.

Второй важнейший теоретико-методологический источник нашего исследования — гегелевская призма. В этом смысле «пост-соловьёвские» философские идеи П. Флоренского, Н. Бердяева, С. Булгакова можно интерпретировать с позиций развития философского импульса, данного Гегелем и воспринятого Вл. Соловьёвым. В профессиональной среде хорошо известна точка зрения, согласно которой Вл. Соловьёв «создает первую систему русской религиозной философии, ядро которой составляет метафизика всеединства, а методологию — «положительная диалектика» (см. например: [Рожков, 2009: 26]). Тем самым в работах русского философа прослеживается влияние Гегеля, что позволяет по-новому подойти к проблеме выявлению соборности в различных типах социальности [Бердяев, 2008с: 89].

Согласно гегелевской призме, исследуемая в статье категория соборности, как и любая другая идея, будучи единством понятия и реальности, имманентно содержит диалектическую определённую и, следовательно, требует адекватного ей диалектического метода её философского осмысления и понимания. Это не абстрактно-рассудочная искусственная схематизация сложной и многогранной философской проблемы, загоняющая живую мысль в прокрустово ложе мёртвых навязанных ей абстракций, — а, наоборот, действительный смысловой ритм её собственного логического и духовного бытия, её истинной сущности. Будучи методом исследования саморазвивающегося и внутренне противоречивого (антиномичного) понятия (и

идеи как его конкретной объективации), всеобщая диалектика может выступать (и выступает в нашей работе) необходимой теоретико-методологической базой. Эта диалектика показывает процесс экспликации содержания и формы данного понятия, его преобразования в идею соборной религиозно-светской постсекулярной социальности как субстанциального начала современного христианско-гуманистически ориентированного общества и государства.

Исследуя творчество избранных нами философов на основе метода философского полилога, мы приходим к выводу, что их взгляды ни в коем случае нельзя сводить к эпигонству или буквалистскому прочтению гегелевских идей. Например, Н. Бердяев обогатил область интерпретации гегелевской диалектики оригинальной диалектикой богочеловечества, или как он её называл «экзистенциальной диалектикой». Развивая гегелевский подход, Бердяев в то же время подчёркивает, что Гегель «не признаёт тождества бытия и мышления, и поэтому диалектика носит иной характер и связана с религиозным духовным опытом» [Бердяев, 2008с: 210]. По мнению русского философа, у Гегеля «не было эсхатологического, религиозного»; он «верил» «в имманентное разрешение диалектики противоречий» [Бердяев, 2008с: 210]. Однако по мнению Бердяева, «диалектика противоречий требует трансцендентного» [Бердяев, 2008с: 59].

П. Флоренский также акцентирует экзистенциальные максимы диалектики. Он пишет: «Конкретная личность, этот типический субъект диалектики, не есть линейный ряд каких-либо душевных процессов, и внутренняя жизнь её устроена вовсе не так, как бусы нанизаны на нить в ожерелье. Следовательно, и диалектическое развитие мысли не может быть представлено простою одногласием мелодией раскрытий. Душевная жизнь, а в особенности религиозно-упорядоченная жизнь, — есть несравненно более связанное целое, напоминающее скорее ткань или кружево, где нити сплетаются многообразными и сложными узорами. Сообразно с этим и диалектика есть развитие не одной темы, а

многих тем, сплетающихся друг с другом и переходящих друг в друга, и снова отделяющихся друг от друга. И как в жизни лишь многообразие функций образует единое целое, а не отдельные абстрактные начала, так же и в диалектике лишь контрапунктическая разработка основных мелодий даёт жизненно углубиться в предмет изучения» [Флоренский, 1996: 141].

Наше исследование таким образом представляет собой попытку выделить становление гегелевской призмы через противоречивое раскрытие идей диалектики в работах названных русских философов на примере темы соборности. Оно включает в себя не только попытку проследить историю становления концепта соборности, но и его актуализацию в бытии человека и общества, способов переживания соборности, о чём пишет Ян Красицкий, — говоря, что «диалектика понятий, была заменена диалектикой людей» [Krasicki, 2010].

Соборность и религиозная социальность

Соборность в религиозной социальности раскрывается через систему противоречивых интерпретаций динамически понимаемых символов. Рассмотрим некоторые из этих противоречий.

Ответ на вопрос, как возможно быть соборным в религиозной социальности, предполагает, что соборным я могу быть в индивидуализме и аскетизме, не погружаясь в историю, устремляясь в индивидуальном порыве к сфере трансцендентного, божественного. Соборность на уровне религиозной социальности предполагает её непосредственное прожитие, непосредственный опыт соборности в индивидуальной, личной повседневности. В религиозной социальности религия — это жизнь, а не теоретическое построение [Булгаков, 2008: 301].

У Вл. Соловьёва лишь намечаются основополагающие черты личности на уровне религиозной социальности. Это и «пустынный аскетизм», «созерцательный мистицизм», индивидуальное обращение к Богу, «псевдохристианский индивидуа-

лизм», надысторизм. Согласно этой точке зрения соборность сохраняется лишь в трансцендентном [Соловьев, 1989: 353, 355; Соловьев, 2012: 50].

В работах П.А. Флоренского и С.Н. Булгакова личность в религиозной социальности обретает более конкретные качества. В статье Дж. Хит «Трагедия философии С.Н. Булгакова» на основе булгаковских текстов в ходе изучения понятия соборности даётся описание «аскета» и «святого» как форм прожития соборности в религиозной социальности; отмечается, что этим формам диалектически противоположны «художник» и «философ» светской социальности [Heath, 2021].

На наш взгляд, в религиозной социальности присутствуют признаки религиозной личности, которые выявил и проанализировал С.Н. Булгаков [Булгаков, 2008: 342]. Процесс её возникновения философ описывает в символе «странствование» [Булгаков, 2008: 189]. П.А. Флоренский описывает личность на уровне религиозной социальности как «духовную личность», «оплотнённую» личность, «открытую» личность, которой невозможно дать определение, но можно привести в соответствие только символ. Личность возникает через переживание в личном опыте подвижничества на пути постижения Бога, через подвиг, само-собрание, бого-уподобление, со-действие [Флоренский, 1990: 72, 83, 84, 86, 177, 181, 271]. П.А. Флоренский пишет, что соборность в религиозной социальности даётся человеку «сырьём» [Флоренский, 1990: 68, 65; Флоренский, 1996: 550]. Как и П.А. Флоренский, Н.А. Бердяев отмечает, что в религиозной социальности личность определяется в подвижничестве, через подвиг, посредством обожествления, мистической любви, преображения, самоотверженности, отрешённости; через преодоление замкнутости и достижение соборности в индивидуальном приходе, соединённости с Богом в мире трансцендентного в символической, условной, риторической духовности [Бердяев, 2008с: 146].

«Подвижник» у Флоренского черпает силы в истоках первохристианства, устремляясь в мир трансцендентного, не

погружаясь в повседневность, будничный труд, скуку, тоску, характерную для повседневности [Флоренский, 1990: 111]. В отличие от П.А. Флоренского, С.Н. Булгаков отмечает значимость трудовой деятельности, в которой происходит становление личности и нравственное развитие. Символ «странствования» Булгакова предполагает внеисторизм, временность, неустойчивость, отсутствие исторической перспективы, негативное отношение к материальному миру, оппозицию, борьбу с ним, возникающие из глубины религиозных переживаний [Булгаков, 2008: 267]. Флоренский пишет: пока идет история, возможны лишь моменты озарения Духом, полная «духо-носность» означала бы конец истории [Флоренский, 1990: 112]. Как видим, в работах С.Н. Булгакова и П.А. Флоренского предполагает эсхатологизм религиозной социальности.

Одновременно с развитием христианской идеи о равенстве людей перед Богом, вследствие чего стираются социальные классовые, расовые, национальные различия, развивается тема разделения на избранных и неизбранных. По П.А. Флоренскому, лишь для избранных возможно единство с Богом через достижение надвременности, переход в вечность, ведущий к соборному единству в вечности [Флоренский, 1990: 112]. Идею избранности вне и над миром проводит также и С.Н. Булгаков, который связывает её с моноидеизмом, вынесением за скобки всех «неизбранных» [Булгаков, 2008: 220]. Н.А. Бердяев избранность церковной социальности понимает как «монашеско-подвижническую неприязнь к людям и миру», «умерщвление» по отношению ко всему живому и творческому, когда себя ставят вне и выше других [Бердяев, 2015: 155, 156].

Смирение, по Н.А. Бердяеву, превращается в цель действий, что не даёт раскрыться свободе духа [Бердяев, 2008с: 72]. Таким образом, по мнению Н.А. Бердяева, проблема страданий в церковной общине связана с уверенностью в спасении через «несение креста». Отсюда, полагает также С.Н. Булгаков, следует момент абсолютизации мученичества, характерный для религиозной социальности; смирение перед

внешней социальностью характерно для странствования.

Бердяев находит противоречие и в мессианизме, заключающемся в одновременном нахождении смысла в истории и стремлении «перепрыгнуть» через историю, в которой проявляются эсхатологический настрой и антиисторизм [Бердяев, 2008с: 188]. Философ определяет мессианизм как деятельность человека в исторической сфере, вдохновляемую верой в приближающийся конец истории; при этом доминирует идея спасения.

На наш взгляд, социальная позиция в религиозной социальности, раскрытая в языке-символе, носит не общественный, а сугубо личностный характер. Ей, согласно С.Н. Булгакову, свойственно смирение перед внешней социальностью ради решения религиозных задач. В этом случае социальные вопросы перерастают в религиозно-этические. Рассматривая профессиональную, расовую, экономическую, правовую позицию личности в рамках концепции С.Н. Булгакова, можно отметить их определяемость религиозными принципами.

В церковной социальности важно выделить обозначаемые С.Н. Булгаковым «невключённость странствования в государственность», «отвлечённость от института гражданственности», видение себя гражданами «Царства Божьего». Также важной чертой религиозной социальности выступает аскетизм.

Таким образом, в трудах русских мыслителей прослеживается выделение диалектического противоречия в религиозной социальности личного религиозного и общественного, религиозного и церковного. Противоречивым характером обладает отождествление этнического и церковного, утрата универсализма в понимании церкви, переход от первохристианства к историческому христианству [Флоренский, 1990: 191, 192, 196; Флоренский, 1990: 546; Бердяев, 2008а: 25, 26]. Значение религиозной социальности раскрывается посредством языка-символа в значениях «странствование», «подвижничество».

Соборность и светская социальность

Может ли человек утратить соборность в светской социальности? Уходя от диалектики, мы сталкиваемся с тем, что соборность здесь теряется. Но как в нерелигиозности найти веру и религиозность? Переход от светскости к религиозности, которая будет находиться в соединённости со светскостью, возможен лишь в случае наличия в светскости моментов религиозности, или рассмотрения самой светскости как момента развития религиозности. В этом случае нельзя обойтись без гегелевской диалектики, что достаточно отчётливо прослеживается на примере рассуждений изучаемых философов.

По сути, исключительная светскость нуждается в соединяющем начале, имманентно присущем светской социальности (что может быть названо либо «муравейником» (Вл. Соловьёв), либо «стадностью» (С.Н. Булгаков)) в качестве противоположного полюса соборности [Соловьёв, 1989: 325; Булгаков, 2011: 92]. Согласно Н.А. Бердяеву, таким соединяющим началом при отрицании не самой религии, а противоречивых форм религиозности, отрицании Бога, который в мире присутствует «инкогнито», свойственных церковной социальности, может быть нахождение новой формы религиозности в понятии человекобожества, попытке отождествить Бога и человека, подменить статус человека статусом Бога. Интересно, что Н.А. Бердяев определяет светскость как «монашество в мире»; а атеизм рассматривает как диалектический момент познания Бога [Бердяев, 2008с: 18, 19]. С.Н. Булгаков в этой связи выделяет религии, определяющиеся в догматах веры в прогресс, в разум, всеисилие науки [Булгаков, 2008: 413]. Тем самым можем предположить, что соборность в светскости присутствует в своём инобытии.

Личность в светской социальности определяется П.А. Флоренским как рациональная «пустая», «греховная личность», «рыхлая личность», «скрытная личность», «высокая личность», «падший», «замученный» человек [Флоренский, 1990: 80, 177, 181, 232; Бердяев, 2008с: 58, 66, 72, 82, 83, 101, 103, 105, 104]. По мысли Н.А. Бердяе-

ва, личности свойственно творческое начало, не находящее оснований; при этом её деятельность носит «бессознательно церковный характер» [Бердяев, 2015: 164, 166]. С.Н. Булгаков отмечает в соборности, раскрывающейся в светской социальности, «коллективную» личность, рождающуюся в «героизме». При этом умалется само значение личности, личность теряется в общественном. В данной связи уместно также отметить противопоставление понятий «лицо» и «вещь» у П.А. Флоренского, «личности» и «индивидуума» у Н.А. Бердяева и В.Н. Лосского, через которое обозначается отрицательный момент соборности в светской социальности [Соловьев, 1989: 78, Лосский, 2006: 715].

В конечном итоге возникает такая форма соборности, при которой отрицается её собственное соборное содержание, что одновременно с этим выступает моментом её становления. В работах Вл. Соловьева соборность в светской социальности в своём прожитии определяется в бессодержательности и пустоте самоутверждающейся личности. Такая бессодержательность означает потерю личностью высочайшего содержания соборной целостности.

В светской социальности, как и в религиозной социальности, присутствуют моменты избранности. Эту мысль можно проследить и у Вл. Соловьева, и у его последователей — С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева, П.А. Флоренского. Если избранность религиозной социальности предполагает для тех, кто отделил себя от целостного человечества, возможность соединённости в трансцендентном с Богом, то избранность в светской социальности имманентна, переносит статус Бога на самого человека. Данное состояние описывается С.Н. Булгаковым в символе «героизм», или «героизм самообожения».

О «героическом характере индивида как идеала личности» в качестве определяющей черты западной культурной традиции, оказавшей влияние и на отечественную культурную традицию через попытки её рецепции, написано немало [Интеллектуальное измерение онтологии..., 2020: 75, 76]. Символ героизма, проявляющийся в избранности, можно тем не менее интер-

претировать как диалектический момент соборности. Именно через преодоление избранности с её моментами максимализма, мессианизма, «секуляризованного» мессианизма мученичества [Бердяев, 2008с: 189] возможно дальнейшее развитие личности: она отказывается от возможности своей греховности, отождествляет нравственность и религиозность; приходит к тому, что религиозные максимы превращаются в сиюминутные и относительные, связанные с субъективным. С другой стороны, через отрицание религиозной социальности с прожитием соборности в повседневных ситуациях возникает стремление к искусственности в государственном устройстве, религии, и приведение Бога к статусу человека [Флоренский, 1990: 296].

Нужно отметить, что, если в церковной социальности миф служит средством общения к Богу, узнавания Бога, то в светской социальности миф также служит средством познания тех постулатов, которые создает уже человек, принявший на себя статус Бога. По Н.А. Бердяеву, это мифы о суверенитете, мифы анархизма, мифы революции [Бердяев, 2008b: 82]. При отходе от высших трансцендентных начал навязанный миф становится псевдо-реальностью. С этим процессом во многом связано то обстоятельство, что светская социальность, также как и религиозная социальность, находится вне истории, «скользит» над историей. В этом случае, по С.Н. Булгакову, достижение целей признаётся невозможным в настоящем, оно возможно лишь в будущем, всё целеполагание переносится из момента настоящего в момент будущего. Если в религиозной социальности необходим переход в трансцендентное, то на уровне светской социальности необходим прыжок «к будущему», которое мифологизируется. Причём чтобы совершить переход к трансцендентному, или к будущему, требуется не активная историческая деятельность: необходимым моментом достижения цели выступает мученичество, актуализирующееся в символе «героизма».

Можно обозначить черты личности, которые свойственны ей при актуализации соборности через деятельность в светской социальности: иступленность, восторг-

женность, мечтательность, экзальтированность (П.А. Флоренский), «максимализм и мессианиззм», «гордыня», неустойчивость, недисциплинированность, неработоспособность (С.Н. Булгаков), для Н.А. Бердяева — это и индивидуализм, гуманизм, гуманистическую мораль, либерализм, демократию, национализм, безбожие, атомизм, конкуренция, секуляризация, парламентаризм, правовой формализм [Флоренский, 1990: 133; Булгаков, 2011: 286, 287, 301; Бердяев, 2008а: 15–17].

Основная ценность, обозначаемая в светской социальности, — ценность свободы, — именно здесь человеком и утрачивается; свобода превращается в свободу пустоты [Бердяев, 2008а: 16]. П.А. Флоренский замечает, что человека в этом случае определяют такие положения, как «со мной делается», «со мной происходит», «слова говорятся» [Флоренский, 1990: 174, 175].

Светская социальность, уходя от соборности, вместе с тем к ней возвращается. Преодолением соборности религиозной социальности создаётся соборность светской социальности, проявляющаяся в тех же моментах соборности на отрицательном уровне — через мифологизм, идеи избранности, мессианизма, мученичества, внеисторичности, раскрывающихся через язык-символ русской философской культурной традиции в символе «героизм».

Понятие соборности в религиозно-светской социальности

Для возникновения религиозно-светской социальности необходим диалектический синтез светского и церковного, религиозного, снятие противоречия между ними. Религиозно-светская социальность основана на гармонии церкви, общества и государства. Н.А. Бердяев пишет о реальном достижении Царства Божьего через преодоление религиозной социальности и религии обожествившей человека светской социальности в религиозной социальности, основанной на вере в «живого Бога». Для этого необходим возврат к универсализму, причём не гуманистическому, а христианскому, религиозному; преодоление

разрыва между трансцендентным и имманентным, между спасением и творчеством; создание свободной личности, окрашенной духом смирения. В «новом средневековье», по мысли Н.А. Бердяева, автономия религии должна исчезнуть. Соборность светской социальности, её внешняя определённость в знаках и формах, должны быть заменены в религиозно-светской социальности реальным достижением Царства Божьего [Бердяев, 2008а: 32]. Интересно также мысль С.Н. Булгакова о том, что индикатором, который показывает, что процесс диалектического становления соборности не завершён, выступает существование религии как «связки» между человеком и Богом. В состоянии соборного единства, достигнутого и актуального, раскрытого в синтезе религиозности и светскости, религия станет не актуальной, необходимость в этой «связке» пропадёт. Николай Бердяев также пишет, что в религиозно-светской социальности «мессианское сознание устремляется к Царствию Божию, в котором и религия, и Церковь исчезают как отдельные формы, возникшие в истории» [Бердяев, 2008с: 194]. Пока диалектика соборности как процесс онтологического развития понятия сохраняется, идёт процесс её становления и налицо присутствует религия.

Подчеркнём: уже у Вл. Соловьёва определившееся противоречие между душой и телом человека, описанное далее в работах С.Н. Булгакова, снимается через преобразовательную деятельность в поле истории. Однако если у С.Н. Булгакова «духовный аристократизм» свойственен героизму светской социальности, то Бердяев переносит моменты раскрытия соборности «героизм» и «аристократизм» в сферу религиозно-светской социальности [Бердяев, 2008с: 105].

Человек на уровне религиозно-светской социальности приходит к осознанию своей вины и греховности, исходя из текстов Вл. Соловьёва, П. Флоренского, Н. Бердяева, через подвиг. Отсюда происходит возникновение символа «подвижничества» для определения бытия личности в религиозно-светской социальности. Главным отличием здесь выступает выход

из избранности к соборности, реализация идеи равенства людей и достоинства каждой личности. На уровне религиозно-светской социальности имеет место подвиг смирения, совершённый в свете личного максимализма как цель свободной соборно-религиозной творческой деятельности — подвижничества.

Для описания раскрытия религиозно-светской социальности С.Н. Булгаков употребляет символ «подвижник», а Н.А. Бердяев — «герой», «аристократ». Смирение, совесть, максимализм в личном отношении присущ, по С.Н. Булгакову, подвижнику; по Н.А. Бердяеву, эти моменты раскрытия соборности присущи герою и аристократу. Действия в данном типе социальности совершаются на основании абсолютной нормы правды и добра. Человечность, любовь, жалость, достоинство, свобода — определяющие моменты соборности на уровне понятия. Через любовь происходит гуманизация социальной среды и «приоткрывается» Царство Божие [Бердяев, 2008с: 136].

Выводы

Итак, согласно «классической» модели интерпретации, соборность обнаруживает себя в разных типах социальности, понятой в качестве широкого поля культуротворчества. Однако, на наш взгляд, имеет смысл диалектически преодолеть разделение «социальностей» на религиозную, светскую и религиозно-светскую, обозначив их как разные формы диалектического становления соборности и одновременно

формы раскрытия религиозности. Именно в этом состоит значение актуализации гегелевской призмы при исследовании идей русских философов относительно соборности. Если Ю. Хабермас рассматривал постсекулярность как координацию светскости и религиозности (где сама постсекулярность понимается исходя из его коммуникативной теории как процесс взаимного обучения религиозных и светских групп в современных западных либерально-демократических обществах [Habermas, 2008]), то в трудах Вл. Соловьёва, Н. Бердяева, С. Булгакова, П. Флоренского прослеживается отчётливый тезис, согласно которому отдельных «светскости» и «религиозности» в социальности не существует, есть лишь их внутренне противоречивое интегральное бытие — соборное единство. Таким образом, в русской религиозной философии можно проследить диалектический процесс движения понятия соборности в моментах религиозной, светской и религиозно-светской социальности (культуры). Последняя как раз и определяет тотальность данного понятия, его наиболее конкретную завершённость и смысловую полноту. Русские мыслители предприняли попытку концептуализировать понятие соборности через введение таких моментов её диалектического раскрытия, как символы «странствование», «героизм», «подвижничество». Дальнейшее диалектическое познание тотальности идеи соборности как религиозно-светской социальности (культуры) выступает важнейшей задачей современной философской мысли.

Список литературы:

- Бердяев Н.А. Избранные философские сочинения 1920-х гг. — Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2015. — 261 с.
- Бердяев Н.А. Новое Средневековье. — Москва: Директ-Медиа, 2008а. — 114 с.
- Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря. — Москва: Директ-Медиа, 2008b. — 132 с.
- Бердяев Н.А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. — Москва: Директ-Медиа, 2008с. — 219 с.
- Булгаков С.Н. Два града: исследования о природе общественных идеалов. — Москва: Астрель, 2008. — 784 с.

Булгаков С.Н. Православие. Очерки учения Православной Церкви. — Минск: Издательство Белорусского Экзархата, 2011. — 560 с.

Булгаков С.Н. Сочинения в двух томах. Т.1. Философия хозяйства. Трагедия философии. — Москва: Наука, 1993. — 603 с.

Гайда Ф.А. «Соборность»: к вопросу о понимании термина в общественных кругах России в XIX – I четверти XX вв. // Философия. Журнал Высшей школы экономики. — 2022. — Т. 6, № 1. — С. 17–40. <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2022-1-17-40>

Интеллектуальное измерение онтологии культуры / Е. Ю. Антонюк, М. А. Богатов, О. В. Герасимов [и др.]. — Саратов: Издательство "Саратовский источник", 2020. — 165 с.

Лосский В.Н. Боговидение. — Москва: АСТ, 2006. — 759 с.

Малинов А.В. Философия полилога // Философский полилог: журнал Международного центра изучения русской философии. — 2017. — №1. — С. 7-11. <https://doi.org/10.31119/phlog.2017.1.1>

Назарова О.А. Концепция интеркультурной философии и ее возможная рецепция в контексте исследования русской философии // Мысль: Журнал Петербургского философского общества. — 2016. — Т. 20. — С. 7–18.

Орлов М.О. Место и роль религии в глобальных процессах современности // Власть. — 2008. — № 4. — С. 91–94.

Рожков В.П. Методологические основания "нового религиозного сознания" в философии В.С. Соловьева // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. — 2009 — Т. 9, № 4. — С. 26–31.

Соловьев В.С. Россия и вселенская церковь. Русская идея. Талмуд и новейшая полемическая литература о нем в Австрии и Германии. — Москва: Директ-Медиа, 2012. — 346 с.

Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т.2. Чтения о богочеловечестве; Философская публицистика. — Москва: Правда, 1989. — 735 с.

Флоренский П.А. Сочинения: в 4 т. Т. 2. — Москва: Мысль, 1996. — 878 с.

Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. — Москва: Правда, 1990. — 840 с.

Фриауф В.А. Символьные формы изначального языка и культа // Парадигма: философско-культурологический альманах. — 2016. — № 23. — С. 7–25.

Фриауф, В. А. Православная традиция и русская философия имени // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. — 2006. — Т. 6, № 1–2. — С. 57–61.

Фриауф, В. А. Языковая парадигма русской философии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. — 2010. — Т. 10, № 3. — С. 49–55.

Фриауф, В.А. Язык, метафизика и русская идея // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. — 2011. — Т. 11, № 3. — С. 62–66.

Хабермас Ю. Дialeктика секуляризации: о разуме и религии. — Москва: Библейско-богословский ин-т св. апостола Андрея, 2006. — 111 с.

Хомяков А.С. Сочинения в 2 томах. Т. 2. Работы по богословию. — Москва, Московский философский фонд: Медиум, 1994. — 476 с.

Habermas J. Notes on Post-Secular Society // New Perspectives Quarterly. — 2008. — Vol. 25, № 4. — P. 17–29. <https://doi.org/10.1111/j.1540-5842.2008.01017.x>

Heath J. On Sergii Bulgakov's The Tragedy of Philosophy* // Modern Theology. — 2021. — Vol. 37, № 3. — P. 805–823. <https://doi.org/10.1111/moth.12676>

Krasicki J. "The tragedy" of German philosophy. Remarks on reception of German philosophy in the Russian religious thought (of S. Bulgakov and others) // Studies in East European Thought. — 2010. — Vol. 62, № 1. — P. 63–70. <https://doi.org/10.1007/s11212-010-9100-4>

Posacki A. „Sobornost” jako idealny model „solidarności mistycznej” w kulturze rosyjskiej // Solidarność: człowiek w sieci zależności społecznych. — Kraków: Uniwersytet Papieski Jana Pawła II w Krakowie. Wydawnictwo Naukowe, 2021. — P. 203–214. <https://doi.org/10.15633/9788374389952.15>

Wimmer, F. M. Interkulturelle Philosophie. — Wien: Passagen Verlag, 1990. — 299 p.

References:

- Antonyuk, E. Y. et al. (2020) *Intellectual'noye izmereniye ontologii kul'tury [Intellectual measurement of the ontology of culture]*. Saratov: Saratovskiy istochnik Publ. (In Russian).
- Berdyayev, N. A. (2008a) *Novoe Srednevekov'e. [New Middle Ages]*. Moscow: Direct-Media Publ. (In Russian).
- Berdyayev, N. A. (2008b) *Carstvo Duha i carstvo Kesarya. Carstvo Duha i carstvo Kesarya. [The Kingdom of the Spirit and the Kingdom of Caesar]*. Moscow: Direct-Media Publ. (In Russian).
- Berdyayev, N. A. (2008c) *Ekzistencial'naya dialektika bozhestvennogo i chelovecheskogo. [Existential dialectic of the divine and the human]*. Moscow: Direct-Media Publ. (In Russian).
- Berdyayev, N. A. (2015) *Izbrannye filosofskie sochineniya 1920-h gg. [Selected philosophical writings of the 1920s]*. Moscow; Berlin: Direct-Media Publ. (In Russian).
- Bulgakov, S. N. (1993). *Sochineniya v dvukh tomakh. T.1. Filosofiya khozyaystva. Tragediya filosofia [Works in two volumes. Vol.1. Philosophy of economy. The tragedy of philosophy]*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).
- Bulgakov, S. N. (2008) *Dva grada: issledovaniya o prirode obshchestvennykh idealov. [Two Cities: Research on the Nature of Social Ideals]*. Moscow: Astrel Publ. (In Russian).
- Bulgakov, S. N. (2011) *Pravoslavie. Ocherki ucheniya Pravoslavnoj Cerkvi [Orthodoxy. Essays on the teachings of the Orthodox Church]*. Minsk: Publishing House of the Belarusian Exarchate. (In Russian).
- Florensky, P. A. (1990) *Stolp i utverzhdeniye istiny [The Pillar and Statement of Truth]*. Moscow: Pravda Publ. (In Russian).
- Florensky, P. A. (1996) *Sochineniya: v 4 t. T. 2 [Works: in 4 vol. Vol. 2]*. Moscow: Mysl Publ. (In Russian).
- Friauf, V. A. (2006) 'The East-orthodox Tradition and Russian Philosophy of Name', *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 6(1–2), pp. 57–61. (In Russian).
- Friauf, V. A. (2010) 'The Language Paradigm of Russian Philosophy', *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 10(3), pp. 49–55. (In Russian).
- Friauf, V. A. (2011) 'Language, Metaphysics and Russian Idea', *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 11(3), pp. 62–66. (In Russian).
- Friauf, V. A. (2016) 'Symbolical forms of initial language and cult', *Paradigma (Sankt-Peterburg)*, (23), pp. 7–25. (In Russian).
- Gayda, F. (2022) "'Sobornost': On the Question of the Meaning of the Concept in the 19th – 30-ies 20th Centuries', *Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*, 6(1), pp. 17–40. (In Russian). <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2022-1-17-40>
- Habermas, J. (2005) *Dialektik der Säkularisierung: über Vernunft und Religion*. Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung. (Russ. ed.: (2006) *Dialektika sekulyarizatsii: o razume i religii*. Moscow: Bibleysko-bogoslovskiy in-t sv. apostola Andrey a Publ.).
- Habermas, J. (2008) 'Notes on Post-Secular Society', *New Perspectives Quarterly*, 25(4), pp. 17–29. <https://doi.org/10.1111/j.1540-5842.2008.01017.x>
- Heath, J. (2021) 'On Sergii Bulgakov's The Tragedy of Philosophy*', *Modern Theology*, 37(3), pp. 805–823. <https://doi.org/10.1111/moth.12676>
- Khomyakov, A. S. (1994). *Sochineniya v 2 tomah. T. 2. Raboty po bogosloviyu. [Works in 2 volumes. Vol. 2. Works on Theology]*. Moscow, Moskovskij filosofskij fond: Medium. (In Russian).
- Krasicki, J. (2010) "'The tragedy" of German philosophy. Remarks on reception of German philosophy in the Russian religious thought (of S. Bulgakov and others)', *Studies in East European Thought*, 62(1), pp. 63–70. <https://doi.org/10.1007/s11212-010-9100-4>
- Lossky, V. N. (2006) *Bogovidenie. [Vision of God]*. Moscow: AST. (In Russian).
- Malinov, A. (2017) 'Philosophy of polylogue', *Philosophical polylogue*, (1), pp. 7–11. (In Russian). <https://doi.org/10.31119/phlog.2017.1.1>
- Nazarova, O. A. (2016) 'Konceptiya interkul'turnoj filosofii i ee vozmozhnaya recepciya v kontekste issledovaniya russkoj filosofii [The concept of intercultural philosophy and its possible reception in the context of the study of Russian philosophy]', *Mysl' (Sankt-Peterburg)*, 20, pp. 7–18. (In Russian).

Orlov, M. O. (2008) 'Mesto i rol' religii v global'nyh processah sovremennosti. [The role of spiritual enlightenment in the formation of Russian religiosity: A historical and philosophical analysis]', *Vlast'*, (4), pp. 91–94. (In Russian).

Posacki, A. (2021) '„Sobornost” jako idealny model „solidarności mistycznej” w kulturze rosyjskiej', in *Solidarność: człowiek w sieci zależności społecznych*. Kraków: Uniwersytet Papieski Jana Pawła II w Krakowie. Wydawnictwo Naukowe, pp. 203–214. <https://doi.org/10.15633/9788374389952.15>

Rozhkov, V. P. (2009) 'Methodological Basis of «New Religious Consciousness» in V.S. Solovyov's Philosophy', *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 9(4), pp. 49–55. (In Russian).

Solovyov, V. C. (1989) *Sochineniya v 2 t. T.2. Chteniya o bogochelovechestve; Filosofskaya publitsistika* [Works in 2 vol. Vol.2. Readings on God-manhood; Philosophical journalism]. Moscow: Pravda Publ. (In Russian).

Solovyov, V. C. (2012) *Rossiya i vselenskaya cerkov'. Russkaya ideya. Talmud i novejschaya polemicheskaya literatura o nem v Avstrii i Germanii*. [Russia and the Ecumenical Church. Russian idea. Talmud and the latest polemical literature about him in Austria and Germany]. Moscow: Direkt-Media Publ. (In Russian).

Wimmer, F. M. (1990) *Interkulturelle Philosophie*. Wien: Passagen Verlag.

Информация об авторах

Анна Викторовна Тонковидова — старший преподаватель кафедры философии, культуроведения и социальных коммуникаций Кубанского государственного университета физической культуры, спорта и туризма, 350015, Краснодар, ул. им. Будённого, 161. (Россия)

Павел Евгеньевич Бойко — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Кубанского государственного университета, 350040, ул. Ставропольская, 149. (Россия)

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors

Anna V. Tonkovidova — Senior Lecturer at the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communication, Kuban State University of Physical Education, Sport and Tourism, 161 Budennogo St., Krasnodar, Russia, 350015 (Russia)

Pavel E. Boyko — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy, Kuban State University, 149 Stavropol'skaya St., Krasnodar, Russia, 350040 (Russia)

Conflicts of interest. The authors declare absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 23.09.2022; одобрена после рецензирования 30.10.2022; принята к публикации 12.12.2022.

The article was submitted 23.09.2022; approved after reviewing 30.10.2022; accepted for publication 12.12.2022.

Исследовательская статья

УДК 993.26

<https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-4-24-41-54>

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОСЛАВНОГО ПРИХОДА: ОТ КАТЕХИЗИСА ДО ПАТРИОТИЗМА (НА ПРИМЕРЕ ПОКРОВСКОЙ ОБИТЕЛИ В Г. ПЕРМЬ)

Светлана Владимировна Рязанова

Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН, Пермь, Россия

svet-ryazanova@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5387-9387>

Аннотация. Статья посвящена исследованию стратегий адаптации к изменяющимся социальным условиям, характерным для городских религиозных сообществ на примере одной из общин Прикамья — Покровской обители при православном приходе церкви Покрова Пресвятой Богородицы. Сообщество верующих сложилось как православная институция под управлением активистов, впоследствии эволюционировав в закрытую группу с элементами мистики и эзотерики под руководством харизматического лидера-женщины. Логика произошедших изменений описана через анализ интервью с бывшими верующими, частной переписки и с привлечением элементов биографического метода, материалов закрытой группы в социальной сети, записей занятий, проводимых лидером обители, фотографий, сделанных насельниками обители и их единомышленниками. Покровская обитель предстаёт как успешно адаптирующееся сообщество, изменившееся в условиях начавшихся судебных процессов. В качестве защитной стратегии члены общины выбрали активное участие в патриотических проектах, подачу заявок на гранты, выдаваемые местной администрацией, активное обращение к русским традициям в культуре. Особый акцент был сделан на военном воспитании, что привело к созданию специального обучающего центра, получившего имя в честь бывшего сотрудника внешней разведки. Дополнительным способом легитимации общины в социальном пространстве стало участие во всероссийских патриотических акциях («Бессмертный полк»). Все организованные мероприятия заставляют говорить о специальной мимикрии группы под лояльное обществу объединение, поскольку их содержание противоречит идеям ухода от социальной жизни, транслируемым лидером во время внутренних семинаров в общине. Выбранная защитная стратегия Покровской обители позволяет говорить о том, что религиозные объединения, не аффилированные с официальными религиозными организациями, открыты для активного использования нерелигиозных способов закрепления своей позиции в социуме.

Ключевые слова: тотальный институт, городские сообщества, религиозная община, Покровская обитель, социальная адаптация

Для цитирования: Рязанова С. В. Трансформация православного прихода: от катехизиса до патриотизма (на примере Покровской обители в г. Пермь) // Концепт: философия, религия, культура. — 2022. — Т. 6, № 4. — С. 41–54. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-4-24-41-54>

Research article

TRANSFORMING AN ORTHODOX PARISH: FROM CATHECHESIS TO PATRIOTISM (THE CASE OF THE INTERSESSION COMMUNE IN PERM)

Svetlana V. Ryazanova

Perm Federal Research Center Ural Branch Russian Academy of Sciences, Perm, Russia
svet-ryazanova@yandex.ru <https://orcid.org/0000-0001-5387-9387>

Abstract. The article investigates the strategies of adapting to the changing social environment of city-based religious communities on the example of the case of the Intercession Commune (*Pokrovskaya obitel'*) in Perm. The community of believers led by activists developed as an Orthodox institution and subsequently evolved into a closed group with elements of mysticism and esotericism under the leadership of a charismatic female leader. The logic of the changes that have taken place is described through an analysis of interviews with former believers, private correspondence, and is performed using elements of the biographical method, materials from a closed group on a social network, records of classes conducted by the leader of the monastery, and photographs. The Intercession Commune as a community successfully evolves and adapts to the changing environment in response to the lawsuits filed against it. As a defensive strategy, community members chose active participation in patriotic projects, applying for grants issued by the local administration, and active appeal to Russian cultural traditions. Emphasis was placed on military education, which led to the creation of a special training center named after a former foreign intelligence officer. An additional way of legitimizing the community in the social space was participation in all-Russian patriotic actions (*Immortal Regiment*). All the above mentioned indicates a special mimicry of the group to appear as loyal to society, since it contradicts the ideas of withdrawal from social life, broadcast by the leader during internal seminars in the community. The chosen defensive strategy of the Intercession Commune allows us to say that religious associations that are not affiliated with official religious organizations are open to the active use of non-religious ways to assert themselves in society.

Keywords: total institutions, religious community, intercession commune, intercession commune in Perm, social adaptation

For citation: Ryazanova, S. V. (2022) 'Transforming an Orthodox Parish: from Catechesis to Patriotism (the Case of the Intercession Commune in Perm)', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 6(3), pp. 41–54. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-4-24-41-54>

Любой исследователь, обращающийся к изучению религии, вне зависимости от эпохи или региона, постепенно приходит к выводу, что некая единая каноничная форма верований существует только в воображении составителей учебников и словарей: «Когда фольклористы обсуждают «народную религию» или «религиозный фольклор» в контексте «религиозной группы», они подразумевают, что где-то существует «чистая» религия, которая определённым образом трансформируется и даже «портится», проецируясь на человеческие сообщества. Эта тенденция показывает, как фольклористы последовательно обесценивали «народную религию», приписывая ей неофициальный религиозный статус» [Панченко, 2004: 69]. Внимательный взгляд на объект научного интереса обнаруживает множество географически и исторически определённых феноменов: «под определением религии всегда спрятаны гетерогенные, исторически обусловленные элементы» [Asad, 2001: 124], — чьё содержание и формы корректируются ещё и волевыми интенциями лидеров общин и рядовых верующих. Именно мозаичностью религиозной картины мира объясняется сложность конструирования универсального определения религии, которое уступает место множеству терминов, иллюстрирующих её отдельные аспекты [Satlow, 2005: 287–298].

Отечественное православие, несмотря на стремление части иерархов его унифицировать, вписать в единую систему взаимоотношений и культовых практик [Панченко, 2004: 68], представляло и представляет собой не монолитное образование, а мозаичную совокупность течений и общин: «говоря о Церкви и каноне, мы апеллируем не к чему-то целостному и неизменному, но к нашим представлениям о целостности и неизменности. И эти представления, и соотносимые с ними концепты могут существенно варьироваться как исторически, так и синхронно» [Панченко, 2004: 72]. Значительная часть общин, идентифицирующих себя как православные, формально относится к Русской православной церкви Московского патриархата (РПЦ МП), есть сообщества, принад-

лежащие юрисдикциям других православных церквей и различным направлениям старообрядчества. Внутри самой РПЦ МП, наряду с т.н. мейнстримом под эгидой патриархии, существуют либерально-реформаторски ориентированные группы (например, последователи отца Георгия Кочеткова), тяготеющие к фундаментализму (организованный бывшим епископом Анадырским и Чукотским Диомидом (Дзюбаном) «Святейший правительствующий Синод Русской православной церкви»), диссидентствующие клирики вроде диакона Андрея Кураева или иеромонаха Валентина Соломахи, обладающие авторитетом настоятели монастырей (например, Сергей (Николай) Романов).

При этом я оставляю в стороне религиозные группы «Богородичного центра», рафаиловцев, РПЦЗ митрополита Агафангела (Пашковского), РИПЦ архиепископа Тихона (Пасечника) и т.п., как существующие изначально вне юрисдикции РПЦ МП, не признанные ею в качестве православных. И формально принадлежащие московской патриархии, и существующие за её пределами организации объединяет тот факт, что они возглавляются лицами, имеющими сан священнослужителя, либо претендующими на таковой.

Однако внутри православного сообщества с советского периода складываются группы, управление которыми по разным причинам берут на себя миряне. Результатом такой самостоятельной деятельности может быть как активизация верующих в регионе, так и возникновение течений, которые представители официальной РПЦ предпочитают называть сектами.

Если говорить о первых, то речь идёт об имеющих корни в советском дефиците священства группах, ставящих задачей организацию культовой практики в условиях отсутствия храма и/или духовенства. Домашние богослужения без участия клириков не остались в прошлом после распада Советского Союза: в разных регионах активно используются крестильные камни, действуют бабушки-крестилки, даже в официально зарегистрированных храмах мирянами самостоятельно организуются панихиды. Однако вся эта деятельность

не приводит к исключению таких групп из официального подчинения московской патриархии, поскольку такие варианты вернакулярного православия в целом типичны для всего периода существования страны.

Вторые, трактуемые духовенством и сочувствующими ему интеллектуалами как секты, представляют собой специфические городские и сельские группы разной направленности, которые могут выделяться специфической трактовкой канона, ярко выраженными новациями в культовой практике, специфическими социальными стратегиями (примером могут служить ставшие широко известными т.н. «пензенские сидельцы» [Мурашов, 2012: 15–17], симмониты¹). В большинстве случаев такие сообщества имеют сложные отношения с социальным окружением и, попав в фокус внимания СМИ, системы образования или местной администрации, постепенно становятся изгоями и для православной среды. Примечательно, что руководство митрополиями и епархиями реагирует на существование подобных групп одним из последних, видимо решая более насущные внутренние проблемы. Возможно, такая позиция по отношению к «сектантам» объясняется отсутствием у церкви рычагов, позволяющих эффективно воздействовать на мирян. Традиционные епитимии и анафемы малозначимы для верующих, ставящих под сомнение авторитет церковных институтов, поэтому документы, касающиеся различных мер наказания, касаются традиционно только духовенства².

Критика со стороны нерелигиозной части общества в сочетании с давлением со стороны церковных структур вынуждает такие общины либо идти на конфронтацию с обществом, либо использовать стратегию адаптации к новым условиям существования, выражающуюся в мими-

крии под социально приемлемые, и даже востребованные, объединения единомышленников.

Примером использования мимикрии для восстановления социального имиджа является существующая в г. Пермь Покровская обитель, изначально действующая при православном приходе Благовещения Пресвятой Богородицы. Эта группа формально существовала (до августа 2019 г.) в границах Пермской епархии, впоследствии митрополии, и официально окормлялась рукоположенными священниками. Община изначально функционировала как принадлежащая православной традиции, на что указывало её название и образ жизни насельников, а по способу их сосуществования претендовала на воспроизведение традиции христианских братств [Рязанова, 2021: 119–135; Рязанова, 2020: 86–100; Ryazanova, 2022]. В разное время через неё прошли не менее 200 человек, но на данный момент группа включает чуть больше пятидесяти жителей, из которых большинство являются совершеннолетними.

В настоящее время община является закрытым для наблюдения сообществом, что связано с жалобами её бывших членов и судебными процессами. Каналом для получения информации стали интервью с теми верующими, которые покинули обитель. В ходе исследования получилось связаться с одним из основателей общины через переписку. Через него же был получен доступ в закрытую группу социальной сети «ВКонтакте», использование материалов которой согласовывалось с модератором. Для верификации информации были использованы три группы источников. К первой относятся аудиозаписи семинаров, проводимых лидером группы для постоянцев коммуны и относящихся по времени к 2010–2011 гг. и 2015–2016 гг. Ссылка на них даётся по названию. Вторую группу

¹ Официальный сайт симмонитов. — URL: <http://pokrov220.narod.ru>

² К последним документам такого рода относятся «Положение о наказании церковных клириков», предложенное как проект в марте 2019 г., а также принятый в 2021 г. документ о канонических прещениях и дисциплинарных наказаниях священнослужителей. (Документ о канонических прещениях и дисциплинарных наказаниях священнослужителей одобрен Межсоборным присутствием Русской Православной Церкви // Официальный сайт Московского патриархата. — 2021. — 27 мая. — URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5814669.html>).

составили своеобразные рабочие тетради общины, включающие в себя тексты выступлений лидера, комментарии рядовых членов группы, публичные покаяния. Фактически они представляют собой вариант коллективного дневника, фотокопии которого также были сделаны одним из респондентов для коллективных занятий³. Информация для анализа деятельности, посвящённой патриотическим проектам, взята из материалов открытой группы сети «В контакте» (репортажи с проводимых мероприятий и событий, в которых участвовали члены общины, тексты, обосновывающие деятельность данной группы, фотографии), а также из данных включённых наблюдений и интервью, взятых автором.

Основным исследовательским вопросом предлагаемого текста является выявление эффективных стратегий социальной адаптации малых религиозных сообществ на примере одной из современных городских групп, обозримая история существования которой позволяет отследить логику эволюции такого сообщества. Это предполагает решение следующих задач: реконструкция доктринальных положений и культовой практики группы в их эволюции; выявление индикаторов, указывающих на изменение стратегии социального поведения сообщества; выделение наиболее значимых изменений, декларирующих изменение социального портрета сообщества.

Методологической основой статьи стали работы, анализирующие специфику современного религиозного пространства и процессов религиозной самоидентификации. Религиозное мировоззрение индивида как самостоятельно конструируемое трактуется по концепции К. Добеллара [Dobbelaere, 2004], совпадающей с результатами, полученными автором самостоятельно⁴. Этот подход дополняется эле-

ментами теории рационального выбора веры для населения современных городов Р. Кисалы [Kisala, 2004] и подхода Т. Асада в вопросе места религии в современном сознании [Asad, 2001: 124], с учётом идеи И. Боровик о стимулах ухода от институциональной религиозности [Borowik, 1997]. Понимание логики процесса приватизации религии и утраты ее феноменами собственно религиозного содержания сложилось на основе статей К. Митчелл [Mitchell, 2006] и Р.В. Стампа [Stump, 1986], а также работы П. Бейера [Beyer, 2006].

Для анализа текстов и видеоматериалов с позиции религиоведения была использована методика качественного анализа, предполагающего отбор в содержании необходимых данных, сопоставление релевантных элементов и совокупный анализ всего отобранного материала. С этой целью в тексте выделяются, а затем интерпретируются, высказывания, которые служат маркерами догматической и социальной позиции их авторов.

Для реализации возможности вписать изучаемое сообщество в процессы современной религиозной жизни были использованы статистические и аналитические работы исследователей современной отечественной религиозности — К. Каариайнена [Kääriäinen, 1999], С.А. Коначевой [Коначева, 2001], Н. Митрохина [Митрохин, 2009; 2004; 2003], Л. Титаренко [Titarenko, 2008], С.Б. Филатова и Р.Н. Лункина [Филатов, Лункин, 2005], Д. Фурмана [Старые церкви, новые..., 2000], В.Ф. Чесноковой [Чеснокова, 2005]. Разнородные феномены вернакулярного православия отражены в статьях Н. Митрохина и О. Сибирёвой [Митрохин, Сибирёва, 2007; Сибирёва, 2010].

Для понимания процессов, происходивших и происходящих внутри общины, большую роль играет личность её руководителя. С середины 1990 гг. Покровскую обитель в вероучительном отношении возглавляет

³ Основатель общины упоминает о том, что записи бесед и рассказов велись постоянно, без ограничений, что позволяет говорить об открытом характере данных файлов, отсутствии запрета на распространение за пределами общины.

⁴ Рызанова С.В. Диалог Запада и Востока и феномен неоориенталистских культов: Соц.-филос. анализ: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.11. — Пермь, 1998. — С. 126.

Ольга Будилова, изначально православная активистка. По своему типу лидер общины представляет собой так называемого «нового интеллектуала» [Roy, 2001: 51; Митрофанова, 2008]. Она имеет за плечами полтора года биологического факультета в одном из вузов Петрозаводска и несколько лет работы в качестве тренера в рамках программы «Тренинг по решению исследовательских задач». Её собственное «богословское» образование сложилось путём чтения разношёрстной литературы — от Елены Блаватской до святоотеческих трудов (частная переписка с отцом Георгием Андриевским), что сказывается на содержании семинаров, которые она проводит для непосвящённых. Наличие у Будиловой элементов светского образования проявляется в любви как к самой форме семинаров — не проповедей или домашних кружков по изучению текста, а именно семинаров, — а также в активном использовании наглядных средств, схем и графиков.

Представляется правомерным отнести данное сообщество к группе феноменов религиозной жизни, которые стоит определить как альтернативное православие (Р. Силантьев и Ю. Рагозин предлагают термин «параправославные секты») [Силантьев, Рагозин, 2021]. К нему относятся и т.н. «исторические секты» — низовые движения, развивавшие собственное богословие [Панченко, 2004: 45–54]. Под альтернативностью в данном случае понимаются иные, нежели у официально зарегистрированных православных церквей, истолкование религиозной доктрины и осуществление культовой практики. Изменения в традиции понимания священных текстов в таких группах [Рязанова, 2019], влекут за собой трансформацию культа и переформатирование взаимоотношений внутри общины. Эмоциональным и организационным центром становится новый религиозный лидер, реализующий процесс экзегезы, установление связей общины с Богом и курирование поведения членов сообщества. При этом во внешнем социальном поведении сообщество может демонстрировать привычную религиозную самоидентификацию и соответствие наиболее востребованным трендам общественной жизни.

Эволюция Покровской обители от части православного прихода до эзотерической группы, подающей себя как сообщество с гражданской позицией, может быть разделена на несколько этапов. Изначально коммуна идентифицировала себя как часть РПЦ МП. Никому не пришло бы в голову оспаривать православный статус общины — исходя из названия обители, формальной принадлежности к православному приходу, использования канонической литературы, традиционных форм участия в религиозной жизни. Восприятие себя как православных прослеживается и в аудиозаписях семинаров, проводимых для членов обители за 2010–2011 гг. Вполне традиционные темы — смысл ежедневных молитв, молитвенное правило, исцеление разума, преодоление обиды, духовная жизнь в миру и т.п. В обсуждениях осуждается гордыня и пропагандируется смирение и любовь к ближнему. Верующих предупреждают об опасностях и роли искушения в их жизни. Жизнь сообщества явно соотнесена с основными событиями православной жизни и указаниями священников: сама Будилова объясняет свои решения авторитетом клира — «Что мне там батюшка скажет», — и активно ссылается на тексты отцов церкви. Обитель трактуется как открытое сообщество единомышленников, свободное во входе и выходе, где главным условием становится только желание научиться жизни в Боге. Обращают на себя внимание лишь незначительные шаги в сторону расширения полномочий человека: звучат утверждения о том, что надо помочь Богу проявить своё присутствие в мире и дать ему возможность действовать.

Принципиально иная картина возникает при прослушивании записей семинаров за 2014–2016 гг. Привычные христианские образы получают специфическую трактовку: «Мысль Божия представляет собой постоянно растущие оформленные кристаллы» («Кристалл развития искусства»); «Бог — это единица» («Кристалл развития искусства»); Небо — это муж, земля — это жена, и кристалл развития культуры показывает развитие этого брака («Кристалл развития искусства»); Бог мыслит

кристаллами («Кристалл развития искусства»). Неканоническую трактовку получает образ Троицы: «Бог устраивает весь мир по принципу триединства, потому что сам он является Троица, и этот принцип влагает в тварное бытие. Триединство всегда устроено очень просто — две противоположные категории и взаимосвязь между ними» («Кристалл развития искусства»). Наука и религия трактуются как совпадающие по сути явления («Кристалл развития искусства»). Бог описывается как «странная сущность», с которой можно спорить и договариваться («Тала, Светел и Ангелия»), лишенная статуса мироустроителя: «Изначально сказанное Богом слово не означает, что так будет стоять всегда» («Брак»).

Верующий воспринимается как наделённый вселенской миссией и призванный «уравновесить через себя и свой духовный труд мироздание», вступить в состояние взаимного ощущения с Богом («Кристалл развития искусства»). Ему предлагается самому творить священные книги, чтобы потом изменить реальный мир («Кристалл развития искусства»).

Активно осуществляется критика официальной церкви: «В церкви Бога можно уже не искать. Потому что он бесконечно живое существо. Зримая форма церкви была откровением на определённый срок... Церковь идет в ад первой. Апокалипсис начинается с этого... Церковь является тем местом, где слово Божие убивается» («Церковь»). Традиционная культовая практика объявляется неактуальной: «мы имеем церковь, которая венчает там какие-то браки, вот она не будет уже мочь опираться на закон... скажут, глядя на венчанный брак, что это блуд» («Обетование. Путешествие»). Очень примечательным в этом отношении является диалог между Будиловой и одним из священников общины по поводу нововведений в вероучении:

- «— Церковь это не примет.
- Ты думаешь?
- Официально не примет. Они будут гнать, как на ересь.
- Ты знаешь, батюшка, у нас нет задачи, чтобы церковь это официально приняла. И церковь — она такая, нейтральная, она ничего не делает, ничего не хочет и

ничего не может. Поэтому пусть живёт она так, как может... Тебе не церковь нужна официальная, а тебе нужен который в вечности тебя примет» (Брак).

Особое внимание уделяется обоснованию роли сложившегося женского лидерства в обители. Оно строится на исключительности Ольги Будиловой как человека и наличии у неё особой миссии: «в моём случае эти две задачи Господь считает решёнными... у меня существует-то там совершенно другая, получается, цель. Не такая, вот, как у людей. Цель другая, и я её объясню. Целью является собственно служение... выполнение на Земле той работы, которая необходима для Бога, т.е. служение Богу и людям» («Оля»). Это предназначение имеет исключительный характер «божественного орудия» для исправления мира: «чтобы... я связывала собою распавшиеся части бытия» («Оля»). Частью этой миссии становится рождение божественного младенца в новом браке: «Бог действует через это соединение меня с Димой... Он для этого дал мне очень сложное послушание, которое мне очень сложно было принять, это послушание рождения ребёнка» («Оля»). Претендующая на статус новой богоматери — «Серафим Саровский мне сказал: «Ты совершишь стояние Марии Богородицы»» («Точка воскресения»), — Ольга Будилова находит обоснование и для случившейся смерти ребёнка, утверждая, что через это событие в мир должна прийти сущность, которая соединит живое и неживое: «Ребёнок должен был родиться, чтобы всех примирить... а примирение возможно только через жертву» («Точка воскресения»). Примечательно, что детскую могилу располагают на территории общины, объявляя её святыней и центром мира («Точка воскресения»).

Лидер обители наделяет себя набором мистических качеств: она ежедневно совершает «подвиг восхождения вверх» («Календарь-Январь»), получает видения свыше — «Бог показывает мне картиночку» («Оля»), способна «любого научить слышать и видеть Бога» («Обетование. Путешествие»). В этот образ также добавляются элементы жертвоприношения — себя («Иногда мне кажется, что меня уже

скоро убьют за всё... давно пора» («Оля»)) и последователей: «мне казалось, что я вообще убиваю всё и всех, всех людей и сразу. Но через кровавый узел... он вводит в эту реальность земную свою благословения, а это мне делается известно только на следующий день после того, как я решилась подвергнуть уничтожению всех ребят» («Обетование. Путешествие»).

В этом процессе спасения мира подчёркивается сотериологическая исключительность общины, которая противопоставляется городу: «В городе холодно... душевный холод... люди там не живут... а если ходишь по территории обители — совсем другое» («Кристалл развития искусства»), и общество в целом: «Социум — это монстр, закладывающий формы искусственных взаимоотношений между людьми. Это форма самоубийства, которую создаёт человек, чтобы покончить со своими отношениями с Богом... в нём нет живого звучания души, а есть только роль... человек засыпает в ней как в растворе и умирает для Бога... Обитель — это не социальная структура... Из социума надо выйти, поскольку он не даёт соединения с Богом» («Алые паруса»). Община объявляется «живым проявлением Христа», куда попадают только особые люди: «Не каждому даётся благословение жить в обители» («Грань добра и зла»). Коммуна описывается как наполненная атмосферой праздника и благодати, привлекающей людей со всей страны: «Они всё едут и едут, и это всё бесконечно идёт», — которые приезжают за благословением Бога: «Каждая почему-то будущая семья считает для себя особым благословением венчаться только на территории обители... обитель стала восприниматься людьми как особого рода святое место, как бы какая-то святыня, где особая как бы честь или благодать... именно приобрести благословение» («Обетование. Путешествие»).

Значительные изменения претерпевает культовая практика, осуществляемая членами сообщества. Она получает не каноническое, а мистическое обоснование: «мы находимся в области, сфере очень сокровенного, личностного общения с Богом, где мы можем слышать его волю, видеть её, и можем что-то делать, совершать в этом направлении» («Испытания»). Новый вид деятельности определяется как «суточная работа» («Грань добра и зла»), закреплённая в распорядке дня и возложенная на избранных членов группы. Они получают статус «воинов света»: «Бог совершает таинство посвящения человека, а вот этот вот человек, он как бы подымается немножко над состоянием обычным человеческим. Он может совершать действительную борьбу со злом в результате того, что Бог по своему дару даёт ему этот феномен чистого видения, вот этой вот границы между добром и злом» («Грань добра и зла»). Для этого используются особые молитвы — «Бог дал, вот когда мы начинали только работать, очень короткую заклиательную молитву, она звучит так... “Я именем Господа нашего Иисуса Христа, наречённый воином света, закликаю тебя уйти”. И они подчиняются им, вот эти духи тьмы этим людям подчиняются» («Грань добра и зла»), техники проникновения в сознание (Интервью с С. Хватковым), а также особые женская и мужская магия («Грань добра и зла»).

Все эти изменения оставались бы внутренним делом общины, если бы не ужесточение кадровой политики со стороны лидера, которое привело к оттоку верующих и началу публичной критики в отношении группы. Статус Покровской обители с середины 2019 г. из-за развёрнутых судебных процессов и кампании в ряде СМИ⁵ стал шатким. Руководство Пермской митрополии, столкнувшееся с поднятой шумихой, обратило, наконец, внимание на тот факт,

⁵ Асауленко О. Под покровом тьмы // Территория Пермь. — 2016. — 11 июля — С. 3; Асауленко О. Гражданский суд // Территория Пермь. — 2017. — 14 марта. — С. 3; Асауленко О. «По делам узнаете их...» // Территория Пермь. — 2019. — 22 июля. — С. 3; Православная обитель или секта: две истории пермяков, живших в «Покровской обители» // 59.RU. — 2019. — 20 сентября. — URL: <https://omvesti.ru/2019/09/27/pravoslavnyaya-obshchina-ili-sekta-dve-istorii-permyakov-zhivshix-v-pokrovskoj-obiteli/>.

что транслируемая О. Будиловой трактовка библейского учения и связанные с ней формы культовой деятельности [Рязанова, 2021; 2020] не могут быть идентифицированы как православные. Начавшееся в руководстве митрополией внутреннее разбирательство привело к выведению за штат двух клириков с формальной причиной «необходимость прохождения лечения» и фактическим отрывом Покровской обители от прихода церкви Покрова пресвятой Богородицы.

Стоит отметить, что меры репрессивного характера со стороны руководства митрополии к этому времени уже не могли принципиально изменить состояние дел в обители. Один из выведенных за штат священников действительно имеет серьезные проблемы со здоровьем и не заинтересован в продолжении служения в храме. В финансовом отношении обитель давно перестала зависеть от приходских пожертвований. Отсутствие у Будиловой официального церковного статуса не оставило высшему клиру никаких возможностей для воздействия на неё лично, впрочем, как и на других насельников. Высокий авторитет лидера в группе и почти автаркичное существование обители позволили сохранить личный состав и группу актива и продолжить функционирование в качестве сообщества.

Вместе с тем, судебные иски с обвинением в мошенничестве и причинении вреда здоровью несовершеннолетних создали для общины необходимость обороняться от внешней критики, что повлекло за собой изменение способа подачи себя в пространстве города — причём не столько в религиозном, сколько в социальном аспекте. Первым этапом стала организация репортажей СМИ, которые подавали бы общину и её руководительницу в правильном ключе. Поскольку для обители совпали во времени её фактическое выведение

за пределы Пермской митрополии, проведение судебных разбирательств и начало пандемии коронавируса, основной акцент был сделан на «правильном» образе группы в сети Интернет.

В качестве визитной карточки группы, которая фактически отказалась от использования религиозной повестки вовне, была выбрана школа воспитания патриотизма через обучение верховой езде. Выбор во многом был обусловлен давним интересом Ольги Будиловой к лошадям, а также хорошо обкатанной программой иппотерапии для детей-инвалидов и обучения катанию на лошадях для всех желающих. Поскольку для отечественного патриотизма характерно его совмещение с военным искусством, в обители был создан и активно развивается Учебно-практический центр Русского Боевого Искусства им. генерал-майора Ю.И. Дроздова. Структура, посвящённая сотруднику внешней разведки, декларирует «возрождение и сохранение воинских и боевых традиций русского народа, защиту государства и служение Отечеству, патриотическое воспитание, формирование в сознании людей таких категорий, как служение Отечеству и любовь к Родине»⁶. В самой идее центра отчётливо видны и попытки укрепить статус общины через обращение к народной традиции и, одновременно, акцент на востребованной в обществе идее патриотического воспитания. Хотя спектр предлагаемых общиной занятий очень широк — конно-спортивная джигитовка, русское боевое искусство, реконструкция оружия, организация поисковых отрядов, создание музейных экспозиций, организация спортивных и развлекательных мероприятий, интерактивные экскурсии, работа в кузнечной, столярной, ткацкой и шорной мастерской, верховая езда, русские народные танцы и песни, подвижные игры⁷, — несомненно упор на военно-спортивное воспитание.

⁶ Шаповалов Д.С. Синтез различных направлений патриотического воспитания для формирования целостной личности человека: из опыта работы АНО УПЦ РБИ им. генерал-майора Ю.И. Дроздова // VK сообщество УПЦ РБИ. — 2021. — 2 дек. — URL: https://vk.com/wall-189259729_154

⁷ Там же.

Во время публичных мероприятий обучающиеся демонстрируют джигитовку, метание ножей, знакомство с оружием Гражданской и Великой Отечественной войн. Акцент на военном элементе усиливается за счёт участия в праздниках и представлениях взрослых членов группы, реконструирующих внешний вид и образ отечественных военных. Исключением из военизированных практик стал цикл семинаров, посвящённых «Принципам биометрических процессов в восстановлении телесной и личностной целостности человека», в отличие от патриотических проектов не получивший отклика за пределами общины, несмотря на сетевую рекламу.

Формирование благоприятного имиджа и внешнее финансирование сообщества осуществляется путём участия в светских патриотических мероприятиях и конкурсах. Все организованные представления обязательно сопровождаются использованием особого звукового ряда, костюмов и символики, как правило, отсылающих к советскому прошлому страны. На странице центра «В контакте» обязательно отмечаются дни рождения великих российских полководцев и значимые события внешней политики. Члены группы участвуют во встречах с ветеранами и спортивных соревнованиях.

Обитель в лице членов центра активно использует общероссийские мероприятия для позиционирования себя как социально лояльной группы. Примером является проведение собственного сегмента акции «Бессмертный полк» — с транспарантами, аналогичными используемым повсеместно в стране, и небольшим маршем рядом с обителью. Думается, обособленное проведение шествия было вызвано исключительно условиями пандемии (судя по тому, насколько организаторы центра активно участвуют в публичных мероприятиях),

поэтому сам факт акции говорит о стремлении существовать внутри социального мейнстрима. Об этом свидетельствует и то обстоятельство, что представители обители обязательно размещают фотоотчёты с мероприятий в группе центра «ВКонтакте», напоминая о лояльности сообщества по отношению к государству и предлагаемым им инициативам. Активность такого рода особенно показательна для наблюдателя, поскольку она противоречит содержанию внутренних семинаров, на которых лидер призывает последователей к максимальному дистанцированию от общества [Рязанова, 2021; Ryazanova, 2022].

Выбранная стратегия существования в новых условиях, без прикрытия со стороны руководства митрополии, при отсутствии официально служащих священников, оказалась на данный момент достаточно эффективной. Вместо религиозных отщепенцев, не соответствующих учению и практике Русской православной церкви, в общественном пространстве Прикамья появилась светская организация, в своей деятельности совпадающая с актуальными потребностями общества, готовая сотрудничать с государством по наиболее важным вопросам в сфере воспитания и образования. Религиозная составляющая здесь помещена в частное пространство насельников обители, спрятана за спиной центра, пропагандирующего джигитовку и боевые искусства. Удачная мимикрия группы показала, что религия — не единственная карта, которую можно использовать для эффективной легитимации сообщества, она успешно дополняется и даже замещается светскими видами деятельности. Это даёт возможность говорить о перспективах малых городских религиозных сообществ и наличии у них потенциала для существования в дальнейшей исторической перспективе.

Список литературы:

Коначева С.А. Религиозная ситуация в постсоветской России: особенности процесса секуляризации // Трансформация идентификационных структур в современной России. — Москва: Московский общественный научный фонд, 2001. — С. 82–105.

Митрофанова А.В. Национализм и паранаука // Русский национализм: социальный и культурный контекст. — Москва: НЛО, 2008. — С. 87–104.

Митрохин Н. Русская православная церковь — итоги десятилетия // Неприкосновенный запас. — 2003. — № 6. — URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2003/6/russkaya-pravoslavnaya-cerkov-itogi-desyatiletia.html>

Митрохин Н. Русская православная церковь в России в 2000–2008 годах: очерк некоторых структурных проблем // Неприкосновенный запас. — 2009. — № 1. — URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2009/1/russkaya-pravoslavnaya-cerkov-v-rossii-v-2000-2008-godah-ocherk-nekotoryh-strukturnyh-problem.html>

Митрохин Н. Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы. — Москва: НЛО, 2004. — 656 с.

Митрохин Н. Сибирева О. «Не бойся, малое стадо!». Об оценке численности православных верующих на материале полевых исследований в Рязанской области // Неприкосновенный запас. — 2007. — № 1. — URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2007/1/ne-bojsya-maloe-stado-ob-ocenke-chislennosti-pravoslavnyh-veruyushhih-na-materiale-polevyh-issledovanij-v-ryazanskoj-oblasti.html>

Мурашов Д. В ожидании «конца света» // Родина. — 2012. — № 12. — С. 15–17.

Панченко А.А. Христовщина и скопчество: Фольклор и традиционная культура русских мистических сект. — Москва: ОГИ, 2004. — 541 с.

Рязанова С.В. "Народное богословие" в церкви "семья Божия": сюжеты, образы, мифы // Технолог. — 2019. — № 1. — С. 85–100. <https://doi.org/10.15593/perm.kipf/2019.1.07>

Рязанова С.В. Закрытое религиозное сообщество: стратегия складывания и принципы функционирования // Социологическая наука и социальная практика. — 2020. — Т. 8, № 2. — С. 86–100. <https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.2.7306>

Рязанова С.В. Закрытые сообщества как феномен современной религиозной жизни // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. — 2021. — № 96. — С. 119–135. <https://doi.org/10.15382/sturl202196.119-135>

Сибирева О. Православная религиозность в позднем СССР. Пример Шацкого района Рязанской области // Неприкосновенный запас. — 2010. — № 5. — URL: <http://intelros.ru/readroom/nz/nz-73-5-2010/7680-pravoslavnaya-religioznost-v-pozdnem-sssr-primer-shackogo-rajona-ryazanskoj-oblasti.html>

Силантьев Р., Рагозин Ю. Паранеправославные секты в современной России. — Москва: Снежный ком, 2021. — 432 с.

Старые церкви, новые верующие: Религия в массовом сознании постсоветской России / Под ред. К. Каарияйнена и Д. Фурмана. — Москва; Санкт-Петербург: Летний сад, 2000. — 247 с.

Филатов С.Б., Лункин Р.Н. Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // Социологические исследования. — 2005. — № 6. — С. 35–45.

Чеснокова В.Ф. Тесным путем: процесс воцерковления населения России в конце XX века. — Москва: Академический Проект, 2005. — 297 с.

Asad T. The Construction of Religion as an Anthropological Category // A Reader in the Anthropology of Religion. — Hoboken, New Jersey: Wiley-Blackwell, 2001. — P. 110–126.

Beyer P. Religions in Global Society. — London: Routledge, 2006. — 336 p. <https://doi.org/10.4324/9780203087879>

Borowik I. Institutional and private religion in Poland // New religious phenomena in Central and Eastern Europe. — Kraków: Nomos Publ., 1997. — P. 235–255.

Dobbelaere K. Assessing Secularization Theory // New Approaches to the Study of Religion. Vol. 2. Textual, Comparative, Sociological, and Cognitive Approaches. — Berlin, New York: De Gruyter, 2004. — P. 229–254. <https://doi.org/10.1515/9783110211719.3.229>

- Kääriäinen K. Religiousness in Russia after the Collapse of Communism // *Social Compass*. — 1999. — Vol. 46, № 1. — P. 35–46. <https://doi.org/10.1177/003776899046001004>
- Kisala R. Urbanization and Religion // *New Approaches to the Study of Religion*. Vol. 2. Textual, Comparative, Sociological, and Cognitive Approaches. — Berlin, New York: De Gruyter, 2004. — P. 255–274. <https://doi.org/10.1515/9783110211719.3.255>
- Mitchell C. The Religious Content of Ethnic Identities // *Sociology*. — 2006. — Vol. 40, № 6. — P. 1135–1152. <https://doi.org/10.1177/0038038506069854>
- Roy O. The Failure of Political Islam. — Cambridge: Harvard University Press, 2001. — 238 p.
- Ryazanova S.V. Talking to God: Religion, Para-Science and Disciplinary Practices as Consolidation Tools // *Changing Societies & Personalities*. — 2022. — Vol. 6, № 1. — P. 182–196. <https://doi.org/10.15826/csp.2022.6.1.169>
- Satlow M.L. Disappearing categories: Using categories in the study of religion // *Method and Theory in the Study of Religion*. — 2005. — Vol. 17, № 4. — P. 287–298. <https://doi.org/10.1163/157006805774550947>
- Stump R.W. Regional Variations in the Determinants of Religious Participation // *Review of Religious Research*. — 1986. — Vol. 27, № 3. — P. 208–225. <https://doi.org/10.2307/3511417>
- Titarenko L. On the Shifting Nature of Religion during the Ongoing Post-Communist Transformation in Russia, Belarus and Ukraine // *Social Compass*. — 2008. — Vol. 55, № 2. — P. 237–254. <https://doi.org/10.1177/0037768607089743>

References:

- Asad, T. (2001) 'The Construction of Religion as an Anthropological Category', in *A Reader in the Anthropology of Religion*. Hoboken, New Jersey: Wiley-Blackwell, pp. 110–126.
- Beyer, P. (2006) *Religions in Global Society*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203087879>
- Borowik, I. (1997) 'Institutional and private religion in Poland', in *New religious phenomena in Central and Eastern Europe*. Kraków: Nomos Publ., pp. 235–255.
- Chesnokova, V. F. (2005) *Tesnym putem: protsess votserkovleniya naseleniya Rossii v kontse XX veka* [In a close way: the process of churching the population of Russia at the end of the 20th century]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ. (In Russian).
- Dobbelaere, K. (2004) 'Assessing Secularization Theory', in *New Approaches to the Study of Religion*. Vol. 2. Textual, Comparative, Sociological, and Cognitive Approaches. Berlin, New York: De Gruyter, pp. 229–254. <https://doi.org/10.1515/9783110211719.3.229>
- Filatov, S. B. and Lunkin, R. N. (2005) 'Statistika rossiyskoy religioznosti: magiya tsifr i neodnoznachnaya real'nost' [Statistics of Russian religiosity: the magic of numbers and ambiguous reality]', *Sociologičeskie issledovaniâ*, (6), pp. 35–45. (In Russian).
- Kääriäinen, K. (1999) 'Religiousness in Russia after the Collapse of Communism', *Social Compass*, 46(1), pp. 35–46. <https://doi.org/10.1177/003776899046001004>
- Kääriäinen, K. and Furman, D. (eds) (2000) *Staryye tserkvi, novyye veruyushchiye: Religiya v masovom soznanii postsovetskoy Rossii* [Old Churches, New Believers: Religion in the Mass Consciousness of Post-Soviet Russia]. Moscow ; Saint Petersburg: Letniy sad Publ. (In Russian).
- Kisala, R. (2004) 'Urbanization and Religion', in *New Approaches to the Study of Religion*. Vol. 2. Textual, Comparative, Sociological, and Cognitive Approaches. Berlin, New York: De Gruyter, pp. 255–274. <https://doi.org/10.1515/9783110211719.3.255>
- Konacheva, S. A. (2001) 'Religioznaya situatsiya v postsovetskoy Rossii: osobennosti protsessa sekulyarizatsii [Religious Situation in Post-Soviet Russia: Peculiarities of the Secularization Process]', in *Transformatsiya identifikatsionnykh struktur v sovremennoy Rossii* [Transformation of Identification Structures in Modern Russia]. Moscow: Moskovskiy obshchestvennyy nauchnyy fond Publ., pp. 82–105. (In Russian).
- Mitchell, C. (2006) 'The Religious Content of Ethnic Identities', *Sociology*, 40(6), pp. 1135–1152. <https://doi.org/10.1177/0038038506069854>
- Mitrofanova, A. V. (2008) 'Natsionalizm i paranauka [Nationalism and parascience]', in *Russkiy natsionalizm: sotsial'nyy i kul'turnyy kontekst* [Russian nationalism: social and cultural context]. Moscow: NLO Publ., pp. 87–104. (In Russian).

- Mitrokhin, N. (2003) 'Russkaya pravoslavnaya tserkov' — itogi desyatiletiya [Russian Orthodox Church — the results of the decade]', *Neprikosnovennyi zapas*, (6). (In Russian). <https://magazines.gorky.media/nz/2003/6/russkaya-pravoslavnaya-czerkov-itogi-desyatiletiya.html>
- Mitrokhin, N. (2004) *Russkaya pravoslavnaya tserkov': sovremennoye sostoyaniye i aktual'nyye problem [Russian Orthodox Church: current state and topical problems]*. Moscow: NLO Publ. (In Russian).
- Mitrokhin, N. (2009) 'Russkaya pravoslavnaya tserkov' v Rossii v 2000–2008 godakh: ocherk nekotorykh strukturnykh problem [The Russian Orthodox Church in Russia in 2000–2008: an outline of some structural problems]', *Neprikosnovennyi zapas*, (1). (In Russian). <https://magazines.gorky.media/nz/2009/1/russkaya-pravoslavnaya-czerkov-v-rossii-v-2000-2008-godah-ocherk-nekotorykh-strukturnykh-problem.html>
- Mitrokhin, N. and Sibireva, O. (2007) 'Ne boysya, maloye stado!'. Ob otsenke chislennosti pravoslavnykh veruyushchikh na materiale polevykh issledovaniy v Ryazanskoy oblasti [Don't be afraid, little flock! On the assessment of the number of Orthodox believers on the basis of field research in the Ryazan region]', *Neprikosnovennyi zapas*, (1). (In Russian). <https://magazines.gorky.media/nz/2007/1/ne-bojsya-maloe-stado-ob-otsenke-chislennosti-pravoslavnykh-veruyushchikh-na-materiale-polevykh-issledovaniy-v-ryazanskoy-oblasti.html>
- Murashov, D. (2012) 'In anticipation of the "end of the world" [V ozhidanii «kontsa sveta»]', *Rodina*, (12), pp. 15–17. (In Russian).
- Panchenko, A. A. (2004) *Khristovshchina i skopchestvo: Fol'klor i tradicionnaya kul'tura russkikh misticheskikh sekt [Christendom and Savings: Folklore and the Traditional Culture of Russian Mystical Sects]*. Moscow: O.G.I. Publ. (In Russian).
- Ryazanova, S. V. (2020) 'The Closed Religious Community: the Strategy of Forming and the Principles of Functioning', *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika*, 8(2), pp. 86–100. (In Russian). <https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.2.7306>
- Roy, O. (2001) *The Failure of Political Islam*. Cambridge: Harvard University Press.
- Ryazanova, S. (2019) 'Popular Theology in the God's family church: subjects, images, myths', *Technologos*, (1), pp. 85–100. (In Russian). <https://doi.org/10.15593/perm.kipf/2019.1.07>
- Ryazanova, S. (2021) 'Isolated communities as a phenomenon of contemporary religious life', *St. Tikhon's University Review*, (96), pp. 119–135. (In Russian). <https://doi.org/10.15382/sturl202196.119-135>
- Ryazanova, S. V. (2022) 'Talking to God: Religion, Para-Science and Disciplinary Practices as Consolidation Tools', *Changing Societies & Personalities*, 6(1), pp. 182–196. <https://doi.org/10.15826/csp.2022.6.1.169>
- Satlow, M. L. (2005) 'Disappearing categories: Using categories in the study of religion', *Method and Theory in the Study of Religion*, 17(4), pp. 287–298. <https://doi.org/10.1163/157006805774550947>
- Sibireva, O. (2010) 'Pravoslavnaya religioznost' v pozdnem SSSR. Primer Shatskogo rayona Ryazanskoy oblasti [Orthodox religiosity in the late USSR. An example of the Shatsky district of the Ryazan region]', *Neprikosnovennyi zapas*, (5). (In Russian). <http://intelros.ru/readroom/nz/nz-73-5-2010/7680-pravoslavnaya-religioznost-v-pozdnem-sssr-primer-shatskogo-rajona-ryazanskoy-oblasti.html>
- Silantiev, R. and Ragozin, Y. (2021) *Parapravoslavnyye sekty v sovremennoy Rossii [Para-Orthodox sects in modern Russia]*. Moscow: Snezhnyy kom Publ. (In Russian).
- Stump, R. W. (1986) 'Regional Variations in the Determinants of Religious Participation', *Review of Religious Research*, 27(3), pp. 208–225. <https://doi.org/10.2307/3511417>
- Titarenko, L. (2008) 'On the Shifting Nature of Religion during the Ongoing Post-Communist Transformation in Russia, Belarus and Ukraine', *Social Compass*, 55(2), pp. 237–254. <https://doi.org/10.1177/0037768607089743>

Информация об авторе

Светлана Владимировна Рязанова — доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник ПФИЦ УрО РАН, Институт гуманитарных исследований УрО РАН, Пермь, 614990, Пермь, ул. Ленина, зд. 13А (Россия)

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Svetlana V. Ryazanova — Doctor of Philosophy, docent, Senior Researcher at PFR Center of Ural division of RAS, Institute for the Humanities of RAS, 13A, ul. Lenina, Perm', Russia, 614990 (Russia)

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 13.10.2022; одобрена после рецензирования 17.11.2022; принята к публикации 01.12.2022.

The article was submitted 13.10.2022; approved after reviewing 17.11.2022; accepted for publication 01.12.2022.

Исследовательская статья

УДК 296.1

<https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-4-24-55-66>

ЗВЕЗДА ОТ ИАКОВА, ЖЕЗЛ ОТ ИЗРАИЛЯ: ОБРАЗ ЦАРЯ ДАВИДА В СВЯЩЕННИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

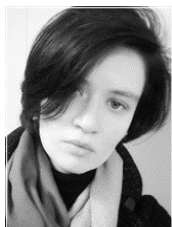
Александра Юрьевна Сгоннова

Московский финансово-юридический университет, Москва, Россия

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, Россия

aleksandrasgonnova@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-1483-8600>

Аннотация. В статье рассматривается особенность раскрытия темы царской власти в идеологии священников раннего иудаизма. Этот период важен для исследователей иудаизма, поскольку именно тогда закладывались основные представления о властных институтах общества, их атрибутах, функциях и особенностях. Наибольшую значимость здесь имеет институт царской власти, который трансформируется от чисто светского в сторону религиозного: царём становится священник. Данное исследование посвящено тем аспектам данных трансформаций, которым ранее не уделялось должного внимания: рефлексии авторов эпохи над образом библейского царя Давида и его месте в новом учении о власти. Помимо осмысления в рамках парадигмы светской власти, этот образ играл важную роль в становлении священнической идеологии указанного периода. Исследование сосредоточено вокруг трёх источников (1-я Маккавейская книга, книга «Премудрость Иисуса, сына Сирахова» и Дамасский Документ). Обоснован вывод, согласно которому развитие восприятия царя Давида проходило по крайней мере в нескольких направлениях. Первое не отрицало возможность возвращения царя из династии Давидов, однако концентрировало внимание на построении нового учения о власти, в центре которого находится избранный священник. Второе направление представляло царя Давида как фигуру из прошлого, создавая новое учение о власти, где главой общества может стать только священник. Третье же направление, представленное Кумраном, радикально пересматривало пророчества о возвращении Давидов на престол: в их представлении «царём Давидом» становилась их собственная община, претендующая на главенство в Израиле.

Ключевые слова: царь Давид, ранний иудаизм, священническая идеология, царская власть, Кумран, 1-я Маккавейская книга, Дамасский Документ, литература Премудрости

Для цитирования: Сгоннова А.Ю. Звезда от Иакова, жезл от Израиля: образ царя Давида в священнической идеологии // Концепт: философия, религия, культура. — 2022. — Т. 6, № 4. — С. 55–66. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-4-24-55-66>

Research article

STAR OF JACOB, AND A SCEPTRE OF ISRAEL: KING DAVID'S IMAGE IN PRIEST IDEOLOGY

Aleksandra Yu. Sgonnova

Moscow University of Finance and Law, Moscow, Russia
St. Tikhons Orthodox University, Moscow, Russia
aleksandrasgonnova@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-1483-8600>

Abstract. This article examines the peculiarities of royal power's representation in the ideology of priests in early Judaism. Researchers of Judaism deem this period important since it is then that the basic ideas about the power institutions of society, their attributes, functions, and features were laid. The institution of the royal power appears to be the most significant here: this power transforms from purely secular to religious, and the priest becomes the king. This research is devoted to the aspects of these transformations that were not previously given due attention: the reflection of the authors who lived during this epoch upon the biblical king David's image and his place in the new doctrine of power. Besides the understanding of the image within the scope of secular power, it also played an important role in the formation of priestly ideology in the period examined. Exploring the data from three sources (*The 1st Book of Maccabees*, *The Book of Sirach*, and *The Damascus Document*), the author concludes that the development of King David's image perception took place in the following directions. The first one did not deny the possibility of the Davidic dynasty heir's return but focused its attention on building a new doctrine of power, which would center around the figure of the elected priest. The second direction represented King David as a figure of the past, creating a new doctrine of power, where only a priest could lead the society. The third direction, represented by Qumran, radically revised the prophecies about the return of David's bloodline to the throne: in their view, the Qumran community becomes King David by itself and receives primacy in Israel.

Keywords: king David, Early Judaism, priestly ideology, king's power, Qumran, 1 Maccabees, Damascus Document, Wisdom Literature

For citation: Sgonnova, A. Yu. (2022) 'Star of Jacob, and a Sceptre of Israel: King David's Image in Priest Ideology', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 6(3), pp. 55–66. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-4-24-55-66>

Период раннего иудаизма представляет собой сложную для исследования картину. В отличие от допленного периода, власть царя в Иудее появляется на краткий срок: большую часть времени

данная территория находится либо под протекторатом другого государства (Вавилон, Египет), либо власть сосредотачивается в руках народных вождей, либо священников. Однако тема царя не уходит

из религиозного сознания народа, активно развиваясь в текстах эпохи.

Важнейшей фигурой в данном дискурсе является фигура библейского царя Давида. Ожидание реставрации царя-Давида на престоле Израиля нашло своё отражение в представлениях о Мессии от Давида. Этот феномен сегодня достаточно глубоко изучен в разных аспектах, включая религиозно-ведческий [Evans, 2000; Yarbrow Collins, 2007; Yarbrow Collins, Collins, 2008; Fernandez-Marcos, 2001; Fitzmeyer, 2000; Willitts, 2007; Painter, 1993].

Представленное ниже исследование направлено на другой, более специфический аспект ожидания возвращения царя Давида, оставшийся по многим причинам без внимания. Цель статьи — показать, как это ожидание реализовывалось в текстах, отражающих священническую идеологию.

Б. Мак пишет, что в данный период «фигура первосвященника становится центром идентичности еврейского народа» [Mask, 1988: 21]. После возвращения в Иудею власть берут в свои руки священники. Иосиф Флавий считал священников не только правителями народа, но и судьями. Часть из них, как полагают комментаторы (1 Макк. 7:12), представляли собой писцов [Kooij, 2010: 62]. Их авторитет также повышался за счёт знания Библии и Закона. Однако священство постепенно утрачивало свой авторитет, эллинизировалось и, с приходом Хасмонеев, всё более отдалялось от народа.

Идея священства в данном периоде не представляет собой монолитного учения. Оно развивается в двух условных направлениях: официального Храмового богословия, идеализирующего представителей хасмонейской династии, и оппозиционной (кумранской) литературы. И в том, и в другом варианте присутствует своего рода саморефлексия относительно роли посредника между Богом и человеком. В каждом отдельном случае можно говорить об особом наборе признаков и паттернов, обусловленных тем, что идеология священников в рамках новой реальности, где они стали вождями народа, только укрепилась. Зачастую она или полемизирует внутри самой себя, прежде всего об идеале

священника как правителя, или же вступает в конфронтацию с образом праведника и знатока Закона.

Можно предположить, что легитимация священников как вождей народа или же просто авторитетных личностей происходила несколькими путями, описанию которых в данном исследовании уделено особое внимание. Что, в свою очередь, потребовало обращения к документам эпохи с чётко выраженной линией восприятия царской власти через потомков Давида в 1-ой Маккавейской книге, в книге «Премудрости Иисуса, сына Сирахова» и в Дамаском Документе. Эти источники охватывают период с III в. до н.э. по I в. н.э. и были созданы по прошествии 8–10 веков со времени правления царя Давида.

На их примере мы попытаемся сформулировать, какое именно место занимала фигура царя Давида в священнической идеологии в раннем иудаизме.

1-я Маккавейская книга

Первая Маккавейская книга повествует о восстании Маккавеев. Верхняя граница создания этого текста определяется датировкой «Иудейских Древностей» Иосифа Флавия: историк цитирует этот текст в своей книге, хотя не относит его к числу священных текстов [Книги Маккавеев, 2014: 16]. Греческий перевод был осуществлён непосредственно с древнееврейского языка [Evans, 2005: 20].

Прежде чем обратиться к разбору данного произведения, имеет смысл выявить основные черты истории Давида, которые становятся основополагающими для описания царской власти по типу библейского царя.

Во-первых, в центре истории 1–2 книги Царств конфликт между двумя царями, одним избранным Богом, и вторым отвергнутым Им, а именно: Давидом и Саулом. Важная особенность повествования — присутствие Пророка, который является связующим звеном между Богом и народом Израиля. Давид, в отличие от Саула, сохраняет своё богоизбранничество в силу личных качеств: смирения и следования воле Бога. Результатом его поведения стан...

ся обетования его роду, который будет править (2 Цар. 7:10–17).

Во-вторых, как отмечает Шмаина-Великанова, особенностью истории 1–2 книги Царств является то, что Давид буквально любимый (לֵבָבִי, «любимый», «возлюбленный»). Его любят сын царя Ионафан и дочь царя Мелхола [Шмаина-Великанова, 2010: 81]. Их любовь помогает ему избежать опасности и спастись от смерти.

В-третьих, цель Давида — следовать указанием Бога и, как следствие, получить престол.

В-четвертых, Давид — военный предводитель и глава восстания, подготовленного им, когда он бежал в горы (1 Цар. 21:10–22:2).

Как отмечают комментаторы 1-ой Маккавейской книги [Книги Маккавеев, 2014: 21], образ Иуды Маккавея написан на основе образа Давида. Аргументируют они это совпадением нескольких вещей: повстанческим движением в горах и фактом того, что Иуда забирает меч Аполлония и упоминает Давида, победившего Голиафа, а также и Ионафана, который помог своему отцу одержать победу над врагами.

Однако, если мы внимательно рассмотрим контекст 1–2 книги Царств и 1 Маккавейской книги, то увидим, что в основных пунктах история восстания Маккавеев не является попыткой адаптировать давидовский тип легитимации власти.

Прежде всего, центральная история для Маккавейской книги — отстаивание Закона и Завета. Ревность и исполнение Завета в истории Маккавеев — важнейшие темы, вокруг которых складывается священническая идеология.

Иуда Маккавей, хотя и описывается военным лидером, отличается от Давида. Иуда Маккавей — «смолоду сильный воитель, будет вам военачальником и ведёт войну с язычниками» (1 Макк. 2:66). Цель же Давида — не борьба с язычниками, а получение престола и обетования своему роду.

Также Иуда не имеет истории избрания Богом или же пророческого помазания, в то время как история Давида — история прямого конфликта между царём отверженным и царём, которого благо-

словил Бог. Иуда в личный конфликт не вступает.

Не Иуда бежит от завоевателей в горы, а его отец Маттафия. Цель их — не спрятаться от гнева царя, но очистить Израиль от скверны. Цель Иуды — восстановление исполнения Закона, очищение Храма и ревность о Боге. В своей ревности он больше напоминает Илию [Farmer, 1956: 49].

Рядом с Иудой нет ни жены, спасающей его от отца, ни друга, который умирает за него.

Помимо всего вышеописанного в тексте 1-й Маккавейской книги мы можем уловить скрытую полемику с историей Давида: в ней дважды (1 Макк. 3:38, 14:41) говорится о том, что нововведения будут существовать, пока «не восстанет пророк верный». Пророк является важной фигурой для легитимации царской власти: как мы говорили выше, он передаёт царю постановления Бога. То, что Симеон становится царём, идёт вразрез с традиционной монархией Израиля: царю требуется помазание от Пророка, а первосвященник — уже помазанная фигура. Такая условность — «пока не восстанет пророк верный», как отмечают исследователи [Книги Маккавеев, 2014: 209], отражает попытку примирить враждующие стороны конфликта: монархистов и приверженцев Маккавеев.

Голдштейн [Goldstein, 1988: 94]. также обращает внимание на 56–62 стихи 1 Маккавейской книги: «Услышали Иосиф, сын Захарии, и Азарий, военачальники, о славных воинских подвигах, совершённых ими, и сказали: сделаем и мы себе имя; пойдём воевать с язычниками, окружающими нас. Так объявили они бывшему при них войску и пошли на Иамнию. И вышел Горгий из города и воины его навстречу им на сражение. И, обратившись в бегство, Иосиф и Азария были преследуемы до пределов Иудеи; и пали в этот день из народа Израильского до двух тысяч мужей. И было великое замешательство в народе Израильском, потому что не послушались Иуды и братьев его, мечтая показать храбрость, тогда как они не были от семени тех мужей, руке которых предоставлено спасение Израиля» (1 Макк. 5:56–62). Как полагает Голдштейн, 62 стих является аллюзией 2 книги

Царств (Цар. 3:18). Он также полагает, что узурпация прав Давида Хасмонеями видна в Псалме Соломона: «Но мы понадеемся на Бога, Спасителя нашего, ибо сила Бога нашего вовеки с милостью, и Царствие Бога нашего во веки в суде над народами. Ты, Господи, избрал Давида царём над Израилем, и Ты клялся ему о семени его навеки, да не угаснет пред Тобою царство его» (Пс. Сол. 17:3–4). С этим мнением полемизировал Дж. Коллинз, говоря, что вполне возможно автор 1 Макковейской книги не отрицал надежды на восстановление линии Давида, но относил её к эсхатологическому будущему, в то время как в современности законными правителями оставались наследники Иуды Маккавея [Collins, 1988: 104].

Тема праведности Маккавеев и восстановление Храма — это попытка противопоставить свою любовь к Закону отступничеству остального священнического сословия [Grabbe, 2010: 67].

Большинство учёных, как отмечает Даброва [The Hasmoneans and their State..., 2010: 106], расходятся во мнении относительно того, чем являлась форма правления Маккавеев: царственным священством (формой правления, при которой только первосвященник обладал царским статусом) или же священнической монархией (когда царь полностью или частично получает право совершать религиозные ритуалы, как было, в частности, в Месопотамии). Однако какой бы ни была форма правления, она в корне отличалась от форм правления других ближневосточных государств.

Отсылки к образу Давида встречаются во многих местах: как отмечают переводчики, авторы опираются на 1–2 книги Царств (1 Макк. 4:31 ср. 1 Цар. 5:12, 1 Цар. 4:5–6; 1 Макк. 7:47 ср. 1 Цар. 17:54; 1 Макк. 9:21 ср. 2 Цар. 1:19 и т.д.).

Помимо прочего в данной книге широко используются отсылки к другим героям Библии. Автор, описывая деяния Маккавеев, сравнивает их с персонажами ранней библейской истории, избегая при этом явных ассоциаций. В том числе, когда воспеваются деяния Иуды Маккавея, есть намёк на пророчества, в частности Ис. 11:12, Ис.

12:5, Ис. 52:12, Иез. 36:4, в 1 Макк. 14:4–15 используется Лев. 26:4; Иез. 34:27; Зах. 3:10, 8:4, 12; Мих. 4:4. Однако нигде нет прямого цитирования [Goldstein, 1988: 76–77].

1 Макковейская книга созвучна и книге «Премудрости Иисуса, сына Сирахова»: 1 Макк. 52–62 напоминает речь о праотцах в Сир. 44:1–9. Здесь Маттафия похож на Финееса: они оба «ревнуют ревностью» (ἐν τῷ ζηλωσῶσι ζῆλον). Финеес в ревности о Боге убивает Замврия, вступившего в брак с язычницей, тем самым отвратив гнев Бога от народа: «Финеес, сын Елеазара, сына Аарона священника, отвратил ярость Мою от сынов Израилевых, возревновав по Мне среди них, и Я не истребил сынов Израилевых в ревности Моей» (Чис. 25:1–18). За этот поступок Финеес получает дар вечного священства [Книги Маккавеев, 2014: 101].

Этот отрывок подчёркивает важность того, что Маккавеи — не потомки Садока, но могут возглавить общество. Авторы 1 Макковейской книги также обращаются и к книгам Судей: в 1 Макк. 9:21 Иуда назван Спасителем Израиля (σώζων τὸν Ἰσραὴλ), равно как и судья Гофониил (Суд. 3:9, 31). Ионафан оказывается судьёй, как и Иисус Навин (1 Макк. 9:73). Интересен тот факт, что при описании царской власти авторы обращались к образу судей, которые, фактически, являются предшественниками монархии. Возможно, это была попытка показать, что власть Хасмонеев выше, чем власть Давида [Berthelot, 2007: 46]. Иуда строит городскую стену вокруг Сиона (1 Макк. 3:60), Симон у Сираха отстраивает городские стены и восстанавливает Храм (1 Макк. 13:50–53).

Мы предполагаем, что такое смещение оптики служит главной цели авторов 1-ой Маккавейской книги: показать, что, несмотря на важность воплощения образов древности в Маккавеях, они имеют свой собственный, отличный от древних правителей путь.

Для этого, в частности, автором используется определённая лексика: он избегает слова «царь» («βασιλεὺς»), обращаясь к другим титулам.

Однако наиболее интересные и яркие эпитеты оценки деятельности получают

Симон: он «согласился первосвященствовать, быть военачальником и правителем иудеев и священников и быть за всех заступником» (1 Макк. 14:47); в письмах он именовался «Симон, великий первосвященник, военачальник и правитель иудеев» (Σίμωνος ἀρχιερέως μεγάλου καὶ στρατηγοῦ καὶ ἡγουμένου Ιουδαίων).

Обычно для передачи еврейского слова מֶלֶךְ (досл. «царь») Септуагинта использует два греческих слова: βασιλεύς («царь», напр. Быт. 23:6) и ἄρχων («предводитель», Быт. 17:16). Иезекииль употребляет ὁ ἀφῆγοῦμενος («предводительствующий», Иез. 40–48). Как полагает Селезнев, отказ от использования слова «царь» в греческом переводе представляет собой мировоззренческую позицию переводчиков [Селезнев, 2017: 60]. Вевюрко считает, что использование βασιλεύς и ἄρχων зависело от конкретной ситуации, в которую был поставлен автор или переводчик текста [Вевюрко, 2018: 584].

Также для обозначения властной фигуры может использоваться слово ἡγοῦμενος (букв. «ведущий», «начальник»). Предводителем («ἡγοῦμενος οἴκου κυρίου», «начальник в доме Господнем», ср. 2 Пар. 31:13.) назван священник Пасхор (Иер. 20:1), Иоддай от племени Аарона (1 Пар. 12:27). Мы предполагаем, что использование Симоном слова ἡγοῦμενος несёт двойной смысл:

- В Иер. 20:1 и 2 Пар. 31:13 используется устойчивое выражение «ἡγοῦμενος οἴκου κυρίου», «начальник в доме Господнем». Возможно, здесь авторы 1-й Маккавейской книги предполагают, что Симон является не только главным в Храме (доме Господнем), но и в Израиле.

- 1 Пар. 12:27 использует слово ἡγοῦμενος (возможно, как один из синонимов) для указания на предводителя рода священников от Аарона. Не претендуя на роль царя (βασιλεύς или ἄρχων), Симон Маккавей занимает новое положение — предводитель иудеев, совмещающий свою должность с ролью первосвященника. Титул царя (βασιλεύς) возьмет себе только Аристокл Хасмонеи, прибавив его к своему первосвященническому титулу. Возможно, к данному периоду идея о возвращении царя Давида и незаконности

власти Хасмонеев угаснет [Atkinson, 2016: 80].

Авторы 1-ой Маккавейской книги широко используют образ Давида, наделяя героев истории схожими чертами. Мы можем проследить, как трансформируется идея царственного достоинства священнической семьи: несмотря на близость к фигуре библейского царя, Маккавеи не претендуют на царство. Они — народные предводители, к которым применим термин не βασιλεύς, а ἡγοῦμενος. Их задача не получение престола или обетования роду, а праведность и ревность о чистоте Закона.

«Премудрость Иисуса, сына Сирахова»

В эпоху раннего иудаизма среди наиболее интересных нас книг рассмотрим книгу «Премудрости Иисуса, сына Сирахова». Время её написания — начало III в. до н. э., также некоторые учёные считают её автобиографической [Himmelfarb, 2007: 30; Evans, 2005: 14; Collins, 1997: 34; Murphy, 1965: 23]. Есть предположение, что сам Сирах был не только писцом, но и священником, что наложило определённый отпечаток на текст произведения [Himmelfarb, 2007: 30].

Можно выделить в данном произведении две важные для нас темы: тему монархии, в частности оценка деятельности Давида, а также тему священника, который занимает место царя.

Давид описывается как один из центральных персонажей библейской истории. Разбирая раннюю историю, автор проводит тонкую грань между священническим служением и служением царей и судей: священникам дана «власть в постановлениях судебных» (Сир. 7:21), чтобы учить и наставлять людей в Законе (и в данном случае имеет место некое смешение образа толкователя Закона с образом священника, что характерно для Сираха), а цари становятся военными лидерами. Давиду Господь «дал крепость правой руке... поразить человека, сильного в войне... Так прославил народ его..., как достойного венца славы, ибо он истребил окрестных врагов и смирил враждебных Филистимлян, — даже доныне сокрушил рог их» (Сир. 47:6–8). Линия Моисея также связана с пророчеством,

и все последующие поколения либо пророчествуют (как Самуил), либо имеют рядом с собой Пророка (как Давид и Нафан).

Помимо «венца славы» (διάδημα δόξης), Господь «вознёс рог его и даровал ему завет царственный и престол славы в Израиле» (ἀνύψωσεν εἰς αἰῶνα τὸ κέραс αὐτοῦ καὶ ἔδωκεν αὐτῷ διαθήκην βασιλέων καὶ θρόνον δόξης ἐν τῷ Ἰσραὴλ, Сир. 47:13). Автор называет четыре важных атрибута царя: вышеупомянутые рог (что в библейском контексте может быть равнозначно царскому жезлу) и венец Славы, а также завет и трон.

Как полагает Химмельфарб [Himmelfarb, 2007: 38] и Коллинз [Collins, 1997: 73], несмотря на позитивное описание Давида и несомненную тоску по правителю, Сирах придерживается мнения, что в данный исторический момент Израиль не нуждается в царе. Это видно из того, сколько глав автор Сираха посвящает тому или иному персонажу: Давиду посвящено десять стихов (Сир. 47:2–11), Соломону — десять (Сир. 4:12–23а), Илии — один (Сир. 48:1–2), в то время как Аарону семнадцать (Сир. 45:6–22), а первосвященнику Симону — двадцать четыре (50:1–24) [Garbini, 2003: 72]. Автор не упоминает о возможности восстановления царя на престоле, и вводит конкурирующую с ним фигуру первосвященника Симона. Это проистекает из убеждённости, что теократическая система власти является единственно верной, поскольку первосвященник — единственно возможный посредник между Богом и человеком.

Исходя из вышеизложенного образ первосвященника становится одним из центральных в «Премудрости Иисуса, сына Сирахова». Отвергая необходимость возвращения к царской фигуре, автор сосредотачивает своё внимание на оправдании священнического служения, наделив его всей полнотой властных признаков.

Прежде всего он описывает фигуру Аарона как Избранника:

1. Господь «постановил с ним вечный завет и дал ему священство в народе» (Сир. 45:8). Его завет отличается от завета Моисея: «ему постановлено в вечный завет и семени его на дни неба, чтобы они служили

Ему и вместе священнодействовали и благословляли народ Его именем Его» (Сир. 45:19).

2. Также в дополнение к этому завету, по просьбе Финееса, заключается ещё один завет — «завет мира, чтобы быть ему предстоятелем святых и народа своего, чтобы ему и семени его принадлежало достоинство священства навеки» (διαθήκη εἰρήνης προστатеῖν ἁγίων καὶ λαοῦ αὐτοῦ, ἵνα αὐτῷ ἡ καὶ τῷ σπέρματι αὐτοῦ ἱερωσύνης μεγαλείον εἰς τοὺς αἰῶνας, Сир. 45:29). Линия Аарона сравнивается с линией Давида: «Как по завету с Давидом, сыном Иессея из колена Иудина, царское наследие переходило от сына к сыну, так наследие священства принадлежало Аарону и семени его» (Сир. 45:30). Фактически, автор утверждает не просто равное достоинство того и другого рода: завет Аарона и Финееса был дан намного раньше и имеет большее значение, поскольку не был осквернён недостойными правителями.

3. Одевание Аарона напоминает одежду в 1 и 2 книге Еноха, когда патриарх возносится на небеса: «опоясал его поясом славы» (περίστολῃν δόξης, Сир. 45:8), «на кидаре его — золотой венец, знамение святыни, слава достоинства» (στέφανον χρυσοῦν ἐπάνω κιδάρεως, ἐκτύπωμα σφραγίδος ἁγιάσματος, καύχημα τιμῆς, Сир. 45:14).

4. Моисей помазывает Аарона: «Моисей наполнил руки его и помазал его святым елеем» (ἔχρισεν αὐτὸν ἐν ἐλαίῳ ἁγίῳ, Сир. 45:18). Таким образом Аарон становится Помазанником. Это сближает «Книгу Премудрости» с Кумранским циклом текстов, где священники также обозначены как «Помазанники».

5. Потомки Аарона — привилегированная часть Израиля, поскольку Бог «Сам удел и наследие его» (Сир. 45:27).

6. Самая важная функция потомков Аарона: помимо права служить Богу и благословлять Его Именем, они получили от Бога «заповеди и власть в постановлениях судебных, чтобы учить Иакова откровениям и наставлять Израиля в законе Его», «судить народ Его справедливо» (Сир. 45:21, 31).

Далее автор Сираха уделяет особое внимание фигуре первосвященника Симона.

Он награждается полнотой царской власти: восстановил Храм и «укрепил город против осады» (Сир. 50:4). При описании величия Симона Сирах употребляет два выражения: «Как величествен был он среди народа... Как утренняя звезда среди облаков... как солнце, сияющее над храмом Всевышнего». (Сир. 50:5–7).

В данную эпоху усиливается ожидание «звезды от Иакова и жезла от Израиля» (Чис. 24:17–18). Солнце является не только символом блистательности Симона и приближенности его образу Второго Владычества из Дан. 7. Как отмечает Вевюрко: «о нём сказано, что оно сияет “над храмом Всевышнего” (ἐπὶ τῷ ὑψίστου)». Автор использует здесь приём раздваивающегося смысла: “храмом Всевышнего” является, конечно, прежде всего небесный купол, как и “облаками славы” (букв.: νεφέλαι δόξης) — небесные облака; но, вместе с тем, под облаками разумеются клубы дыма, сквозь которые, как молния, блистают священные облачения, и равным образом “храм” — это собственно Иерусалимский Храм» [Вевюрко, 2018: 253]. Слава Господня, частый атрибут божественной манифестации, также описывается в библейской литературе сияющей подобно солнцу. Таким образом, Симон приобретает черты ожидаемого избранника и Бога (или Славы).

Для Сираха Симон обладает не только авторитетом царственного первосвященства, но и правом толковать Тору. В этом книга Сираха приближается к Дамасскому Документу и Правилу Общины, где право учительства закрепляется за сыновьями Садока. Симон является в данной главе не только священником и учителем, но и почти двойником Славы.

Таким образом, мы можем заключить, что и книга «Премудрости Иисуса, сына Сирахова» сближается с замыслом авторов 1-ой Маккавейской книги: оба документа раннего иудаизма говорят о важной роли Давида, но относят его славу к прошлому. Как и авторы 1 Макк., автор книги «Премудрости» развивает свой, отличный от Давида, тип царской власти. В обоих случаях мы можем говорить о переосмыслении функций священства в данный период.

Дамасский Документ

Документы Кумрана лояльно относятся к Давиду, в частности, другие тексты кумранской общины, такие как 11QPsa DavComp видят в библейском царе вдохновенного псалмопевца, а 4Q174 говорит о том, что Отрасль Давида станет рядом с Учителем Праведности и Толкователем Закона.

Дамасский Документ (традиционное сокращение — CD) представлен в Кумране несколькими рукописями: 4Q267, 4Q268, 4Q269, 4Q270, 4Q272, 4Q273. Самая ранняя датировка относится к периоду династии Хасмонеев, самая поздняя — к Иродианскому периоду [Baumgarten: 2].

Одновременно с этим Дамасский Документ умаляет значение фигуры Давида в израильской истории. Начальным тезисом может служить: «Сыны Садока — это избранные Израиля, величаемые по имени» (CD IV.3–4). В то время как израильтяне уклонялись от исполнения заповедей, потому что Садока всегда служили Богу.

Поскольку Израиль пал, то «не надо возводить род к Дому Иуды» (CD IV.11). Далее следует обличение Давида («Давид не читал книг Закона»), потому что Иисус Навин скрыл их, пока не пришёл Садок. Таким образом, полнота знания Закона и исполнения его отдается садокитам.

Вследствие этого пересматривается понимание «скинии Давида». С точки зрения Дамасского Документа, скиния — это книги Торы, а царь — это собрание. Подлежит пересмотру и обетование «звезды от Иакова и жезла от Израиля». В данном тексте звезда — это Толкователь Закона, жезл — фигура князя собрания.

Таким образом мы можем сказать, что Дамасский Документ не только отрицает возможность восстановления монархии Давидов, но и умаляет фигуру самого Давида.

Также интересную мысль мы находим в следующем тексте: «возвратившиеся из Израиля, выходцы из земли Иудейской, поселившиеся в земле Дамаска, которых Бог нарёк всех князьями» (CD VI.5–6). Подобное мы встречаем и в Свитке войны: «на трубах созывания начальников напишут: “князья

Божии» (1QM III. 3). Возможно, Кумранская община в раннем своём богословии имела представление о всеобщем царском достоинстве, подобном «царственному священству» апостола Петра (1 Пет. 2:9).

Как и 1 Макк., Дамасский Документ избегает разговоров о возрождении царской линии Давида, отдавая предпочтение потомкам Садока. Дамасский Документ начинается сценой уничтожения Израиля, который предал Бога. Однако Он вспомнил «Свой Завет с Первыми» (здесь авторами документа подразумеваются потомки Садока) и «оставил остаток Израилю и не предал их истреблению» (CD I.4–5). От Израиля и Аарона происходит «корень насаждения, дабы наследовать землю».

Основанием Кумранской идеологии является превосходство сыновей Садока: «Бог постановил им через пророка Иезекииля, сказав: “Жрецы, левиты и сыны Садока, которые охраняли Мою святыню, когда сыны Израиля уклонились от Меня подадут Мне тук и кровь”. Жрецы — это возвратившиеся Израиля, выходцы из земли Иудейской, а (левиты) — присоединившиеся к ним. Сыны Садока — это избранные Израиля, величаемые по имени, пребывающие (или: стоящие) в конце дней» (CD III. 21–IV.4).

Священники становятся лидерами общины: мы можем увидеть это в построении вертикальной иерархии власти. В общем собрании садятся «жрецы сперва, левиты вторыми, сыны Израиля третьими и пришелец четвёртым». В судебной области суд отдаётся «сынам Садока, жрецам, хранителям Завета и исследующим Его волю» (1QS.V.9).

Также функцией священства является свидетельство о милосердии Бога. Устав Общины (1QS. I.21–23) открывается пассажем, который представляет собой аллюзию на Втор. 27–28: священники свидетельствуют о милосердии Бога к Своему народу, пока левиты указывают на «лукавства сынов Израиля и все преступления их вины».

Можно сделать вывод, что Кумранские документы неоднозначно оценивают роль Давида. Прежде всего, здесь мы видим свидетельство позитивного понимания

как самого Давида (11QPsa), так и ожидания Мессии от Давида (4Q174). Однако главный текст общины — Дамасский Документ — радикально переосмысливает фигуру Давида, заменяя ожидание конкретного человека на существующую в это время общность потомков Садока, возглавивших Кумран.

Заключение

Представленные в данном исследовании документы показывают, сколь неоднозначным было восприятие фигуры Давида в контексте власти в период раннего иудаизма. Важность и нужность властной фигуры (царской или подобной царской) никогда не отрицались, однако выражались они авторами по-разному. Мы выделили три направления.

К первому направлению предположительно следует отнести 1 Макковейскую книгу, в которой образ Давида был воспринят лишь отчасти. Он стал отправной точкой для развития авторской идеи о том, что священники имеют свой собственный путь власти, который не является царским — они предводители народа. Условность принятия пути Давида видна в условии их власти: «доколе не восстанет пророк верный». Этим может обуславливаться и специфический выбор слов для обозначения власти: не βασιλεύς, а ἡγούμενος.

Ко второму можно отнести книгу «Премудрости Иисуса, сына Сирахова». Её автор, не отрицая важности фигуры библейского царя, обращается к фигуре первосвященника, наделяя её властными атрибутами. Он полностью игнорирует историю Давида, создавая свой собственный, уникальный паттерн царской власти, которым наделяет Аарона и Симона.

Наконец, третье направление радикально пересматривает ожидание восстановления падшей скинии Давидовой: под этой фигурой авторы Дамасского Документа понимают Кумранскую общину верных.

Результатом проведённого исследования является следующий вывод. Образ Давида представляет собой уникальный пример библейского персонажа, который вызывает очень неоднозначную и обшир-

ную полемику в тестах эпохи раннего иудаизма. Он оказывается интересен авторам этих текстов не только как идеал реального светского правителя. Важнейшие документы, в которых излагается священническая идеология, также обращаются

к образу этого библейского царя. Таким образом царь Давид становится фигурой, ключевой для описания властного дискурса в Израиле, — как прошлого, так и грядущего.

Список литературы:

- Вевюрко И.С. Септуагинта: древнегреческий текст Ветхого Завета в истории религиозной мысли. — Москва: Издательство МГУ, 2018. — 912 с.
- Селезнев М.Г. Βασιλεύς и ἄρχων [U1] в Септуагинте: греческие эквиваленты еврейского слова "царь" и отношение к царской власти в иудаизме III в. до н. э. // Шаги / Steps. — 2017. — Т. 3, № 4. — С. 47–63.
- Четыре Книги Маккавеев / под общ. ред. Н.В. Брагинской. — Иерусалим: Гешарим; Москва: Мосты культуры, 2014. — 630 с.
- Шмаина-Великанова А.И. Книга Руфи как символическая повесть. — Москва: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2010. — 254 с.
- Atkinson K. History of the Hasmonean State: Josephus and Beyond. — London: Bloomsbury Publishing, 2016. — 226 p.
- Baumgarten J.M. Introduction to Damascus Document // Discoveries in the Judaean Desert: (4Q266-273). Qumran Cave 4, XIII. The Damascus Document. Vol. 18. — Oxford: Clarendon Press, 1996. — P. 1–23.
- Berthelot K. The Biblical Conquest of the Promised Land and the Hasmonaeen Wars according to 1 and 2 Maccabees // The Books of the Maccabees: History, Theology, Ideology. — Leiden: BRILL, 2007. — P. 45–60. https://doi.org/10.1163/9789047418931_005
- Collins J.J. Messianism in the Maccabean Period // Judaism and their Messiahs at the Turn of the Christian Era. — Cambridge: Cambridge University Press, 1988. — P. 97–110. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511598159.006>
- Collins J.J. The Jewish Wisdom in Hellenistic Age. — Louisville: Westminster John Knox Press, 1997. — 228 p.
- Evans C.A. Ancient Texts for New Testament Studies: a guide to the background literature. — Massachusetts: Hendrickson Publishers, 2005. — 576 p.
- Evans C.A. Qumran's Messiah: how important is He? // Religion in the Dead Sea scrolls. — Grand Rapids, MI: Wm. B. Eerdmans Publ. Co., 2000. — P. 125–144.
- Farmer W.R. Maccabees, Zealots, and Josephus: An Inquiry into Jewish Nationalism in the Greco-Roman Period. — New York: Columbia University Press, 1956. — XIV, 239 p.
- Fernández-Marcos N. David the Adolescent: On Psalm 151 // The Old Greek Psalter: Studies in Honour of Albert Pietersma. — Sheffield: Sheffield Academic Press, 2001. — P. 205–217.
- Fitzmyer J. The Dead Sea Scrolls and Christian Origins. — Grand Rapids, MI: Wm. B. Eerdmans Publ. Co., 2000. — 308 p.
- Garbini J. Myth and History in the Bible. — Sheffield: Sheffield Academic Press, 2003. — 192 p.
- Goldstein J.A. How the Authors of 1 and 2 Maccabees Treated the "Messianic" Promises // Judaism and their Messiahs at the Turn of the Christian Era. — Cambridge: Cambridge University Press, 1988. — P. 69–96. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511598159.005>
- Grabbe L.L. An Introduction to Second Temple Judaism: History and Religion of the Jews in the Time of Nehemiah, the Maccabees, Hillel, and Jesus. — New York: Bloomsbury Academic, 2010. — 176 p.
- Himmelfarb M. Temple And Priests In The Book Of The Watchers, The Animal Apocalypse And The Apocalypse Of Weeks // The Early Enoch Literature. — Leiden: BRILL, 2007. — P. 219–235. <https://doi.org/10.1163/ej.9789004161542.i-368.72>

Kooij A. van der. *Authoritative Scriptures And Scribal Culture // Authoritative Scriptures in Ancient Judaism*. — Leiden: BRILL, 2010. — P. 55–71. https://doi.org/10.1163/9789004190740_005

Mack B.L. *Wisdom Makes a Difference: Alternatives to "Messianic" Configurations // Judaisms and their Messiahs at the Turn of the Christian Era*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1988. — P. 15–48. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511598159.003>

Murphy R.E. *Introduction to the Wisdom literature of the Old Testament*. — New York: Liturgical Press, 1965. — 163 p.

Painter J. *The quest for the Messiah: the history, literature, and theology of the Johannine community*. — Nashville: Abingdon Press, 1993. — XV, 492 p.

The Hasmoneans and their State: A Study in History, Ideology, and the Institutions / ed. Dąbrowa E. — Kraków: Jagiellonian University Press, 2010. — 212 p.

Willitts J. *Matthew's Messianic Shepherd-King: In Search of "The Lost Sheep of the House of Israel."* — Berlin, New York: De Gruyter, 2007. — 284 p. <https://doi.org/10.1515/9783110204162>

Yarbro Collins A. *Mark: A Commentary*. — Minneapolis: Fortress Press, 2007. — XLVI, 894 p.

Yarbro Collins A., Collins J.J. *King and Messiah as Son of God: Divine, Human, and Angelic Messianic Figures in Biblical and Related Literature*. — Grand Rapids, MI: Wm. B. Eerdmans Publ. Co., 2008. — 275 p.

References:

Atkinson, K. (2016) *History of the Hasmonean State: Josephus and Beyond*. London: Bloomsbury Publishing.

Baumgarten, J. M. (1996) 'Introduction to Damascus Document', in *Discoveries in the Judaean Desert: (4Q266–273). Qumran Cave 4, XIII. The Damascus Document*. Vol. 18. Oxford: Clarendon Press, pp. 1–23.

Berthelot, K. (2007) 'The Biblical Conquest of the Promised Land and the Hasmonean Wars according to 1 and 2 Maccabees', in *The Books of the Maccabees: History, Theology, Ideology*. Leiden: BRILL, pp. 45–60. https://doi.org/10.1163/9789047418931_005

Braginskaya, N. V. (ed.) (2014) *Knigi Makkaveev (Chetyre Knigi Makkaveev) [Four Maccabean Books]*. Jerusalem: Gesharim; Moscow: Mosty kul'tury. (In Russian).

Collins, J. J. (1988) 'Messianism in the Maccabean Period', in *Judaisms and their Messiahs at the Turn of the Christian Era*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 97–110. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511598159.006>

Collins, J. J. (1997) *The Jewish Wisdom in Hellenistic Age*. Louisville: Westminster John Knox Press.

Dąbrowa, E. (ed.) (2010) *The Hasmoneans and their State: A Study in History, Ideology, and the Institutions*. Kraków: Jagiellonian University Press.

Evans, C. A. (2000) 'Qumran's Messiah: how important is He?', in *Religion in the Dead Sea scrolls*. Grand Rapids, MI: Wm. B. Eerdmans Publ. Co., pp. 125–144.

Evans, C. A. (2005) *Ancient Texts for New Testament Studies: a guide to the background literature*. Massachusetts: Hendrickson Publishers.

Farmer, W. R. (1956) *Maccabees, Zealots, and Josephus: An Inquiry into Jewish Nationalism in the Greco-Roman Period*. New York: Columbia University Press.

Fernández-Marcos, N. (2001) 'David the Adolescent: On Psalm 151', in *The Old Greek Psalter: Studies in Honour of Albert Pietersma*. Sheffield: Sheffield Academic Press, pp. 205–217.

Fitzmyer, J. (2000) *The Dead Sea Scrolls and Christian Origins*. Grand Rapids, MI: Wm. B. Eerdmans Publ. Co.

Garbini, J. (2003) *Myth and History in the Bible*. Sheffield: Sheffield Academic Press.

Goldstein, J. A. (1988) 'How the Authors of 1 and 2 Maccabees Treated the "Messianic" Promises', in *Judaisms and their Messiahs at the Turn of the Christian Era*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 69–96. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511598159.005>

Grabbe, L. L. (2010) *An Introduction to Second Temple Judaism: History and Religion of the Jews in the Time of Nehemiah, the Maccabees, Hillel, and Jesus*. New York: Bloomsbury Academic.

Himmelfarb, M. (2007) 'Temple And Priests In The Book Of The Watchers, The Animal Apocalypse And The Apocalypse Of Weeks', in *The Early Enoch Literature*. Leiden: BRILL, pp. 219–235. <https://doi.org/10.1163/ej.9789004161542.i-368.72>

Kooij, A. van der (2010) 'Authoritative Scriptures And Scribal Culture', in *Authoritative Scriptures in Ancient Judaism*. Leiden: BRILL, pp. 55–71. https://doi.org/10.1163/9789004190740_005

Mack, B. L. (1988) 'Wisdom Makes a Difference: Alternatives to "Messianic" Configurations', in *Judaisms and their Messiahs at the Turn of the Christian Era*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 15–48. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511598159.003>

Murphy, R. E. (1965) *Introduction to the Wisdom literature of the Old Testament*. New York: Liturgical Press.

Painter, J. (1993) *The quest for the Messiah: the history, literature, and theology of the Johannine community*. Nashville: Abingdon Press.

Seleznnev, M. G. (2017) 'Βασιλεύς и ἄρχων в Septuaginte: grecheSkie ekvivalenty evreiSkogo Slova "tSar" i otnoShenie k tSarSkoj vlaSti v iudaizMe iii v. do n. e. [Βασιλεύς and ἄρχων in the Septuagint: greek tranSLationS of the hebrew word "king" and the attitude towardS kingS in', *Shagi / Steps*, 3(4), pp. 47–63. (In Russian).

Shmaina-Velikanova, A. (2010) *Kniga Rufe kak simvolicheskaja povest' [Book of Ruth as symbolic novel]*. Moscow: In-t filosofii, teologii i istorii sv. Fomy Publ. (In Russian).

Vevurko, I. S. (2018) *Septuaginta: drevnegrecheskii tekst Vetkhogo Zaveta v istorii religioznoi mysli [Septuaginta: Herbraic Text of the Old Testament in the History of Religious Thought]*. Moscow: MSU Publ. (In Russian).

Willitts, J. (2007) *Matthew's Messianic Shepherd-King: In Search of 'The Lost Sheep of the House of Israel'*. Berlin, New York: De Gruyter. <https://doi.org/10.1515/9783110204162>

Yarbro Collins, A. (2007) *Mark: A Commentary*. Minneapolis: Fortress Press.

Yarbro Collins, A. and Collins, J. J. (2008) *King and Messiah as Son of God: Divine, Human, and Angelic Messianic Figures in Biblical and Related Literature*. Grand Rapids, MI: Wm. B. Eerdmans Publ. Co.

Информация об авторе

Александра Юрьевна Сгоннова — аспирант кафедры философии и религиоведения Богословского факультета, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 115184, г. Москва, ул.Новокузнецкая, д.23, стр. 5а (Россия)

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Aleksandra Yu. Sgonnova — PhD student, Department of Philosophy (Christian philosophy and Russian philosophy of religion), Faculty of Theology, St. Tikhons Orthodox University, 23B, Novokuznetskaya street, Moscow, Russia, 115184 (Russia)

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 30.10.2022; одобрена после рецензирования 15.11.2022; принята к публикации 07.12.2022.

The article was submitted 30.10.2022; approved after reviewing 15.11.2022; accepted for publication 07.12.2022.

СОЗДАНИЕ КОРПУСОВ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА КАК ОДНА ИЗ ПРИОРИТЕТНЫХ ЗАДАЧ КОРОЛЕВСКОЙ АКАДЕМИИ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Илона Игоревна Горелая¹, Юлия Рашитовна Зиганшина²

^{1,2} МГИМО МИД России, Москва, Россия

¹ goilona@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3903-1106>

² fishjul@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9006-2963>

Аннотация. Создание корпусов испанского языка становится одной из приоритетных задач Королевской академии испанского языка (RAE) в XXI в. Работа над составлением корпусов испанского языка является ответом на вызовы современной эпохи глобализации и основывается на новых компьютерных технологиях. Корпусы в лингвистике служат для изучения языка и представляют собой инструмент для обобщения данных о языке, имеющих разносторонний характер, начиная с частотности использования словоформ и заканчивая обучением искусственного интеллекта. Цель данной статьи — показать, как Королевская академия испанского языка (RAE), используя новые подходы в области корпусной лингвистики, расширяет области своей традиционной деятельности, расширяя испанский язык в цифровой сфере человеческой деятельности. Новизна данного исследования состоит в том, что все основные корпусы испанского языка, созданные Королевской академией испанского языка и Ассоциацией академий испанского языка, анализируются с точки зрения культурного вектора развития испаноговорящей цивилизации. Авторами определяется важность создания корпусов как способа развития данной языковой культуры в будущем, что подразумевает необходимость использования корпусов для обучения искусственного интеллекта. Поднимая тему важности цифровизации языка для общения машин с человеком, авторы считают составление корпусов необходимой основой для запуска этого

процесса. В статье, с одной стороны, анализируются существующие на данный момент академические корпуса, с другой, описываются возможности применения корпусов для языковых исследований и для обучения искусственного интеллекта, и в итоге обобщается значимость корпусов в цифровую эпоху.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, корпус испанского языка, конкорданс, культурная идентичность, Королевская академия испанского языка, Международная ассоциация академий испанского языка, паниспанизм, обучение искусственного интеллекта

Для цитирования: Горелая И.И., Зиганшина Ю.Р. Создание корпусов испанского языка как одна из приоритетных задач RAE в эпоху цифровизации // Концепт: философия, религия, культура. — 2022. — Т. 6, № 4. — С. 67–79. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-4-24-67-79>

Research article

CREATION OF SPANISH LANGUAGE CORPORA AS ONE OF THE PRIORITIES OF RAE IN THE ERA OF DIGITALIZATION

Ilona I. Gorelaya¹, Yuliya R. Ziganshina²

^{1,2} MGIMO University, Moscow, Russia

¹ goilona@yandex.ru

² fishjul@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3903-1106>

<https://orcid.org/0000-0002-9006-2963>

Abstract. The creation of Spanish language corpora is becoming one of the priorities of the Royal Academy of the Spanish Language (RAE) in the 21st century. The work on the compilation of Spanish language corpora is a response to the challenges of the modern era of globalization and is based on new computer technologies. Corpora in linguistics are used for language research and are a tool for generalizing data about a language that have a versatile nature, starting with the frequency of use of word forms and ending with the training of artificial intelligence. The purpose of this article is to show how the Royal Academy of the Spanish Language (RAE), using new approaches in the field of corpus linguistics, expands the areas of its traditional activities, spreading the Spanish language in the digital sphere of human activity. The novelty of this study is that all the main Spanish language corpora created by the Royal Academy of the Spanish Language and the Association of Academies of the Spanish Language are analyzed from the point of view of the cultural vector of development of the Spanish-speaking civilization. The authors determine the importance of creating corpora as a way of developing this language culture in the future, which implies the need to use corpora for teaching artificial intelligence. Raising the topic of the importance of the digitalization of language for communication between machines and humans, the authors consider the compilation of corpora to be a necessary basis for launching this process. The article, on the one hand, analyzes the currently existing academic corpora, on the other, describes the possibilities of using corpora for language research and for teaching artificial intelligence, and as a result summarizes the importance of corpora in the digital age.

Keywords: corpus linguistics, corpus of the Spanish language, concordance, cultural identity, Royal Spanish Academy, Association of Academies of the Spanish Language, panhispanism, artificial intelligence training

For citation: Gorelaya, I. I., Ziganshina, Y. R. (2022) 'Creation of Spanish Language Corpora as One of the Priorities of RAE in the Era of Digitalization', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 6(4), pp. 67–79. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-4-24-67-79>

Создание корпусов испанского языка становится в XXI в. одной из приоритетных задач Королевской академии испанского языка (RAE)¹. Отметим, что работа над составлением корпусов испанского языка во многом является ответом на вызовы современной эпохи глобализации, ведь она основывается на новых компьютерных технологиях. При этом корпусы в лингвистике, как известно, служат для изучения языка и одновременно представляют собой оригинальный инструмент сбора и обобщения данных о языке; современная корпусная лингвистика охватывает самые разные сферы языковой деятельности, начиная с частотности использования словоформ и заканчивая обучением искусственного интеллекта.

Напомним: корпусная лингвистика берёт своё начало в первых конкордансах², которые были составлены в Европе в период с XIII в. по 1960-е гг., и основывается на применении текстов, объединённых в корпусы согласно заранее установленным критериям: «В доэлектронную эпоху (т.е. до 60-х годов XX века) под понятием *корпус* в его лингвистическом значении признавалось отдельное религиозное или литературное произведение или собрание сочинений одного автора, к которому вручную составлялся конкорданс, формируемый преимущественно для теологических, литературоведческих и лексикографических исследований» [Солнышкина, Гатиятулина 2020: 132]. Современные лингвистические корпусы хранятся в электронном

виде, а для проведения исследовательской работы с корпусом текстов специалистам необходима соответствующая техническая база: сервер для хранения данных, поисковая система, система маркировки текстов, программа, с помощью которой можно посмотреть результаты проводимых исследований и т.д. В современной корпусной лингвистике есть множество определений понятия *корпус*, однако, по мнению ведущего отечественного специалиста в этой области В.П. Захарова, существует четыре основных характеристики любого языкового корпуса, как называет их автор *ипостаси*: «1) электронный; 2) репрезентативный; 3) размеченный; 4) прагматически ориентированный (создаваемый для определённых целей)» [Захаров 2016: 152].

Эти четыре принципа построения языковых корпусов легли в основу определения корпусной лингвистики и корпусов текстов: «Корпусная лингвистика — раздел компьютерной лингвистики, занимающийся разработкой общих принципов построения и использования лингвистических корпусов (корпусов текстов) с использованием компьютерных технологий. Под названием *лингвистический*, или *языковой*, *корпус текстов* понимается большой, представленный в электронном виде, унифицированный, структурированный, размеченный, филологически компетентный массив языковых данных, предназначенный для решения конкретных лингвистических задач. В понятие *корпус текстов* входит также система управления

¹ RAE — La Real Academia Española (Королевская академия испанского языка) была основана в 1713 г. для работы над словарём и грамматикой испанского языка. RAE: сайт. — URL: <https://www.rae.es/la-institucion/historia>

² Конкорданс представлял собой своего рода словарь используемых слов в отдельно взятом произведении, например, в Библии. Указывалось значение слова и место, где оно применяется. Отечественный лингвист В.П. Захаров даёт следующее определение понятию «конкорданс»: «список всех употреблений данного слова в контексте со ссылками на источник» (Захаров В.П. Корпусная лингвистика: Учебно-метод. пособие. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 2005. — С. 48.).

текстовыми и лингвистическими данными, которую в последнее время чаще всего называют *корпусным менеджером* (или *корпус-менеджером*) (англ. *corpus manager*). Это специализированная поисковая система, включающая программные средства для поиска данных в корпусе, получения статистической информации и предоставления результатов пользователю в удобной форме»³.

Как видно из определения, в корпусной лингвистике используются такие термины, как *языковой корпус*, *лингвистический корпус* и *корпус текстов*. По мнению М.С. Мальцевой, существует множество вариантов определений для этих понятий, однако в ходе своего исследования она приходит к выводу, что *языковой корпус* и *лингвистический корпус* являются синонимами, а *корпус текстов*, «как вид корпуса данных, близкого по определению к понятию *лингвистический* или *языковой корпус*, является частной формой проявления *лингвистического корпуса*». [Мальцева 2011: 257]. В настоящей статье вышеуказанные термины будут также использоваться как синонимичные понятия.

Следующим моментом, важным для изучения современных языковых корпусов, представляется их типология. Авторы статьи придерживаются принятой на сегодняшний момент в отечественной лингвистике типологии лингвистических корпусов: устные, письменные или смешанные; одноязычные (охватывают весь язык или создаются для определённой цели), двуязычные, многоязычные; корпусы с общим доступом и коммерческие; синхронные или диахронные; размеченные или не размеченные; свободно доступные, частично доступные или коммерческие [Козлова 2013: 86].

В то же время в современной испанской лингвистике приняты следующие подходы к корпусной лингвистике и корпусам текстов: 1) корпусная лингвистика не является

самостоятельной дисциплиной, а служит методологическим подходом, который можно адаптировать к различным дисциплинам; она отлична от методологий, основанных в основном на интроспекции (самоанализе языка); 2) корпусы текстов служат для иллюстрации реального узуса языка в его естественной форме существования. Заметим, что в испанской лингвистике термин «лингвистический корпус» имеет два различных значения в зависимости от области применения корпусов. Первое значение — собрание языкового материала с целью проведения конкретного исследования либо с целью обучения языку (в основном относится к прикладной лингвистике). Второе значение — репрезентативная коллекция текстов, собранная для того, чтобы проиллюстрировать реальное использование языка (относится к корпусной лингвистике)⁴. Приведённые типологии языковых корпусов дополняют друг друга, являются общепринятыми и могут быть использованы для характеристики корпусов, составленных на любом языке, в частности, на испанском. Корпусы испанского языка, в создании которых принимает участие Королевская академия испанского языка, могут быть классифицированы в соответствии с общепринятой типологией, а также с учётом типологии самой академии. В этом случае, как уже было сказано, классификация получается более расширенной. Например, особо выделяется цель создания корпуса и географическая принадлежность текстов. По внутренней систематизации академии корпусы классифицируются с точки зрения географической принадлежности текстов: географически маркированные и географически не маркированные. Для некоторых корпусов испанского языка, составленных Королевской академией, применяется определение «*de referencia*» (референсный), что означает «эталонный», «образцовый» «всеохватывающий». Королевская академия испан-

³ Захаров, 2005, с. 48.

⁴ Centro virtual Cervantes. Diccionario de términos clave de ELE. — URL: https://cvc.cervantes.es/ensenanza/biblioteca_ele/diccio_ele/diccionario/linguisticacorporus.htm

ского языка в принципе настаивает на том, что лингвистические корпусы испанского языка, которые состояются с её участием, являются нормативными, то есть «референсными».

Отправной точкой развития современных подходов корпусной лингвистики принято считать появление в 1963 г. так называемого *Брауновского корпуса* (*Brown Corpus*), авторами которого являются сотрудники американского университета Брауна У. Френсис (W. Francis) и Г. Кучера (H. Kucera). Именно в этот момент появляются первые вычислительные машины, способные хранить и быстро обрабатывать огромное количество текстов, слов, словоформ и т.д. В то же время, во второй половине XX в. в западной научной среде доминировал рациональный (хомскианский) подход, сторонники которого во главе с американским лингвистом Ноамом Хомским⁵ считали, что носителю языка быстрее самому придумать пример, иллюстрирующий какое-либо грамматическое явление, чем искать такой пример по многим миллионам случайных текстов [Майорова 2017: 44]. Последовательницей Хомского в Испании (и следовательно, противницей корпусной лингвистики) можно считать Марию Молинер⁶.

Позиция Королевской академии испанского языка по вопросу методики поиска примеров языковых явлений оказалась отличной от хомскианской, поскольку с момента основания академии составители словарей опирались на примеры авторитетных авторов⁷. Преимущества такого подхода представлялись очевидными — примеры были достоверными и не вызы-

вали сомнений. В то же время имелись и недостатки, вызывавшие критику: встречалась устаревшая, вышедшая из употребления лексика, и таким образом в словарь попадали архаизмы, а новые «живые» слова игнорировались. Учитывая ошибки прошлого, Королевская академия испанского языка при составлении лингвистических корпусов применяет принцип «живого языка», узуса, стремится отразить реальное состояние и фактическое использование лексем в письменной и устной речи, в разных видах дискурса и литературных жанрах на определенный период времени.

Накопленный опыт позволил академии воспринять идеи корпусной лингвистики: в 1995 г. RAE приняла решение изменить систему сбора материалов для составления грамматик и словарей, используя с этой целью лингвистические корпусы⁸ [Crónica de la lengua española, 2020: 220]. Первым был создан *Corpus de Referencia del español Actual* (CREA). Он содержал письменные и устные тексты с 1975 по 1999 гг. (см. таблицу). Работа с этим корпусом дала впечатляющие результаты, и вскоре был создан дополняющий его корпус *el Corpus Diacrónico del español* (CORDE), который содержал исключительно письменные тексты с момента появления первых письменных документов до 1974 г. Проект по составлению этих корпусов подразумевал, что CREA будет автоматически включать в себя только тексты, появившиеся за последние 25 лет, то есть с годами «устаревшие» тексты будут переноситься в CORDE.

В Хронике⁹ RAE 2020 г. указано, что в понимании академии корпус это — «собрание текстов в электронном формате, по-

⁵ Noam Chomsky (1928) — американский лингвист, автор теории генеративной лингвистики, направления лингвистики, в рамках которого изучаются правила порождения предложений в языке и строятся модели языка. Из моделей для отдельных языков делаются выводы об устройстве языка как такового. [Rojo, 2008].

⁶ María Moliner (1900–1981) — известный испанский лексикограф, создательница «Diccionario de uso del español» (1967). Все примеры словоупотреблений в словаре придуманы автором-носителем языка. (Moliner M. Diccionario de uso del español. Tercera edición. 2 vols. — Madrid: Editorial Gredos S.AU, 2007. — 3351 p.).

⁷ Первой работой Королевской академии испанского языка был *Diccionario de autoridades* (Словарь авторитетов), опубликованный в 1726 г. и в котором все примеры словоупотребления были взяты из трудов лучших испанских писателей Золотого века.

⁸ Книга в электронном формате в приложении tagus, для ссылок используется вариант разбивки на 983 страницы.

⁹ Хроника (Crónica) — ежегодный сборник статей Королевской Академии испанского языка и ассоциации академий, посвященный современному состоянию испанского языка и отчётам о работе академий в разных проектах. Выпускается с 2020 г.

добранное и составленное таким образом, чтобы можно было осуществлять научный анализ и находить в текстах необходимую информацию для проведения лексических и грамматических исследований.

Тексты, используемые в корпусе, должны быть естественного происхождения, иными словами, это могут быть романы, театральные пьесы, эссе, научные работы, новости из газет, репортажи, телевизионные новостные выпуски, лекции или разговор между друзьями. То есть эти тексты возникли в реальной ситуации, служат для коммуникации и не были специально написаны для того, чтобы проиллюстрировать некий лингвистический феномен или элемент, как это часто происходит с теми примерами, что встречаются в грамматиках или словарях. Кроме того необходимо, чтобы корпус был репрезентативным и сбалансированным. Иначе говоря, корпус должен содержать достаточное количество текстов, составленных на том языке или языковом варианте, который является предметом изысканий. Например, для исследований современного состояния испанского языка необходимо использовать корпус, состоящий из текстов, представляющих все испаноязычные страны»¹⁰ (*здесь и далее переводы наши — И.Г. и Ю.З.*).

Корпусы текстов широко применяются в настоящий момент, в том числе для составления словарей и грамматик, так как тексты, входящие в корпус, иллюстрируют узус слов в определённый исторический период, в том числе и на сегодняшний

день. Корпусы используются для фиксирования изменений, происходящих в языке — например, появление новых терминов, неологизмов и слов, заканчивающихся на *-mente*, в корпусе отмечается раньше, чем происходит закрепление этих слов в словарях. [*Crónica de la lengua española*, 2020: 484].

Языковые корпуса испанского языка, которые создаются при участии RAE, имеют следующие общие характеристики: 1) одноязычные (некоторые охватывают весь язык, другие же создаются с определёнными целями); 2) маркированные; 3) общедоступные (за некоторым исключением).

Вопросы репрезентативности являются ключевыми при работе над языковыми корпусами. Если корпус создается для изучения современного состояния испанского языка, соответственно требуется включить в него современные тексты, составленные на национальных вариантах испанского языка всех испаноговорящих стран, при этом должна быть возможность делать выборку либо по текстам той или иной страны, либо нескольких стран.

Очередной важный шаг в области создания языковых корпусов был сделан в 2007 г. На конгрессе ассоциации академий испанского языка (ASALE)¹¹, состоявшемся в городе Медельине (Колумбия), её члены поручили Королевской академии испанского языка создать корпус современного испанского языка *Corpus del Español del siglo XXI* (CORPES XXI)¹²; также было принято ре-

¹⁰ «El conjunto de textos en formato electrónico que ha sido diseñado y construido con el fin de que sea posible analizarlos científicamente y extraer de ellos la información necesaria para realizar estudios léxicos o gramaticales. Los textos que componen el corpus deben haber sido producidos en situaciones naturales. Es decir, esos textos fueron originariamente una novela, una obra de teatro, un ensayo, un texto de divulgación científica, una noticia de periódico, un reportaje, un noticiero televisivo, una clase o una conversación entre amigos. Por tanto, han sido generados con la intención real de comunicar algo, no construidos para ilustrar un determinado fenómeno o elemento lingüístico, como sucede con demasiada frecuencia con los ejemplos que figuran en las gramáticas o los diccionarios. En segundo término, el conjunto del corpus debe ser representativo y estar equilibrado. Dicho de otro modo, debe contener un número suficiente de textos que correspondan a la lengua o a la variedad lingüística cuyo estudio pretende facilitar. Por ejemplo, para que un corpus sea de utilidad en el estudio del español actual parece claro que tiene que estar compuesto por textos de todos los países del ámbito hispánico» [*Crónica de la lengua española*, 2020: 216].

¹¹ Asociación de Academias de la Lengua Española (ASALE) была создана в 1951 году для того, чтобы обеспечить целостность и единство испанского языка. ASALE. — URL: <https://www.asale.org>. Более подробно о проектах ASALE см. Раевская М.М. Испанский язык в современном мире: Испанский язык в междисциплинарной парадигме XXI века: социолингвистическое, политическое, экономическое, юридическое, дидактическое, библиографическое измерение. — Москва: Ленанд, 2021. — С. 270–274.

¹² RAE. — URL: <https://www.rae.es/banco-de-datos/corpes-xxi>

шение считать его совместным проектом, потому что к процессу создания корпусов привлекаются все академии испанского языка. Этот факт сотрудничества академий испанского языка разных стран является иллюстрацией изменений, произошедших в политике RAE в 2000 гг., когда системный характер начинает приобретать следование идеям *паниспанизма*. При этом происходит фактическое признание равенства всех национальных вариантов испанского языка; а соотношение текстов, составленных на национальных вариантах испанского языка, и включённых в языковые корпусы, демонстрирует явный перевес текстов не пиренейского происхождения.

Согласно Хронике испанского языка 2021 г. в настоящий момент существует восемь корпусов испанского языка, созданных или создаваемых академиями испанского языка [Crónica de la lengua española, 2021: 577–580], которые представлены в виде таблицы в приложении: см. таблицу.

Помимо международной ассоциации академий и Королевской академии испанского языка существует множество других организаций, занимающихся составлением корпусов испанского языка. Несмотря на масштабность проектов академий, на сегодняшний день самым большим из всех существующих корпусов, является **Corpus del Español**, созданный Марком Дэвисом¹³ в университете Иллинойса (США) в 2016 г. Этот корпус содержит нескольких десятков миллиардов слов из двадцати одной испаноговорящей страны. Среди других корпусов, составленных другими организациями, следует отметить три крупных корпуса:

- **Sketch Engine** — многоязычный корпус¹⁴.
- **Corpus de la web COW** — корпус создан Свободным Университетом Берлина¹⁵.
- **Corpus del español actual** — CEA¹⁶.

Данные, полученные при помощи корпусов, используются не только в различных областях традиционной теоретической и прикладной лингвистики, но и в компьютерной (математической) лингвистике, занимающейся моделированием интеллектуальных процессов человека при создании систем искусственного интеллекта, а следовательно эти данные могут быть использованы для обучения искусственного интеллекта.

Напомним: языковые корпусы используются для составления баз данных для программ машинного перевода и для обучения естественному языку искусственного интеллекта. Языковой материал для составления алгоритмов распознавания речи и обучения искусственного интеллекта ведению «диалога» с человеком-пользователем может быть взят из лингвистических корпусов. Согласно мнению З.Б. Долгих, именно «компьютерные лингвисты пытаются выявить и использовать статистические и лингвистические закономерности текстов для построения компьютерных моделей языка» [Долгих 2018: 25]. Чтобы машина и человек могли понимать друг друга, им нужен общий язык, а для этого необходимо создать технические устройства, способные к обучению, логическим выводам и рациональному поведению. И, самое главное, — к ведению диалога с человеком. С.А. Шумский, Директор научно-координационного совета Центра науки и технологий искусственного интеллекта МФТИ, президент Российской ассоциации Нейроинформатики, описывает ситуацию следующим образом: «Искусственный интеллект это, по сути, наделение компьютеров человеческими способностями, из которых владение языком — едва ли не важнейшая. Все знания человечества записываются и передаются на естественных языках. Поэтому не удивительно, что способность машин понимать чело-

¹³ Davies M. Corpus del español. — 2016. — URL: <https://www.corpusdelespanol.org/files/corpus-del-espanol.pdf>

¹⁴ Sketchengine. — URL: <https://www.sketchengine.eu/#blue>

¹⁵ Corpora from the Web. — URL: <https://www.fu-berlin.de/sites/digitale-lehre/ressourcen/phillegeist/Germanistik/corpora-web/index.html>

¹⁶ Corpus del Español Actual: powered by CQPweb. — URL: <http://cea.spanishfn.org/cea/>

веческий язык и общаться с людьми “почеловечески” всегда была в фокусе исследований по искусственному интеллекту»¹⁷.

Поскольку на сегодняшний день в науке нет единства по поводу перспектив так называемого «сильного» искусственного интеллекта, не представляется возможным достоверно судить о том, насколько искусственный интеллект в принципе способен воспринимать лексическое значение слов. В то же время существует консенсус по поводу того, что искусственный разум в его «слабой» версии «лишь» использует алгоритмы, подставляя слова в зависимости от того, что заложено в программу. Иными словами, принято считать: машина «не понимает» лексического значения слов, не понимает смысла сказанного. В то же время работа над обучением «сильного» ИИ с тем, чтобы появилась возможность полноценного диалога между человеком и искусственным разумом, идёт в настоящее время очень активно. Свидетельством тому служат научные разработки, направленные на преодоление конкретных трудностей «перевода», связанных с особенностями обработки естественного языка, его семантическим и стилистическим аспектами, передачей эмоциональной окрашенности речи и т.д.¹⁸

Идея энтузиастов в области изучения этой проблемы, к которым можно отнести и представителей RAE, состоит в том, что примеры использования слов и словоформ в человеческой речи, взятые из языкового корпуса, могут помочь искусственному интеллекту «научиться» говорить. В частности, одной из важных функций корпуса, применяемой для общения машины с человеком, является возможность быстрого

построения множества N-грамм, то есть цепочек из двух и более элементов, по модели слово X-искомое слово*-слово Y [Lingüística de corpus en español, 2022: 19]. Таким образом, машина может предугадать речь, заполнить пробелы в речи или сконструировать высказывание и проверить его правильность. В разных корпусах эта функция реализована по-разному.

Вопрос, на каком языке будет говорить искусственный интеллект, на сегодняшний день остаётся как известно открытым. Изначально шансы на победу в этой борьбе выше у английского языка. Однако на испанском языке, по утверждению академиков RAE, в настоящее время говорит больше машин, чем людей: «700 миллионов машин каждый день общаются с 580 миллионами людей» [Crónica de la lengua española, 2020: 480]. Также представители Королевской академии испанского языка прямо говорят о необходимости преемственности испанских культурных традиций, этики и морали в процессе обучения искусственного интеллекта; о стремлении закрепить использование «правильного», нормированного, испанского языка для развития цифровых технологий. Хорошо осознавая тот факт, что английский язык широко распространён в компьютерной сфере, Королевская академия испанского языка тем не менее запускает самостоятельный проект LEIA¹⁹, который находится на стыке корпусной лингвистики и новых цифровых технологий. Его цель — «...**обеспечивать правильное использование испанского языка машинами**, а с другой стороны, воспользоваться **искусственным интеллектом**, чтобы создавать инструменты, которые будут способствовать пра-

¹⁷ Шумский С.А. Машинная обработка естественного языка // Альманах «Искусственный интеллект». — 2019 — сентябрь. — С. 10-12. — URL: <https://singapore-academy.org/libcdo/100.pdf>

¹⁸ Согласно мнению И. Пионтовской, «учёные достигли большого прогресса в области генерации текстов, машинного перевода и извлечению информации, даже выраженной неявно. Однако до “разговорного искусственного интеллекта” ещё далеко. Текущие алгоритмы пасуют, когда дело доходит до логических связей, применения общих знаний о мире и человеческой эмпатии — понимания текущего поведения собеседника» (Пионтовская И. Обработка естественного языка, поиск и извлечение информации из текстов // Альманах «Искусственный интеллект». — 2019 — сентябрь. — С. 23. — URL: <https://singapore-academy.org/libcdo/100.pdf>)

¹⁹ LEIA — Lengua Española e Inteligencia Artificial. (Испанский язык и искусственный интеллект). RAE. — URL: <https://www.rae.es/leia-lengua-espanola-e-inteligencia-artificial>

вильному использованию испанского языка людьми»²⁰.

Интересно, что партнёрами данного проекта становятся западные гиганты компьютерных и коммуникационных технологий: *Telefónica, Google, Amazon, Microsoft* и др., а также фонд *Fundación Endesa*. Королевская академия испанского языка подписала с вышеуказанными организациями соглашения о совместной разработке и создании голосовых помощников, редакторов текстов, поисковиков, мессенджеров, социальных сетей и любых других ресурсов с тем, чтобы услуги и сервисы этих компаний были доступны пользователям на грамотном испанском языке. На официальном сайте RAE приводятся слова выступления Директора проекта LEIA и по совместительству председателя ASALE Сантьяго Муньоса Мачадо: «Мы переживаем такой же переломный момент, как пережили наши предки в XVIII в. (с людьми), и мы должны сделать то, что сделали они тогда: создать нормы для языка машин и искусственного интеллекта. Язык искусственного интеллекта имеет тенденцию к диверсификации... Искусственный интеллект в основном говорит на английском и нам следует озаботиться тем, чтобы испанский язык постепенно занял заметное положение не только в мире искусственного интеллекта, но и в мире социальных сетей»²¹. Задача научить искусственный интеллект говорить на правильном испанском языке была озвучена в эпическом видеоролике²², где сказано, что искусственный интеллект может стать «хранителем величия испанского языка» на новом витке истории.

Взаимодействию испанского языка и

искусственного интеллекта был также посвящён ряд мероприятий, проведённых университетом им. Менендеса Пелайо (UIMP) в июле 2022 г. Испанские лингвисты и специалисты в области искусственного интеллекта обсудили в ходе этого форума вопросы, представляющие интерес для всех его участников. И это только один из шагов, предпринимаемых Королевской академией испанского языка для продвижения испанской культуры через язык и закрепление его в будущем в качестве языка общения искусственного интеллекта с человеком.

Подтверждением той значимости, которую придаёт испанскому языку руководство Испании на государственном уровне, заботясь о его распространении в мире и закреплении в цифровой среде, служат слова государственного секретаря по вопросам Цифровизации и Искусственного Интеллекта Карме Артигас²³, который обратил внимание на следующее. Во-первых, испанский язык уже достаточно широко распространён в мире, где он помимо прочего имеет огромное экономическое значение — на нём говорят 600 миллионов человек. Во-вторых, очень важно, чтобы развитие искусственного интеллекта имело в качестве отправной точки Испанию и закрепляло «этику, наши (испанские) принципы и ценности». Карме Артигас настаивает на том, что испанцы хотят принимать участие в происходящих изменениях, а не быть пассивными зрителями.

Предпринятое нами исследование показало, что Королевская академия испанского языка целенаправленно проводит политику усиления влияния испанского

²⁰ «...velar por el buen uso de la lengua española en las máquinas y, por el otro, aprovechar la **inteligencia artificial** para crear herramientas que fomenten el **uso correcto del español en los seres humanos**» // RAE. — URL: <https://www.rae.es/noticia/la-rae-presenta-el-proyecto-lengua-espanola-e-inteligencia-artificial-leia-en-el-xvi>

²¹ «estamos en un momento crucial en el que tenemos que hacer algo que hicieron nuestros antepasados del siglo XVIII (con los humanos): normativizar la lengua de las máquinas y de la inteligencia artificial (IA). Su lengua tiende a diversificarse y hay que tomar medidas. La IA habla inglés, fundamentalmente, y tenemos que procurar que, poco a poco, el español coja una posición eminente en el mundo de la IA, pero también en el mundo general de las redes» // ASALE. — URL: <https://www.asale.org/noticia/la-rae-presenta-el-proyecto-lengua-espanola-e-inteligencia-artificial-leia-en-el-xvi-0>

²² El director de la RAE inaugura las jornadas sobre lengua española e inteligencia artificial en la UIMP // RAE. — 2022. — 6 jun. — URL: <https://www.rae.es/noticia/el-director-de-la-rae-inaugura-las-jornadas-sobre-lengua-espanola-e-inteligencia-artificial>

²³ Ibid.

языка и распространения испаноязычной культуры в мире. Для реализации этой амбициозной задачи RAE, декларируя преемственность научных традиций, отказывается от претензий на исключительную правильность пиренейского варианта испанского языка: а именно, при составлении корпусов опирается академия опирается на идею равноправия всех национальных вариантов испанского языка (в том числе, их равноправия в цифровом пространстве).

При этом начиная с 2000-е гг. академия демонстрирует стремление не только закрепить сложившиеся нормы испанского языка, но и зафиксировать его фактический узус, для чего включает в языковые корпусы новые тенденции (например, в словообразовании). Важно, что это делается именно путём обращения к приёмам корпусной лингвистики. Таким образом корпусная лингвистика, являясь инструментом изучения языка, становится в деятельности академии частью процесса объединения достижений лингвистики и цифровых технологий, что происходит за счёт 1) составления «референсных» языковых корпусов и 2) создания системы обучения искусственного интеллекта на испан-

ском языке. В последнем случае речь идёт о том, чтобы люди, пользующиеся компьютерными технологиями и работающие над развитием искусственного интеллекта, использовали испанский язык *правильно*. С этой целью продвигается проект LEIA, реализация которого должна обеспечить расширение влияния испанского языка в мире, попутно решая задачу популяризации испанской культуры в ходе цифровизации. Несмотря на то, что у испанского языка в сфере новейших цифровых технологий серьёзным соперником является английский язык, испанский при успешной и последовательной работе академий испанского языка имеет хорошие шансы занять достойную нишу в этой области, сохранив и даже усилив своё влияние и значимость в цифровую эпоху.

Таким образом, исходя из культуроцентричного постулата, согласно которому при исчезновении языка исчезает и культура народа, говорящего на этом языке, академия реализует проект по созданию корпусов испанского языка для укрепления его позиций в будущем.

Корпусы, созданные при содействии RAE и ASALE

	КОРПУС	ОПИСАНИЕ	РЕПРЕЗЕНТАТИВНОСТЬ	СООТНОШЕНИЕ ТЕКСТОВ ПО ГЕОГРАФИЧЕСКОМУ ПРИНЦИПУ: Пиренейский вариант/национальные варианты испанского языка	РАЗМЕР КОРПУСА (кол-во лексем)
1	CORPES XXI - <i>Corpus del Español del siglo XXI</i> Корпус испанского языка XXI века	Общедоступный, смешанный, синхронно-диахронический, референсный, географически маркированный. Цель создания: получение общей и целостной картины испанского языка на определенный момент времени - XXI век.	Широкий охват текстов: научные публикации, публицистика, художественная литература, театральные пьесы, сценарии к фильмам, новости из прессы, эссе, записи новостных радио- и телепередач, записи бесед, выступлений и т.д. В текстах корпуса зафиксирован реальный узус. Соотношение текстов: 90% письменные, 10% устные. Источники письменных текстов: 40% книги, 40% периодические издания, 7,5% интернет, 2,5% другое.	30/70	350 млн слов Версия beta 0.94 (06.07.2021) (Ежегодно корпус прирастает 25 миллионами форм, соответствующих одному году XXI столетия. Работа по пополнению корпуса продолжается). (https://www.rae.es/banco-de-datos/corpes-xxi)
2	CORDE - <i>Corpus Diacrónico del Español</i> Диахронический корпус испанского языка	Общедоступный, письменный, диахронический, географически маркированный. Цель создания: сохранение ценных исторических данных, с целью проведения исследований в области изменения значения слов.	Состоит исключительно из письменных текстов, охватывающих период с момента появления первых испанских текстов и до 1974 г. Тексты самой широкой тематики, есть возможность выбрать между поэзией и прозой. (тексты могут совпадать с текстами CREA)	74/25 (1% еврейско-испанский).	250 млн слов https://www.rae.es/banco-de-datos/corde

	КОРПУС	ОПИСАНИЕ	РЕПРЕЗЕНТАТИВНОСТЬ	СООТНОШЕНИЕ ТЕКСТОВ ПО ГЕОГРА- ФИЧЕСКОМУ ПРИН- ЦИПУ: Пиренейский вариант/нацио- нальные варианты испанского языка	РАЗМЕР КОРПУСА (кол-во лексем)
3	CREA - <i>Corpus de Referencia del Español Actual</i> Референсный кор- пус современного испанского языка CREA – 0.3 <i>Versión anotada</i> Расширенная версия корпуса CREA	Общедоступный, смешанный, диахрони- ческий, географически маркированный. Цель создания: составление рефе- ренсного корпуса испанского языка на определенный момент времени. Цель создания: обеспечение более усовершенствованной системы поиска, включающей расширенные параметры по сравнению с первой версией корпуса CREA.	Корпус делится на пятилетние периоды: 1975–1979; 1980–1984; 1985–1989; 1990–1994; 1995–1999, 2000–2004. Соотношение текстов: 90% письменные, 10% устные. Источники письменных текстов: 49% книги, 49% пресса, 2% разное (рекламные буклеты, проспекты, электронные письма, блоги и пр.) Тексты в CREA и CORDE могут совпадать.	50/50	160 млн слов https://www.rae.es/banco-de-datos/crea
4	FICHERO GENERAL Главная картотека	Общедоступный, письменный, диахронический, географически не маркированный. Цель создания: сохранение ценных исторических данных, для проведения исследований в области изменения значения слов, а также для составления электронного словаря <i>Nuevo diccionario histórico del español</i> (NDHE). (Новый исторический словарь испанского языка) (Общедоступный, письменный, диахронический, географически не маркированный). Цель создания: сохранение ценных исторических данных, для проведения исследований в области изменения значения слов, а также для составления электронного словаря <i>Nuevo diccionario histórico del español</i> (NDHE). (Новый исто- рический словарь испанского языка)	Оцифрованные карточки, содержащие лексему и цитату - пример использования слова. Примеры взяты из текстов самого разного характера и места происжде- ния, начиная с момента возникновения испанского письменного языка. Наибо- льшее количество карточек было собрано в период с 1930 по 1996.	—	10 млн карточек (на одну лексему может приходиться от одной до двух сотен карточек) https://www.rae.es/banco-de-datos/fichero-general
5	CDH - <i>Corpus del Diccionario Histórico de la Lengua Española</i> Корпус истори- ческого словаря испанского языка	Общедоступный, диахронический, гео- графически маркированный. Цель создания: для составления электронного исторического словаря испанского языка (DHE).	Тексты охватывают период с XII века по 2000. Корпус разделен на три временных модуля: 1) основной (частично совпадает с текстами CORDE и CREA); 2) с XII в. по 1975; 3) 1975–2000.	60/40	355 740 238 слов https://www.rae.es/banco-de-datos/cdh
6	CORPUS DE TEXTOS DE CARACTER CIENTÍFICO- TÉCNICO GENERADO A PARTIR DE RECURSOS DE LA RAE y FECYT Корпус на- учно-технических текстов, сформиро- ванный на базе ресурсов RAE и FECYT (Испанский фонд науки и технологии)	Общедоступный, письменный, диахро- нический, географически маркироанный. Цель создания: более широкое использование испанского языка в науке, правильное использование на- учно-технических терминов в различных контекстах, популяризация науки.	Три источника текстов: 1) научно-технические тексты из CORPES XXI; 2) база SINC (Информационная служба научных новостей); 3) другие материалы FECYT. Тексты относятся к периоду 2000–2019.	—	112 млн слов https://enclavedeciencia. rae.es/contenidos/ sobre-edc

	КОРПУС	ОПИСАНИЕ	РЕПРЕЗЕНТАТИВНОСТЬ	СООТНОШЕНИЕ ТЕКСТОВ ПО ГЕОГРА- ФИЧЕСКОМУ ПРИН- ЦИПУ: Пиренейский вариант/нацио- нальные варианты испанского языка	РАЗМЕР КОРПУСА (кол-во лексем)
7	CAPITEL - <i>Corpus del Plan de Impulso a las Tecnologías del Lenguaje</i> Корпус Плана развития языко- вых технологий	С ограниченным доступом, синхронный. Цель создания: является частью госу- дарственной программы по созданию и продвижению языковых технологий, направленных на развитие машинного перевода с испанского на другие коо- фициальные языки Испании на основе обработки естественного языка.	Тексты новостного характера за период 2007–2019. Находится в процессе создания (начало 2020 г.)	—	243 млн слов https://www.sites.google.com/view/capitel2020
8	CORDIAM - <i>Corpus Diacrónico y Diatópico del Español de América</i> . Диахронический корпус испанско- го языка Северной и Южной Америки	Общедоступный, письменный, диахронический, географически маркированный. Цель создания: углубление знаний об испанском языке, об историческом раз- витии языка, сохранение исторической памяти, рассказ о жизни на Амери- канском континенте, изложенный на испанском языке.	Тексты охватывают период с 1494 по 1905 и делятся на три группы: 1) CORDIAM - Документы; 2) CORDIAM - литература; 3) CORDIAM- Пресса.	0/100	9 млн (www.cordiam.org)

Список литературы:

Долгих З.Б. Обзор ряда корпусных возможностей в сфере лингвистических исследований (на при-
мере анализа средств градуирования в португальском языке) // Вестник Московского государственного
лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2018. — № 5. — С. 21–32.

Захаров В.П. Прологомены к корпусной лингвистике // Вопросы психолингвистики. — 2016. —
№ 28. — С. 150–161.

Козлова Н.В. Лингвистические корпуса: определение основных понятий и типология // Вестник
Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация.
— 2013. — Т. 11, № 1. — С. 79–89.

Майорова А.Д. Корпусная лингвистика: исторический и лингводидактический аспекты // Междуна-
родный научно-исследовательский журнал. — 2017. — № 5–2. — С. 42–46. — <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.59.141>

Мальцева М.С. К определению термина "лингвистический корпус" и его вариантов // Социально-
экономические явления и процессы. — 2011. — № 7. — С. 255–258.

Солнышкина М.И., Гатиятуллина Г.М. История развития корпусной лингвистики (на примере ан-
глоязычных корпусов) // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2020. —
№ 63. — С. 132–160. <https://doi.org/10.17223/19986645/63/8>

Crónica de la lengua española 2020 / RAE, ASALE. — Barcelona: Editorial Planeta, 2020. — 983 p.

Crónica de la lengua española 2021 / RAE, ASALE. — Madrid: Espasa, 2021. — 1272 p.

Lingüística de corpus en español / G. Parodi, P. Cantos-Gómez, Ch. Howe et al. — London: Routledge,
2022. — 600 p. <https://doi.org/10.4324/9780429329296>

Rojo G. Lingüística de corpus y lingüística del español // Actas del XV Congreso Internacional de ALFAL.
— Montevideo, 2008. — URL: https://gramatica.usc.es/~grojo/Publicaciones/Lgca_corpus_lgca_espanol.pdf

References:

Dolguikh, Z. B. (2018) 'An Overview of Some Basic Possibilities of corpus in the Field of Linguistic
Research, (on the Example of the Analysis of Graduation Means in the Portuguese Language', *Vestnik of
Moscow State Linguistic University. Humanities*, (5), pp. 21–32. (In Russian).

- Kozlova, N. V. (2013) 'Linguistic Corpus: Typology and Terms', *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriâ: lingvistika i mežkul'turnaâ kommunikaciâ*, 11(1), pp. 79–89. (In Russian).
- Maioirova, A. D. (2017) 'Corpus Linguistics: Historical and Linguistic Diagnostic Aspects', *Research journal of international studies*, (5–2), pp. 42–46. (In Russian). <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.59.141>
- Maltseva, M. S. (2011) 'About the Definition of the Term Linguistic Corpus and its variation', *Social'no-èkonomičeskie âvleniâ i processy*, (7), pp. 255–258. (In Russian).
- Parodi, G. et al. (2022) *Lingüística de corpus en español*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780429329296>
- RAE and ASALE (2020) *Crónica de la lengua española 2020*. Barcelona: Editorial Planeta.
- RAE and ASALE (2021) *Crónica de la lengua española 2021*. Madrid: Espasa.
- Rojo, G. (2008) 'Lingüística de corpus y lingüística del español', in *Actas del XV Congreso Internacional de ALFAL*. Montevideo. https://gramatica.usc.es/~grojo/Publicaciones/Lgca_corpus_lgca_espanol.pdf
- Solnyshkina, M. I. and Gatiyatullina, G. M. (2020) 'The History of Corpus Linguistics (On the Example of the English Language Corpora)', *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, (63), pp. 132–160. (In Russian). <https://doi.org/10.17223/19986645/63/8>
- Zakharov, V. P. (2016) 'Prolegomena to Corpus Linguistics', *Voprosy psiholingvistiki*, (28), pp. 150–161. (In Russian).

Информация об авторах

Илона Игоревна Горелая — старший преподаватель кафедры испанского языка МГИМО МИД России, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76 (Россия)

Юлия Рашитовна Зиганшина — преподаватель кафедры испанского языка МГИМО МИД России, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76 (Россия)

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors

Ilona I. Gorelaya — Senior lecturer of the Department of Spanish Language, MGIMO University, 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454 (Russia)

Yuliya R. Ziganshina — Lecturer of the Department of Spanish Language, MGIMO University, 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454 (Russia)

Conflicts of interest. The authors declare absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 06.10.2022; одобрена после рецензирования 23.11.2022; принята к публикации 10.12.2022.

The article was submitted 06.10.2022; approved after reviewing 23.11.2022; accepted for publication 10.12.2022.

ПРЕССА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Никита Всеволодович Шевцов¹, Елена Евгеньевна Наумова²

^{1,2} МГИМО МИД России, Москва, Россия

¹ n.shevtsov@my.mgimo.ru

<https://orcid.org/my-orcid?orcid=0000-0001-5527-1957>

² e.naumova@my.mgimo.ru

<https://orcid.org/my-orcid?orcid=0000-0002-4033-6305>

Аннотация. Великая русская литература XIX и начала XX вв. составляет единое целое с выдающейся отечественной журналистикой того же периода. Практически все ставшие знаменитыми литераторы начинали свой творческий путь, публикуя первые произведения в журналах и даже в газетах. Впрочем, приобретая известность, они продолжали сотрудничать с периодическими изданиями, предлагая им свои шедевры. Так, Лев Толстой опубликовал в журнале «Русский вестник» романы «Война и мир»

и «Анна Каренина», а в самом популярном российском журнале «Нива», рассчитанном на массового читателя, вышел его роман «Воскресение». Писатель хотел, чтобы как можно больше простых людей ознакомились с его произведением. В том же «Русском вестнике» вышли романы Достоевского «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Братья Карамазовы». И.С. Тургенев напечатал в этом же журнале роман «Отцы и дети», а герои «Анны Карениной» горячо обсуждали события, о которых ранее сообщалось в газетах и журналах. Упоминание тех или иных периодических изданий, их краткая характеристика позволяли ярче показать настроения, раскрыть духовный мир читавших их литературных героев. В советское время отношение персонажей художественных произведений к тем или иным газетам и журналам создавало яркую картину того, какую роль играли средства массовой информации в общественных отношениях, какое место занимали они в политической системе страны. Наконец, благодаря тому, какие издания выписывались героями повестей и рассказов, можно было лучше разобраться в их мировоззрении, увлечениях, мечтах. Авторы данной статьи ставят перед собой задачу исследовать особенности использования упоминания о тех или иных СМИ в качестве художественной детали в литературных произведениях; выявить роль такого рода деталей в

создании художественного характера, а также в воссоздании атмосферы и идеологии эпохи, рассмотреть упоминания о читаемых героями литературного произведения публикаций в прессе с точки зрения теории интертекстуальности, выявить особенности взаимодействия художественных и публицистических текстов в контексте эпохи, поставить вопрос о возможности привлечения художественных текстов в качестве источника для изучения истории СМИ.

Ключевые слова: художественная деталь, художественный характер, история русской литературы, Мёртвые души, Идиот, Бесы, Анна Каренина, Гоголь, Достоевский, Тургенев, Паустовский, Солженицын, история отечественной журналистики, Северная пчела, Московские ведомости, Голос, Труд, Комсомольская правда

Для цитирования: Шевцов Н.В., Наумова Е.Е. Пресса в произведениях русской литературы // Концепт: философия, религия, культура. — 2022. — Т. 6, № 4. — С. 80–93. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-4-24-80-93>

Research article

PRESS IN THE WORKS OF RUSSIAN LITERATURE

Nikita V. Shevtsov¹, Elena E. Naumova²

^{1, 2} MGIMO University, Moscow, Russia

¹ n.shevtsov@my.mgimo.ru

<https://orcid.org/my-orcid?orcid=0000-0001-5527-1957>

² e.naumova@my.mgimo.ru

<https://orcid.org/my-orcid?orcid=0000-0002-4033-6305>

Abstract. Russian classical literature of the 19th and early 20th centuries constitutes the whole with the finest Russian journalism of the same period. Almost all famous authors started their careers by releasing their first works of literature in magazines and even in newspapers. Nevertheless, even when gaining popularity, they continued to cooperate with periodicals, offering them their masterpieces. Thus, Leo Tolstoy published his novels *War and Peace* and *Anna Karenina* in the *Russkiy Vestnik* [Russian Herald] magazine, while his novel *Resurrection* was published in *Niva*, the most popular Russian magazine aimed at mass reader. The writer wanted to reach as many ordinary people as possible. Fyodor Dostoevsky's *Crime and Punishment*, *The Idiot*, *Demons*, and *The Brothers Karamazov* first appeared in the same *Russkiy Vestnik*, along with Ivan Turgenev's novel *Fathers and Sons*. This list is long indeed. Russian authors actively employed material published in press in their works. Therefore, the characters of *Anna Karenina* passionately discussed the events highlighted by the newspapers and magazines of that time. The references to certain periodicals, their brief description made it possible to understand better the mood and to expose the nature of their characters for the readers. During Soviet times, the attitude of the characters to certain newspapers and magazines displayed the role of media in public relations and their place in the political system of the country. Finally, thanks to the media subscriptions of the characters in novels and short stories, the reader could better understand their worldview, hobbies, and dreams. The authors set themselves the task of studying the specifics of the use of references to certain media as an artistic detail in literary works. They attempt to identify the role of such details in creating the artistic character, as well as in recreating the atmosphere and ideology of the era. They also examine references to journal articles read by the characters of a literary work from the perspective of intertextuality theory, as well as the task of revealing the peculiarities of the interaction of artistic and journalistic texts in the context of the era. The authors also raise the question of the possibility of using texts of literary works as a source for the study of media history.

Keywords: literary detail, artistic character, history of Russian literature, *Dead Souls*, *The Idiot*, *Demons*, *Anna Karenina*, Gogol, Dostoevsky, Turgenev, Paustovsky, Solzhenitsyn, history of Russian journalism, *Severnaya Pchela*, *Moskovskije Vedomosti*, *Golos*, *Trud*, *Komsomolskaya Pravda*

For citation: Shevtsov, N. V., Naumova, E. E. (2022) 'Press in the Works of Russian Literature', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 6(4), pp. 80–93. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-4-24-80-93>

Предлагаемая статья — часть исследовательской программы кафедры международной журналистики, в рамках которой вышли издания «Русские газеты XIX – начала XX столетия»¹, «Отечественные журналы советского периода»², «Отечественные газеты советского периода»³, «Русские журналы XIX – начала XX столетия»⁴ и др. Опираясь на теоретические исследования в области интертекстуальности, литературоведческих категорий художественной детали и художественного характера (статьи Шевцова Н.В., Гусевой Е.В., Каратавовой И.А., Пигнастой Д.Г. [Шевцов, 2021; Гусева, 2012; Каратавова, 2013; Пигнастая, 2018]).

На протяжении всего XIX в. литература и журналистика в России составляли единое целое. Практически все русские писатели начинали свою карьеру, свой творческий путь в классических толстых журналах. Эти издания, выходившие обычно ежемесячно либо ежеквартально, преобладали среди периодических изданий, в особенности в первой половине XIX в. Практически каждая дворянская семья вы-

писывала толстый журнал, знакомилась с новинками отечественной и зарубежной литературы [Шипицына, 2015]. Впрочем, толстые журналы публиковали не только литературные произведения. В них также печатались научные статьи, давались ценные хозяйственные советы, предназначавшиеся прежде всего для провинциальных читателей — сельских помещиков и членов их семей. Наконец, толстые журналы выполняли функции ежедневных газет, печатая, хоть и с большим опозданием, информацию о событиях, происходивших в России и за её пределами.

И всё же литературные разделы привлекали наибольшее внимание читателей. Стихи, поэмы, рассказы и романы, печатавшиеся в толстых журналах, обсуждались и в литературных салонах, и в узких семейных кругах. От их прочтения получали равное удовольствие и степенные старцы, их жены, и юные сентиментальные поклонницы поэзии и прозы [Гусева, 2012]. Хотя надо признать, что в 1820-е–1830-е гг. немногие из прекрасных юных особ могли наслаждаться чтением отечественных

¹ Русские газеты XIX – начала XX столетия: учебное пособие / Я.Л. Скворцов, Н.В. Шевцов, В.В. Сухой [и др.]; под редакцией Н.В. Шевцова; Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, кафедра международной журналистики. — Москва: МГИМО-Университет, 2022. — 186, [1] с.

² Отечественные журналы советского периода: учебное пособие / Я.Л. Скворцов, Н.В. Шевцов, В.В. Сухой [и др.]; под редакцией Я.Л. Скворцова; Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, кафедра международной журналистики. — Москва: МГИМО-Университет, 2022. — 205, [2] с.

³ Отечественные газеты советского периода: учебное пособие / Я.Л. Скворцов, Н.В. Шевцов, В.В. Сухой [и др.]; под редакцией Я.Л. Скворцова; Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, кафедра международной журналистики. — Москва: МГИМО-Университет, 2022. — 205, [2] с.

⁴ Русские журналы XIX — начала XX столетия: учебное пособие / Я.Л. Скворцов, Н.В. Шевцов, В.В. Сухой [и др.]; под редакцией Н.В. Шевцова; Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, кафедра международной журналистики. — Москва: МГИМО-Университет, 2020. — 208, [1] с.

журналов по той простой причине, что в силу однобокости помещичьего образования слабо владели русским языком. Вспомним Татьяну Ларину: «Она по-русски плохо знала, // Журналов наших не читала...» Или другие строки из «Евгения Онегина»: «Я знаю: дам хотят заставить // Читать по-русски. Право, страх!» [Пушкин, 1978: 58].

Однако по мере развития образования в России к дворянским читателям стали активно присоединяться представители других сословий, оказавшиеся вовлечёнными в сферу капиталистических отношений: купцы, владельцы мануфактур, разночинцы. Более того, они сами стали издавать журналы. Наибольшую известность среди них приобрел Н. Полевой, выпускавший журнал «Московский телеграф». Он вырос в купеческой семье; получив отличное образование, приступил в 1825 г. к изданию «Московского телеграфа», в котором печатались многие известные литераторы того времени. Полевой бросил вызов самому Н. Карамзину, выпустив собственную историю российского государства, которая, впрочем, не вызвала интереса у читателей. Её ругали и критики, и историки. Досталось истории Полевого и от А.С. Пушкина, выступившего в «Литературной газете» с критической статьей в адрес издателя «Московского телеграфа».

Большую популярность приобрел ещё один журнал, издававшийся журналистом недворянского происхождения. Речь идёт о ежемесячнике «Телескоп», который выпускал Н. Надеждин, родившийся в семье священника. В «Телескопе» начинал свою карьеру критика и публициста В. Белинский. Над переводами иностранных романов, печатавшихся в журнале, трудились только что приобщавшиеся к литературе молодые студенты И. Гончаров и К. Аксаков. Всю жизнь они, равно как и многие другие замечательные русские литераторы, помнили о том, что своими творческими успехами обязаны толстым журналам, в которых впервые появилась значительная часть их произведений, прежде чем в дальнейшем вышли отдельными изданиями, либо вошли в собрания сочинений.

Практически все великие русские писатели начинали свой творческий путь с

публикаций в толстых журналах. Так, Лев Толстой напечатал свои первые произведения «Детство», «Отрочество», «Юность», «Севастопольские рассказы» в издававшемся Н. Некрасовым «Современнике». Да и великие романы Толстого — «Война и мир», «Анна Каренина», — первоначально появились в журнале «Русский вестник», принадлежавшем выдающемуся отечественному публицисту М.Н. Каткову. Ещё один роман Толстого «Воскресение» печатался даже не в толстом журнале, а в рассчитанном на массового читателя тонком еженедельнике «Нива», который имел самый большой тираж среди всех издававшихся в дореволюционной России журналов. «Ниву» знали все. Поэтому Толстой и предложил свой роман этому журналу, желая, чтобы как можно больше простых людей смогли прочитать «Воскресение».

Ну а что касается уникального в истории мировой журналистики журнала «Русский вестник» то, помимо произведений Толстого, в нём появились несколько великих романов Ф.М. Достоевского: «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Братья Карамазовы». А ведь ещё И.С. Тургенев написал для «Русского вестника» свой вызвавший ожесточенные споры среди критиков роман «Отцы и дети», ставший событием в русской общественной жизни. Так что можно смело утверждать, что в истории как мировой литературы, так и журналистики не было журнала, в котором бы появилось столько литературных шедевров. Журнал «Отечественные записки», издававшийся А. Краевским, открыл для русской литературы М.Ю. Лермонтова, напечатавшего в нём некоторые из повестей цикла «Герой нашего времени». В дальнейшем в журнале печатались произведения Н. Гоголя, Ф. Достоевского, М. Салтыкова-Щедрина, И. Гончарова и других классиков.

Огромной популярностью у читателей пользовались также журналы «Библиотека для чтения», «Москвитянин», «Вестник Европы», «Русское богатство», в которых также дебютировали молодые писатели, в дальнейшем прославившие отечественную литературу.

Наряду с толстыми журналами, своё место в системе периодических изданий

занимали столичные и провинциальные газеты. Первоначально они выходили исключительно в Санкт-Петербурге и в Москве. Их можно было пересчитать по пальцам. Так, рубеж XIX в. по сути дела переступили только две газеты — «Санкт-Петербургские ведомости» и «Московские ведомости». Первая первоначально издавалась Академией наук, а вторая практически на протяжении всех лет своего существования принадлежала Московскому университету. В разные годы она сдавалась в аренду, в том числе уже упоминавшемуся М.Н. Каткову.

Позднее, в 1824 г., к ним присоединилась первая возникшая в России частная коммерческая газета «Северная пчела», издававшаяся Ф. Булгариным и Н. Гречем. В отличие от многих других периодических изданий, этой газете разрешалось писать о политических событиях. Она нравилась читателям и в то же время пользовалась доверием со стороны власти. Газета сообщала не только о жизни в России и за её пределами, но и печатала поэзию и прозу отечественных и зарубежных авторов.

Эта традиция сохранялась и в конце XIX – начале XX вв. Так, издатель газеты «Новое время» А.С. Суворин привлёк к сотрудничеству с его изданием А.П. Чехова. Под появившемся в газете рассказе «Панихида» он впервые поставил свою настоящую фамилию, тогда как раньше подписывался под псевдонимом Человек без селезёнки, Антоша Чехонте и другими. Большинство рассказов, вошедших в сборник «В сумерках» наряду с «Панихидой», ранее печатались в «Новом времени». В дальнейшем, публикуя в газете свои произведения, Чехов поместил в ней свою знаменитую повесть «Дуэль».

Также регулярно помещала прозу и поэзию отечественных и зарубежных авторов другая популярная российская газета «Русское слово», которую выпускал знаменитый издатель И.Д. Сытин. Достаточно сказать, что в этой газете появился бунинский рассказ «Лёгкое дыхание».

Конечно же, русские литераторы не всегда сохраняли верность одним и тем же изданиям. Так, Ф.М. Достоевский после вышедшего в «Русском вестнике» романа

«Бесы» предложил свой следующий шедевр «Подросток» журналу «Отечественные записки». Правда затем писатель возобновил сотрудничество с «Русским вестником», предложив журналу «Братьев Карамазовых».

Писатели на протяжении всей своей жизни испытывали благодарность к изданиям, благодаря которым они приобрели известность и финансовую независимость. Кроме того, литераторы понимали, что издания, в которых они печатались, серьёзно влияли на формирование общественного мнения в России. Поэтому, избрав тот или иной журнал, газету, авторы тем самым заявляли о своей гражданской позиции [Ларионова, 2015].

Человек, читающий газету или журнал, стал привычным явлением в повседневной российской жизни. Поэтому неудивительно, что писатели часто изображали своих литературных героев, взявшими в руки журнал или газету. В качестве первого примера приведём произведения Н.В. Гоголя. В повести «Невский проспект» поручик Пирогов после случившегося с ним происшествия «по дороге он зашёл в кондитерскую, съел два слоёных пирожка, прочитал кое-что из «Северной пчелы» и вышел уже не в столь гневном положении» [Гоголь, 1977: 38]. В «Записках сумасшедшего» главный герой Поприщин ласково называет «Северную пчелу» «Пчёлкой»: «Читал «Пчёлку». Эка глупый народ французы! Ну чего хотят они? Взял бы, ей-богу, их всех, да и перепорол розгами! Там же читал очень приятное изображение бала, описанное курским помещиком» [Гоголь, 1977: 160]. Интересно, что Гоголь использовал в «Записках сумасшедшего» информацию, напечатанную в «Северной пчеле». Имеется в виду, например, сообщения о смерти испанского короля Фердинанда VII и начавшейся после этого борьбе за престолонаследие [Гоголь, 1977: 169].

Также ласково «Пчёлкой» называется эта газета в рассказе И.С. Лескова «Павлин» [Старыгина, 2018]. Её читал главный герой — привратник: «Обойдя все двери, в которые ему надлежало в этот день постучаться, он тек обратным течением, а дворники за ним несли выставленные рамы,

которые Павлин собственною рукою записал в особый чулан у себя под лестницею, а затем спокойно сажился в своё высокое кресло с бронзовым драконом на спинке и начинал читать «Пчёлку» и другие газеты, которые получались в доме, проходя непременно предварительно через Павлинову руки» [Лесков, 1973: 142].

Но вернёмся к произведениям Гоголя. Газетные сообщения ложились в основу размышлений, дискуссий, обсуждений между героями произведений Гоголя. Так, в «Мёртвых душах» автор высмеивает недалеких обывателей, которые после окончания войны 1812 г. прониклись интересом к политике, сделавшись заядлыми читателями газет, в особенности «Московских ведомостей»: «...всё это происходило вскоре после достославного изгнания французов. В это время все наши помещики, чиновники, купцы, сидельцы и всякий грамотный и даже неграмотный народ сделались по крайней мере на целые восемь лет заклетыми политиками». «Московские ведомости» и «Сын Отечества» зачитывались немилосердно и доходили к последнему чтению в кусочках, не годных ни на какое употребление. Вместо вопросов: «Почём, батюшка, продали меру овса? Как воспользовались вчерашней порошей?» — говорили: «А что пишут в газетах, не выпустили ли опять Наполеона из острова?» [Гоголь, 1978: 197]. Немудрено, что столь начитанные знатоки приняли приехавшего в их город Чичикова за Наполеона.

Гоголь с юмором пишет о том, что те же «Московские ведомости» параллельно с серьёзными научными трудами превратились в один из главных источников просвещения. Так, при описании губернского общества, где оказался Чичиков, упоминается, что «Прочие тоже были более или менее люди просвещённые: кто читал Карамзина, кто «Московские ведомости...» [Гоголь, 1978: 149].

«Московские ведомости» читали и проживавшие в древней столице герои романа Тургенева «Накануне». Знакомство с новостями, опубликованными в газете, занимало важное место в их времяпрепровождении. Главная героиня Елена Астахова «сидела в гостиной подле Анны Васильев-

ны и, сама, не понимая, что делала, читала ей «Московские ведомости» [Тургенев, 1981: 262]. Эта газета, безусловно, служила важным источником информации для персонажей романа «Накануне». «...в Москву прибыло какое-то иностранное семейство, показывавшее пластические позы, *des poses plastiques*, описание которых в «Московских ведомостях» сильно возбудило внимание Анны Васильевны» [Тургенев, 1981: 272].

Публикации в «Московских ведомостях» привлекали внимание важных персонажей другого романа Тургенева «Отцы и дети». Беседуя с Базаровым, знакомая А. Кирсанова Кукшина произносит такие слова: «Кстати, читали вы статью Кислякова о женском труде в «Московских ведомостях?» [Тургенев, 1981: 64].

В особом сатирическом контексте «Московские ведомости» представлены в романе «Бесы» Ф.М. Достоевского. Обращаясь к Варваре Петровне Ставрогиной, капитан Лебядкин напоминает о её сотрудничестве в прошлом с этой газетой: «и сами вы, сударыня, публиковались в «Московских ведомостях» [Достоевский, 1982а: 170]. В дальнейшем при описании благотворительного (правда печально закончившегося) бала, не без сарказма «Московские ведомости» изображены в виде человека в маске и характеризуются как «не петербургское, но грозное издание»: «...vis-à-vis танцевал какой-то тоже пожилой господин, во фраке, но с тяжёлой дубиной в руке и будто бы изображал собою не петербургское, но грозное издание: «Прихлопну — мокренько будет!» [Достоевский, 1982а: 151]. И далее: «Вдруг раздался громкий смех над одною проделкой в кадрили: издатель «грозного не петербургского издания», танцевавший с дубиной в руках..., вдруг, в последней фигуре, пошёл навстречу очкам вверх ногами, что кстати, и должно было обозначать постоянное извращение вверх ногами здравого смысла «в грозном не петербургском издании» [Достоевский, 1982а: 153].

Досталось «Московским ведомостям» и от М.Е. Салтыкова-Щедрина, который в «Повести о том, как один мужик двух генералов прокормил» изобразил двух глупых

генералов, читающих эту газету на необитаемом острове [Салтыков-Щедрин, 1988: 283, 287].

В романе «Бесы» упоминается издававшаяся А. Герценом и Н. Огарёвым газета «Колокол». Назвав её, писатель дал краткое описание характера некоторых россиян: «...случилось так, что через его руки (Вергинского — Н.Ш.) прошли целые склады «Колокола» и прокламаций, и хоть он их даже развернуть боялся, но отказаться распространять их почёл был за совершенную подлость — и таковы иные русские люди даже и до сего дня» [Достоевский, 1982а: 378].

Явный намёк на выходивший в Петербурге сатирический журнал «Искра» содержится в другом романе Достоевского «Идиот». «Искра» издавалась в 1859–1873 гг. поэтом В.С. Курочкиным и карикатуристом Н.А. Степановым. «Она (Л.П. Епанчина — Н.Ш.) торопливо протянула ему одну еженедельную газету из юмористических и указала пальцем статью» [Достоевский, 1982b: 277].

Начало лживого фельетона, опубликованного в этом издании, где якобы разоблачался князь Мышкин, представляло собой пародию на помещавшиеся в «Искре» статьи, которые выходили в разделе «Нам пишут».

Полемизируя с женой губернатора, персонаж «Бесов» П. Верховенский упоминает популярную российскую газету «Голос»: «О, вы сумеете, у вас есть дар, когда голова ясна. Вы их сгруппируете — и вслух, и вслух. А потом корреспонденцию в «Голос» [Достоевский, 1982а: 42]. Газета привлекала особое внимание читателей дворянского происхождения — чиновников, военных, помещиков. Не случайно Достоевский с некоторой иронией писал в тех же «Бесах»: «...а в следующей комнате, у ближайшего к дверям залы окна, поместился один заезжий толстый и здоровый полковник, друг и бывший сослуживец Ивана Осиповича, и читал «Голос» [Достоевский, 1982а: 48].

Другой великий русский писатель Л.Н. Толстой обычно не называл газеты и журналы, которые читали его литературные герои. Но и без упоминания заголовка можно было догадаться, что в данный

момент читал, например, Стива Облонский: «Степан Аркадьич получал и читал либеральную газету, не крайнюю, но того направления, которого держалось большинство. И несмотря на то, что ни наука, ни искусство, ни политика, собственно, не интересовали его, он твёрдо держался тех взглядов на все эти предметы, каких держалось большинство и его газета...» [Толстой, 1981: 13]. Конечно же, речь идет о газете «Голос», которую называли «барометром общественного мнения». Стиве Облонскому газета нравилась потому, что, если следовать либеральным взглядам, «в России всё скверно», а «брак есть отжившее учреждение». Облонскому же как раз не хватало денег, а семейная жизнь оставалась желать много лучшего. Поэтому «либеральное направление сделалось привычкой Степана Аркадьича, и он любил свою газету, как сигару после обеда, за легкий туман, который она производила в его голове» [Толстой, 1981: 14].

Издававшаяся с 1863 г. А.А. Краевским в Петербурге газета «Голос» пользовалась большой популярностью в широких читательских кругах. Но и она, подвергаясь цензурным преследованиям, в 1881 г. была приостановлена, а в 1884 г. прекратила своё существование, последовав печальному примеру журнала «Отечественные заметки», которые в своё время редактировал тот же Краевский. И не случайно в юмористическом рассказе «Прощение» А.П. Чехов шуточно «прощает в прощальный день «Голос» — за то, что он закрылся» [Чехов, 1983: 347].

Интересно, что персонажи и Толстого, и Чехова активно обсуждали сообщения, публиковавшиеся в российских газетах и журналах [Каратавова, 2013].

В той же «Анне Карениной» «разговор зашёл о вертящихся столах и духах, и графиня Нордстон, верившая в спиритизм, стала рассказывать чудеса, которые она видела» [Толстой, 1981: 62]. Дело в том, что в 1875 г. в журнале «Русский вестник» появились статьи о спиритизме, которые привлекли внимание Л.Н. Толстого. Поэтому он и включил разговоры о спиритизме в XIV главу первой части «Анны Карениной».

В том же 1875 г. во внутреннем обозрении журнала «Отечественные записки» отмечалось ужасное состояние железных дорог: «что ни дорога, то душегубка»⁵. Явно находясь под впечатлением этого сообщения, Толстой включает в начало романа «Анна Каренина» отрывок гибели железнодорожника, ставшей пророчеством для героини этого произведения. «Ах, если бы вы видели, графиня», — говорил Степан Аркадьич. — И жена его тут... Ужасно видеть её... Она бросилась на тело. Говорят, он один кормил огромное семейство. Вот ужас!» [Толстой, 1981: 76].

В период создания Толстым романа «Анна Каренина» российские газеты и журналы много писали о теории Дарвина. Статьи на эту тему появлялись в «Отечественных записках», «Вестнике Европы», «Русском вестнике». Поэтому не случайно, что один из главных героев романа К. Левин «встречал в журналах статьи... о происхождении человека как животного» [Толстой, 1981: 32].

Трудности с разводом, с которыми столкнулась героиня Анна Каренина, в то время активно обсуждались в российской печати. Газета «Голос», например, имея в виду бракоразводные процессы, прямо писала, что «закон требует таких улик, которых почти невозможно добыть»⁶.

«Да, до всего дошло теперь всякое усовершенствование, сказал Степан Аркадьич, влажно и блаженно зевая. Театры, например, и эти увеселительные... — электрический свет везде...» [Толстой, 1981: 191]. Слова Облонского полностью соответствовали сообщению газеты «Голос» о том, что в 1873 г. увеселительное заведение «Шато де флёр», устроенное в Москве в Петровском парке по типу французского кафешантана, освещалось «электрическим солнцем»⁷.

Сообщения газет использовал в своих произведениях и А.П. Чехов. Так, в расска-

зе-сказке «Наивный леший» упоминается журнал «Вестник Европы», в котором главный персонаж прочитал «статью о вреде лесоистребления и почувствовал угрызения совести. Мне и ранее, откровенно говоря, было жаль употреблять нашу милую, зелёную березу для таких низменных целей, как педагогия» [Чехов, 1983: 345].

Действительно, в июльской книжке за 1882 г. в разделе «Внутреннее обозрение» «Вестник Европы» опубликовал заметку о новом законе о лесных порубках⁸. Чехов со свойственным ему юмором использовал это сообщение журнала для подготовки своего сатирического рассказа.

А. Чехов очень часто упоминал в своих произведениях об отечественных газетах и журналах. Он блестяще знал русскую прессу, поскольку, как уже говорилось, начинал свою литературную карьеру, публикуя рассказы в различных периодических изданиях. В его произведениях давались точные наполненные юмором характеристики тех или иных изданий [Пигнастая, 2018].

В опубликованной в 1883 г. в журнале «Осколки» юмореске «Мысли читателя газет и журналов» за подписью «Человек без селезенки» писатель тонко обыгрывает названия некоторых российских периодических изданий. Автор пишет, что «Русская печать имеет в своём распоряжении множество источников света. Она имеет Радугу, Свет и тени, Луч, Огонёк, Свет, Зарю, Рассвет et caet. Но почему же ей так темно?» [Чехов, 1983: 14].

В рассказе «Лист» Чехов прекрасно обыграл название одного из старейших, издававшегося с 1812 г., российских журналов «Сын отечества». «В углу на табурете сидит швейцар, старый, как «Сын отечества» [Чехов, 1983: 112]. В рассказе «Обер-верхи» с юмором упоминается название консервативной газеты «Гражданин», издававшейся князем В.П. Мещерским: «Я сын почётного потомственного гражданина, читаю

⁵ Отечественные записки, 1875: № 6, 263.

⁶ «Голос» 1873. №133, № 138.

⁷ Голос, 1873: № 133.

⁸ Вестник Европы, 1882: №7, 816–817.

«Гражданин», хожу в гражданском платье и пребываю со своей Анютою в гражданском браке...» [Чехов, 1983: 106].

В рассказе «Добродетельный кабатчик» разорившийся помещик, взяв в долг у своего бывшего крепостного, на самом деле оказавшемся подлецом, умильно «задумался о народе и его свойствах... Хотел даже в «Русь» статью писать» [Чехов, 1983: 194]. Поясним, что «Русь», издававшаяся в Москве в 1880–1886 гг., считалась славянофильской газетой, много писавшей о жизни крестьянства. Ранее в уже упоминавшейся юмореске «Мысли читателя газет и журналов» Чехов шутиливо писал, что «Русь» имеет мало общего с «Москвой» — литературно-художественным журналом, с которым одно время сотрудничал писатель [Чехов, 1983: 114].

В рассказе «Ревнитель» псевдолиберал, директор одной из железных дорог, «швырнув на кресло «Новое время», ... взялся за «Голос» [Чехов, 1983: 57]. Интересно, что в том же рассказе близкая к правящим кругам газета «Новое время» упоминается и под другим названием, вернее прозвищем — «Краса Демидрона». — «Краса Демидрона», ... — проворочал он. Я вам прррропишу!» [Чехов, 1983: 57]. Такое прозвище газета получила, потому что пользовалась особой популярностью у respectable посетителей петербургского ресторана «Демидрон».

Чехов подшучивал и над провинциальными газетами. Он высмеивает «Уфимские губернские ведомости», которая перепечатывала в основном статьи и сообщения московских и петербургских газет: «Не читайте «Уфимских губернских ведомостей»: из них вы не почерпнёте никаких сведений об Уфимской губернии» [Чехов, 1983: 14].

Досталось от героя рассказа Чехова «Ядовитый случай» выходившей в Ростове-на-Дону газете «Донская пчела»: «Познакомившись с книгами, С.М. машинально взял из рук секретаря карандаш и начал им водить по «Донской пчеле» ... Скука!» [Чехов, 1983: 65].

Иногда же, как в рассказе «О женщины, женщины», Чехов просто выдумывает название провинциальной газеты — «Кукиш с маслом» [Чехов, 1983: 341].

В рассказе «Шведская спичка» Антон Павлович упоминает самый популярный российский журнал «Ниву». «Приехав домой, следовательно застал у себя доктора Тютюева. Доктор сидел за столом и, глубоко вздыхая, перечитывал «Ниву» [Чехов, 1983: 220]. А что оставалось ещё делать незадачливым детективом после провала столь много обещавшего расследования.

Интересно, что названия дореволюционных периодических изданий упоминаются в литературных произведениях классиков советского периода. В написанном Константином Паустовским знаменитом рассказе «Телеграмма» так описывается дом, в котором жила главная героиня: «Катерине Петровне стало ещё труднее вставать по утрам и видеть всё то же: комнаты, где застоялся горький запах нетопленных печей, пыльный «Вестник Европы», пожелтевшие чашки на столе, давно не чищенный самовар и картины на стенах» [Паустовский, 1977: 263]. Упоминание о некогда популярном журнале, переставшем существовать после октября 1917 г., наряду с описанием различных предметов быта как бы свидетельствовало о навсегда ушедшем счастливым для героини времени.

Бережное отношение героев к старым газетам показано в написанной в первые послереволюционные годы «Поокском рассказе» Б. Пильняка. Главный герой «... каждый день перечитывал «Русские ведомости», комплекты которых собирались аккуратностью фрау Леонтины» [Пильняк, 1976: 356].

Но главное внимание, конечно же, привлекали авторов возникшие в советские времена газеты и журналы. Владимир Солоухин в своих рассказах не раз упоминал появившийся в 1923 г. (и ставший самым популярным) журнал «Огонёк». При этом героев привлекала «низменная» составляющая журнала — кроссворд, из-за которого многие даже становились подписчиками «Огонька». Вспоминается, как «Огонёк», правда, с уже разгаданным кроссвордом, можно было увидеть на столике в комнате ожидания даже самой простенькой московской парикмахерской. И не случайно недоброжелатели журнала, в особенности среди интеллигенции, часто несколько

презрительно называли «Огонёк» журналом парикмахерских. Так вот, в рассказе Солоухина «Мокрый снег» один из персонажей произносит также слова: «А у вас хорошо. Столько книг. Можно я посмотрю. Ой, «Огонёк»! Тут есть кроссворд, в котором мы не отгадали несколько слов» [Солоухин, 1973: 90]. И далее в том же рассказе следуют такие сроки: «Ну как, кроссворды всё разгадываете? Накопились неразгаданные слова?» [Солоухин, 1973: 94].

В другом рассказе «Восхваление Гомера» В. Солоухин упоминает о цветных вкладышах «Огонька», пользовавшихся не меньшей популярностью у подписчиков, что и кроссворды. «Собственно говоря, тут были вещи, которыми был набит, вероятно, каждый купеческий дом в России (а таких домов было десятки и сотни тысяч), но которые потом все расточились, словно их выдуло ветром, исчезли с лица земли, уступив место дешёвым шифоньерам, бумажным цветам, репродукциям из «Огонька» и копиям шишкинских «Мишек» в багетных рамках, намазанных пупырчатой бронзовой краской» [Солоухин, 1973: 121]. Приколотые к стенам иллюстрации картин русских и зарубежных художников, которые печатались в «Огоньке», встречались и в городских квартирах, и в домах колхозников. Они нравились людям всех возрастов и профессий вне зависимости от их социального положения. Говорят, что даже И.В. Сталин прикреплял их к стенам своей Ближней дачи. А в «Заповеднике» С. Довлатова главный герой, описывая нищенскую избу своего хозяина, обращает внимание на прикрепленную к стене цветную иллюстрацию из «Огонька» [Довлатов, 1990: 110].

Интересно, что первая вкладка — изображение картины П. Кончаловского «Сирень» появилась в «Огоньке» в 1946 г. С тех пор в журнале было опубликовано более двух тысяч иллюстраций произведений мировой живописи. Они стали неотъемлемой частью быта советского человека. Вкладки описывались в пользовавшемся огромной популярностью романе А. Крона «Бессонница»: «Комната весёленькая и уютная. За кисейным пологом кровать с горой подушек, на стенах репродукции из

«Огонька» и приколотые веером открытки» [Крон, 1980: 377].

Среди других журналов особым спросом пользовалась «Наука и жизнь», где давалось немало практических советов, в том числе связанных с устройством быта. В повести «Маленький Гарусов» И. Грековой так описываются усилия героини по благоустройству своего жилища: «Зоя отциклевала полы, всё своими руками, повесила занавески и коврики, Ниночке устроила уголок по журналу «Наука и жизнь», словом, так благоустроилась, что стала квартира как куколка» [Грекова, 1980: 422].

А как мечтали читатели подписаться на журнал «Иностранная литература», где впервые в нашей стране появились многие знаменитые произведения зарубежных авторов. В другой повести И. Грековой «Хозяйка гостиницы», по мотивам которой был снят известный телесериал «Благословите женщину», приводятся такие слова главной героини Веры: «На журнал подписалась, «Иностранная литература». Это ничего, мама? Такое расточительство...» [Грекова, 1980: 325]. Журнал действительно стоил дорого, да и подписаться на него было сложно.

Наконец, в рассказе К. Паустовского «Подарок» упоминается не менее популярный старейший отечественный журнал «Вокруг света». Внук лесника «...часто приходил к нам в деревню из дедовской сторожки с Урженского озера и приносил то кошелёк белых грибов, то решето брусники, а то прибежал просто так — погостить у нас, послушать разговоры и почитать журнал «Вокруг света» [Паустовский, 1977: 249].

В рассказе В. Солоухина «Распоряжения» упоминается самый популярный советский журнал «Здоровье». Одно время его тираж доходил до восемнадцати миллионов экземпляров. Для многих, в особенности впечатлительных и мнительных людей, он превратился чуть ли не в учебник медицины. Потому в рассказе встречаются такие достаточно печальные строки: «Наш жалкий лепет насчёт человечности, особенностей характера ребенка и насчёт маматерапии, вычитанной в журнале «Здоровье», не произвёл на бесстрастных людей в

белых халатах никакого впечатления» [Солоухин, 1973: 153].

Газеты также не оставались без внимания в литературных произведениях советских авторов. Так, в рассказе А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» упоминается разговор о появившейся в «Вечерней Москве» рецензии на спектакль, поставленный в театре им. Моссовета: «А у меня «Вечёрка» свежая, смотрите! Бандеролью прислали. — Да ну?! — И съётся Цезарь в ту же газету ... — Тут интереснейшая рецензия на премьеру Завадского» [Солженицын, 1991: 87].

Сотрудница газеты «Вечерняя Москва» О. Кузьмина провела исследование и выяснила, что под публикацией в газете имелась в виду рецензия на спектакль «Рассвет над Москвой». Он был поставлен по слабой одноименной пьесе посредственного драматурга А. Сурова, который, тем не менее, хорошо разбирался в политической ситуации в стране и знал, как в своём «творчестве» приспособливаться к происходившему⁹.

Кстати, «Вечерняя Москва» регулярно печатала объявления. Об одном из них упоминается в рассказе Б. Пильняка «Рождение человека»: «Объявление в «Вечерней Москве» о коляске — читала, — ты уже купила коляску или ещё нет?» [Пильняк, 1976: 430]. В том же рассказе называется и «Комсомольская правда», которую и раньше, и сейчас ещё по-простому называют «Комсомолкой». Причём в советские времена «Комсомольская правда» как орган ЦК ВЛКСМ считалась газетой, определявшей проведение молодёжной политики в стране. Отсюда особое отношение героини рассказа — комсомольской активистки к этой газете: «...читать я не успевала ничего, кроме «Комсомолки», и то урывками...» и далее ... «Комсомолка» вычитывалась от корки до корки, потому что то, что писалось в «Комсомолке», я должна была проводить в жизнь. «Комсомолка» была справочником всего, что касалось моей жизни и моих дел» [Пильняк, 1976: 420].

В написанном в 1922 г. романе «Голый год» Пильняк пишет о газете «Известия», считавшейся главной после «Правды» советским печатным органом: её читали все партийные и советские работники. — «...из исполкома рассылная принесла «Известия», — и у реки Архип Иванович застрял с газетами» [Пильняк, 1976: 63].

В другом рассказе А.И. Солженицына «Как жаль» упоминается газета «Труд»: «Спугнутая, она пошла дальше и поравнялась с газетным щитом на голубых столбиках. Под стеклом висел «Труд» наружной и внутренней стороной» [Солженицын, 1991: 277]. В этом номере была опубликована статья о гидротехническом сооружении, строить который начинал репрессированный отец героини рассказа [Шевцов, 2021].

Конечно же, в данной статье приведена лишь незначительная часть упоминаний о газетах и журналах, которые встречаются в произведениях отечественной литературы. К тому же названы лишь некоторые писатели, рассказывавшие о периодических изданиях. Но тем не менее даже эти упоминания показывают, сколь важную роль играли отечественные периодические издания в творчестве писателей нашей страны, в развитии её культуры. Анализ обращения отечественных газет и журналов, выходивших в дореволюционную эпоху и в советский период, уточнение обстоятельств их упоминаний в художественной литературе, а также краткий анализ тех публикаций, которые оказались упомянуты в произведениях русских писателей, позволяет лучше понять существовавшие условия общественной жизни, чётко определить специфику социально-политической обстановки. Освещение отношения героев литературных произведений к тем или иным газетам и журналам, как и к содержащимся в них публикациям, открывает возможность более широкого и углублённого раскрытия характера и мировоззрения литературных персонажей, в том числе за счёт выявления их отношения к общественным порядкам.

⁹ Кузьмина О. Неслучайная деталь // Вечерняя Москва. 2021, 6–13 мая. № 17 (28820). С. 30–31.

Список литературы:

- Гоголь Н.В. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 3: Повести. — Москва: Худож. лит., 1977. — 301 с.
- Гоголь Н.В. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 5: Мёртвые души. — Москва: Худож. лит., 1978. — 540 с.
- Грекова И. Кафедра. Повести. — Москва: Советский писатель, 1980. — 463 с.
- Гусева Е.В. Художественная деталь как жанрообразующий признак // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — 2012. — Т. 14, № 2–6. — С. 1502–1508.
- Довлатов С.Д. Заповедник. — Ленинград: Васильевский остров, 1990. — 160 с.
- Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 6: Идиот: ч. 1–2. — Москва: Правда, 1982b. — 366 с.
- Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 8. Бесы. — Москва: Правда, 1982a. — 460 с.
- Каратавова И.А. Обобщение педагогического опыта по теме: «Деталь как средство изучения художественного мира произведений А.П. Чехова» // Проблемы современной науки и образования. — 2013. — № 3. — С. 104–110.
- Крон А.А. Бессонница. — Москва: Советский писатель, 1980. — 448 с.
- Ларионова А.Н. Литература как фактор духовной жизни человека 1830–1850-х гг. (на материале предисловия к воспоминаниям А.А. Григорьева «Мои литературные и нравственные скитальчества») // Филология и культура. — 2015. — № 1. — С. 186–190.
- Лесков Н.С. Павлин // Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. — Москва: Правда, 1973. — 133–199 с.
- Паустовский К.Г. Избранные произведения: в 2 т. Т. 2: Золотая роза; Рассказы. — Москва: Худож. лит., 1977. — 429 с.
- Пигнастая Д.Г. Приемы создания художественного образа // Формирование профессиональной компетентности филолога в поликультурной образовательной среде. — Евпатория: Ариал, 2018. — С. 251–257.
- Пильняк Б.А. Избранные произведения. — Москва: Худож. лит., 1976. — 702 с.
- Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 5: Евгений Онегин. Драматические произведения. — Ленинград: Наука, 1978. — 527 с.
- Салтыков-Щедрин М.Е. Господа Головлевы. Сказки. — Москва: Правда, 1988. — 461 с.
- Солженицын А.И. Малое собрание сочинений. Т. 3: Рассказы. — Москва: ИНКОМ НВ, 1991. — 285 с.
- Солоухин В.А. Олепинские Пруды. Рассказы. — Москва: Современник, 1973. — 352 с.
- Старыгина Н.Н. Художественная деталь как интертекстема в рассказе «Дух госпожи Жанлис» Н.С. Лескова, или «локти» Агафьи Пшеницыной в споре о воспитании и целомудрии // Ученые записки Орловского государственного университета. — 2018. — № 2. — С. 161–165.
- Толстой Л.Н. Собрание сочинений: в 22 т. Т. 8 Анна Каренина. — Москва: Худож. лит., 1981. — 495 с.
- Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 12 т. Т. 6: Сочинения: 1858–1860. — Москва: Наука, 1981. — 495 с.
- Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 12 т. Т. 7: Сочинения: 1861–1867. — Москва: Наука, 1981. — 559 с.
- Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. Т. 2: 1883–1884. — Москва: Наука, 1983. — 575 с.
- Шевцов Н.В. Феномен «Труда» (заметки на полях) // Меди@льманах. — 2021. — № 4. — С. 90–99. <https://doi.org/10.30547/mediaalmanah.4.2021.9099>
- Шипицына Н. В. Персонаж-читатель в русской литературе второй половины XIX в // Вестник Бурятского государственного университета. — 2015. — № 10-1. — С. 139–144.

References:

Chekhov, A. P. (1983) *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: v 30 t. Sochineniya: v 18 t. T. 2: 1883–1884* [Complete collection of works and letters: in 30 vol. Works: in 18 vol. Vol. 2: 1883–1884]. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).

- Dostoevsky, F. M. (1982a) *Sobraniye sochineniy: v 12 t. T. 8. Besy* [Collected works: in 12 vol. Vol. 8. Demons]. Moscow: Pravda Publ. (In Russian).
- Dostoevsky, F. M. (1982b) *Sobraniye sochineniy: v 12 t. T. 6. Idiot* [Collected works: in 12 vol. Vol. 6. The Idiot]. Moscow: Pravda Publ. (In Russian).
- Dovlatov, S. D. (1990) *Zapovednik* [Pushkin Hills]. Leningrad: Vasil'yevskiy ostrov Publ. (In Russian).
- Gogol, N. V. (1977) *Sobraniye sochineniy: v 7 t. T. 3: Povesti* [Collected Works: in 7 vols. Vol. 3: Novels]. Moscow: Khud. Lit. Publ. (In Russian).
- Gogol, N. V. (1978) *Sobraniye sochineniy: v 7 t. T. 5: Mertvyye dushi* [Collected Works: in 7 vols. Vol. 5: Dead Souls]. Moscow: Khud. Lit. Publ. (In Russian).
- Grekova, I. (1980) *Kafedra. Povesti* [Department. Tales]. Moscow: Sovetsky Pisatel Publ.
- Guseva, E. V. (2012) 'Literary detail as a genre-forming feature', *Izvestiâ Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk*, 14(2–6), pp. 1502–1508. (In Russian).
- Karatavova, I. A. (2013) 'Generalization of teaching experience on the topic: Item as a means of exploring the artistic world of Anton Chekhov', *Problems of modern science and education*, (3), pp. 104–110. (In Russian).
- Kron, A. A. (1980) *Bessonnitsa* [Insomnia]. Moscow: Sovetsky Pisatel Publ. (In Russian).
- Larionova, A. N. (2015) 'Literature as a Factor in Man's Spiritual Life in the 1830s–1850s. (Based on the Preface to the Memoirs of A.A. Grigoriev "My Literary and Moral Wanderings")', *Filologiya i kul'tura*, (1), pp. 186–190. (In Russian).
- Leskov, N. S. (1973) 'Pavlin [Peacock]', in *Sobraniye sochineniy: v 6 t. T. 3* [Collected Works: in 6 volumes. T. 3]. Moscow: Pravda Publ., pp. 133–199. (In Russian).
- Paustovsky, K. G. (1977) *Izbrannyye proizvedeniya: v 2 t. T. 2: Zlotaya roza; Rasskazy* [Selected works: in 2 vol. Vol. 2: Golden Rose; Stories]. Moscow: Khud. Lit. Publ. (In Russian).
- Pignastaia, D. G. (2018) 'Priemy sozdaniia khudozhestvennogo obraza [Techniques for creating an artistic image]', in *Formirovanie professional'noi kompetentnosti filologa v polikul'turnoi obrazovatel'noi srede* [Formation of the professional competence of a philologist in a multicultural educational environment]. Evpatoria: Arial Publ., pp. 251–257. (In Russian).
- Pilnyak, B. A. (1976) *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow: Khud. Lit. Publ. (In Russian).
- Pushkin, A. S. (1978) *Polnoye sobraniye sochineniy: v 10 t. T. 5: Yevgeniy Onegin. Dramaticheskiye proizvedeniya* [Complete Works: in 10 vols. Vol. 5: Eugene Onegin. Dramatic works]. Leningrad: Nauka Publ. (In Russian).
- Saltykov-Shchedrin, M. E. (1988) *Gospoda Golovlevy. Skazki* [The Golovlyov Family. Tales]. Moscow: Pravda Publ. (In Russian).
- Shevtsov, N. V. (2021) 'The Phenomenon of Trud Newspaper', *Media al'manah*, 105(4), pp. 90–99. (In Russian). <https://doi.org/10.30547/mediaalmanah.4.2021.9099>
- Shipitsyna, N. V. (2015) 'Character–Reader in Russian Literature of the Second Half of the 19th century', *Vestnik of the Buryat State University*, (10–1), pp. 139–144. (In Russian).
- Soloukhin, V. A. (1973) *Olepinskiye Prudy. Rasskazy* [Olepinisky Ponds. Stories]. Moscow: Sovremennik Publ.
- Solzhenitsyn, A. I. (1991) *Maloye sobraniye sochineniy. T. 3: Rasskazy* [Small collected works. Vol. 3: Stories]. Moscow: INKOM NV Publ. (In Russian).
- Starygina, N. N. (2018) 'Artistic Detail as Intertextual Element in the Story "The Spirit of Madame Genlis" by N. S. Leskov, or "Elbows" of Agafia Pshenitsyna in a Dispute about Upbrinding and Chastity]', *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, (2), pp. 161–165. (In Russian).
- Tolstoy, L. N. (1981) *Sobraniye sochineniy: v 22 t. T. 8: Anna Karenina* [Collected Works: in 22 vol. Vol. 8: Anna Karenina]. Moscow: Khud. Lit. Publ. (In Russian).
- Turgenev, I. S. (1981) *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: v 30 t. Sochineniya: v 12 t. T. 6: Sochineniya: 1858–1860* [Complete collection of works and letters: in 30 vol. Works: in 12 vol. Vol. 6: Works: 1858–1860]. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).

Turgenev, I. S. (1981) *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: v 30 t. Sochineniya: v 12 t. T. 7: Sochineniya: 1861–1867* [Complete collection of works and letters: in 30 vol.: works: in 12 vol. Vol. 7: Works: 1861–1867]. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).

Информация об авторах

Никита Всеволодович Шевцов — кандидат исторических наук, заведующий кафедрой международной журналистики МГИМО МИД России, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76 (Россия)

Елена Евгеньевна Наумова — преподаватель кафедры международной журналистики МГИМО МИД России, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76 (Россия)

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors

Nikita V. Shevtsov — PhD in History, Head of the International Journalism Department, MGIMO University, 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454 (Russia)

Elena E. Naumova — Lecturer of the International Journalism Department, MGIMO University, 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454 (Russia)

Conflicts of interest. The authors declare absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 07.11.2022; одобрена после рецензирования 02.12.2022; принята к публикации 08.12.2022.

The article was submitted 07.11.2022; approved after reviewing 02.12.2022; accepted for publication 08.12.2022.

Исследовательская статья

УДК 398.2 008

<https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-4-24-94-104>

ПАМЯТНЫЕ АЛЬБОМЫ ВЫСШИХ КОММУНИСТИЧЕСКИХ ШКОЛ ГДР В 1950-Е ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ИЗ ЛИЧНОГО ФОНДА ЧЛЕНА – КОРРЕСПОНДЕНТА АН СССР А.И. ЛЕПЁШКИНА)

Оксана Федоровна Ежова

Архив РАН, Москва, Россия

oks-ezhova@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8005-4575>

Аннотация. Свидетельства о бытовании разнообразных культурных форм в различные исторические периоды можно проследить на различных артефактах. К уникальным артефактам истории культуры послевоенной Европы можно отнести недавние находки, описанные ниже. В личном фонде члена-корреспондента Академии Наук СССР, специалиста в области советского государственного права Алексея Ильича Лепёшкина, хранящемся в Архиве РАН (ф.№2004), находятся два памятных альбома, составленные учениками партийных академий ГДР в 1952 г. и подаренные А.И. Лепёшкину. Актуальность изучения этих находок, которые в данной статье впервые вводятся в научный оборот, обусловлена малой изученностью рукописных памятных альбомов данного периода. Комплексное рассмотрение исторического и культурного контекста взаимодействия между странами социалистического блока в период после окончания Великой Отечественной войны на примере России и Восточной Германии на сравнительно «узком» примере двух памятных альбомов немецких коммунистических ВУЗов даёт возможность вписать данные рукописные фольклорные памятники в широкий исторический, культурный и политический контекст. Письменный фольклорный жанр памятных исследуемых альбомов имеет ряд формальных признаков и содержательных особенностей. Статья посвящена формальному и содержательному описанию и анализу данных памятников как с точки зрения содержащихся в них текстов, так и с точки зрения визуально-антропологического анализа фотографий, рисунков и особенностей каллиграфии. Основываясь на представленном материале, можно сделать выводы о сохранении подобными альбомами фольклорной прагматики и форм бытования независимо от смены социального устройства в русской и немецкой культуре.

© Ежова О.Ф., 2022

Ключевые слова: памятные альбомы, письменный фольклор, А.И. Лепёшкин, ГДР, Высшая партийная школа, прагматика фольклора

Для цитирования: Ежова О.Ф. Памятные альбомы коммунистических школ ГДР в 1950-е гг. (по материалам из личного фонда члена – корреспондента АН СССР А.И. Лепёшкина) // Концепт: философия, религия, культура. — 2022. — Т. 6, № 4. — С. 94–104. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-4-24-94-104>

Research article

COMMEMORATIVE ALBUMS OF THE HIGHER COMMUNIST SCHOOLS OF THE GDR IN THE 1950S (BASED ON MATERIALS FROM THE PERSONAL FUND OF CORRESPONDING MEMBER OF THE USSR ACADEMY OF SCIENCES A. I. LEPESHKIN)

Oksana F. Ezhova

Archive of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

oks-ezhova@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8005-4575>

Abstract. Historic artifacts speak to the fact that in various historic periods there existed various cultural forms. Recently discovered artifacts presented in this article are unique artifacts of post-war Europe. Alexey Ilyich Lepeshkin who was a corresponding member of the USSR Academy of Science and a specialist in the field of soviet public law was presented with two commemorative albums of the Higher Communist Schools of the GDR (1952). As of today, these albums are part of A. I. Lepeshkin's personal fund, and are stored in the Archive of the Russian Academy of Science (f.No.2004). This article gives the first scientific account of these items. The complex study of commemorative albums is topical due to the lack of research in the very area of handwritten commemorative albums of that period. A comprehensive analysis of the historical and cultural context of the interaction among the socialist countries after the end of the Second World War exemplified by the relations between Russia and Germany in the example of two commemorative albums of German communist institutions of higher education gives researchers an opportunity to bring these manuscripts into a wider cultural and political context. The genre of hand-made folklore albums has a number of distinctive features in both their form and content. The article is devoted to a formal and meaningful description and analysis of these memorial artifacts both in terms of the texts contained in them, and in terms of visual anthropological analysis of photographs, drawings, and calligraphy features. Based on the presented material, we can draw conclusions about the preservation of folklore pragmatics and forms of existence by such albums, regardless of the change in the social structure in Russian and German culture.

Keywords: commemorative albums, written folklore, A. I. Lepeshkin, GDR, Higher Party School, pragmatics of folklore

For citation: Ezhova, O. F. (2022) 'Commemorative Albums of Communist Schools of the GDR in the 1950s (Based on Materials from the Personal Fund of Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences A. I. Lepeshkin)', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 6(4), pp. 94–104. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-4-24-94-104>

В личном фонде члена-корреспондента Академии Наук СССР, специалиста в области советского государственного права, Алексея Ильича Лепёшкина, хранящемся в Архиве РАН¹ находятся два памятных альбома, составленные учениками партийных академий ГДР в 1952 г. и подаренные А.И. Лепёшкину. Алексей Ильич Лепёшкин — советский юрист, специалист по советскому государственному строительству, доктор юридических наук (1954), член-корреспондент АН СССР (1969), профессор (1954), полковник юстиции (1954). Отметим в богатой событиями биографии Алексея Ильича только несколько важных для настоящего исследования фактов. А именно — с февраля по июнь 1952 г. по решению ЦК ВКП(б), А.И. Лепёшкин находился в командировке в ГДР, где им был прочитан курс лекций по Советскому государственному праву для слушателей Высшей партийной школы при ЦК СЕПГ (Центральном Комитете Социалистической единой партии Германии) и для слушателей других партийных учебных заведений Германии (Института общественных наук при ЦК СЕПГ, Административной академии им. Вальтера Ульбрихта и Школы демократической молодёжи); с 1972 г. и до своей смерти в 1977 г. он являлся профессором кафедры государственного права МГИМО при МИД СССР. А.И. Лепёшкин умер в 1977 г., похоронен в Москве.

Для начала отметим: в поле внимания общественной мысли в настоящее время постоянно оказываются дискуссии о соотношении традиционного и современного в культуре, о значении сохранения традиционных элементов и феноменов. В данном контексте актуальны свидетельства о распространении бытования разнообразных традиционных культурных форм и жанров в различные исторические периоды. Такое культурное явление, как частные рукописные альбомы, описываемое приблизительно с XVI в. и до настоящего времени, имеет семантическое разнообразие и широкое функциональное поле, в соответствии с чем рассматривается различными группами исследователей с неодинаковых позиций — литературоведами, фольклористами, этнографами, антропологами и психологами. В данной работе мы будем придерживаться методов, позволяющих рассмотреть памятные альбомы в совокупности содержащихся в них материалов как феномен культуры и в то же время особый жанр письменного фольклора, представлявший собой традиционную письменную коммуникативную практику. В этом подходе мы опираемся на работы современных исследователей М.П. Алексеева [Алексеев, 1960], В.Э. Вацура [Вацура, 1977], С.Б. Борисова [Борисов, 1996; 2000], Н.Б. Лебедевой [Лебедева, 2001; 2004], В.Ф. Лурье² и других а также собирателей и издателей объектов

¹ АРАН. Личный фонд члена-корреспондента АН СССР А.И. Лепешкина, дела № 50 – 51 (Ф.№ 2004, оп. № 1, д. № 50 – 51)

² Лурье В.Ф. Современный девичий песенник-альбом // Двоеточие. — 2021. — 28 фев. — URL: <https://dvoetochie.org/2021/02/28/lurie/>; Дембельский альбом — русский Art Brut между субкультурой и книгой художника: Сборник материалов и каталог выставки / Сост.: Михаил Карасик и др. — Санкт-Петербург: М.К. & Хармсиздат, 2001. — 72 с.; Поэзия в казармах: русский солдатский фольклор из собрания "Боян" Андрея Бройдо, Джаны Кутьиной и Якова Бройдо / редактор и составитель М. Л. Лурье. — Москва, ОГИ, 2008. — 562 с.; Поэтическая речь русских. Народные песни и современный фольклор собрали Андрей Бройдо, Яна Кутьина, Яков Бройдо. — URL: <https://daabooks.net/indexkoi.html>

материальной и нематериальной народной культуры России.

Памятный альбом возник в близком соседстве с книжной культурой и был первоначально атрибутом исключительно образованных людей своего времени. Первые альбомы являлись родом дневника. Их заводили европейские странствующие студенты. В собрании Отдела рукописей ИРЛИ РАН (Пушкинского Дома) хранятся альбомы, которые относятся ко второй половине XVIII в. Это «штамбухи» (Stammbuch). Подобные альбомы были распространены в Германии XVI–XVII вв. Уже говоря об этих альбомах, можно с уверенностью употребить термин «рукописный жанр», поскольку в образцах того времени закреплены чёткие неизменно повторяющиеся жанровые признаки. Среди них можно назвать обязательное наличие титульного листа с цветным нарисованным гербом, на котором также могли присутствовать краткий девиз и имя владельца, его сословные титулы. Обязательны были листы, оформленные определённым образом — непременно цитата или изречение, возможно на латыни, затем — стихи, сочинённые владельцем, расположенные так, чтобы занять весь лист. Если запись стихотворения в альбоме была сделана другом или знакомым владельца, писавший также сопровождал её своим кратким девизом, внизу слева листа указывал место и дату записи, добавлял какое-либо посвящение и ставил красивую подпись, в которой могла быть указана профессия и статус в обществе. Такие штамбухи перемещались вместе с владельцем, если он путешествовал. В некоторых случаях можно проследить карту перемещений хозяина, а подписи влиятельных лиц могли, при случае, служить рекомендательным письмом [Вацуро, 1997]. Первые альбомы с записями в Российском высшем обществе принадлежали мужчинам, привезшим эту традицию из Европы, после обучения в университетах. Впослед-

ствии альбом стал элементом не только мужской, но и женской, а также девичьей салонной культуры. В дальнейшем, вместе с девушками дворянского сословия, памятный альбом попал в городские гимназии; там его ареал обитания значительно расширился за счёт перехода сословной границы, а стиль снизился — среди текстов и нотных фрагментов, записанных в девичьи гимназические альбомы XIX в., могут уже встречаться не только стихи элитарных авторов и рассказы профессиональных литераторов, но и тексты жестоких романсов, а также сентиментальные стихи со множеством привычных эпитетов и литературных штампов [Борисов, 1996]. Таким образом, начиная с периода конца XIX в. можно говорить о закреплении памятного альбома (составленного детьми, подростками, молодыми людьми для употребления внутри своей среды) как отдельного письменного фольклорного жанра детской и молодёжной культуры. Уже с этого периода почти нет свидетельств, чтобы такого рода альбомы вели взрослые или пожилые люди³.

В советской школе после Октябрьской революции девичьи альбомы продолжали существовать в качестве достаточно стабильного фольклорного жанра⁴. Формальные жанровые признаки, такие, как особым образом оформленный титульный лист, страницы с пожеланиями и анкетами, тексты песен, нарисованные или вклеенные иллюстрации, сохранялись. Среди стихотворных пожеланий могли многократно повторяться одни и те же тексты, сохранявшиеся неизменными с довоенного времени (1930-е – 1940-е гг.) и практически до начала 1990-х гг. [Архипова, 2006: 26–32; Архипова, 2005; 184–189; Базанов, 1998: 72].

Перейдем к описанию памятных альбомов, составленных и украшенных немецкими студентами и преподавателями и подаренных профессору А.И. Лепёшкину во

³ Стратен В.В. Творчество городской улицы // Художественный фольклор. — 1927. — Вып. II–III. — С. 144–164.

⁴ Ханютин А. Школьный рукописный альбом-песенник: новый успех старого жанра // Массовый успех [Сб. ст.] / ВНИИ искусствознания. — Москва, 1989. С. 195–197.

время пребывания в ГДР в 1952 г. Первый составлен слушателями Высшей партийной школы имени Карла Маркса, второй — слушателями другой Высшей партийной школы, имени Вильгельма Пика.

В альбоме из школы «Карл Маркс» при Центральном Комитете Социалистической единой партии Германии 18 листов плотной бумаги цвета слоновой кости. Переплёт из искусственной кожи красного цвета. На лицевой стороне обложки четыре теснённых золотом профиля — Карл Маркс, Фридрих Энгельс, В.И. Ленин и И.В. Сталин. Тексты и изображения в альбоме расположены только с одной стороны листа, обратная сторона всех листов альбома пустая. Формат альбома — А4. Первые три листа напечатаны типографским способом голубой краской. Шрифт стилизован под отрывистый письменный, с характерными утолщениями, как при письме пером. На первом листе — посвящение «Нашему уважаемому товарищу профессору Лепёшкину»⁵. Далее, по центру листа — овальная эмблема Социалистической Единой Партии Германии, на которой изображено рукопожатие. Ниже подпись: «Высшая партийная школа «Карл Маркс» при Центральном Комитете Социалистической единой партии Германии». На втором листе напечатан длинный текст посвящения А.И. Лепёшкину, который приводится ниже. «Дорогой⁶ товарищ, профессор Лепёшкин! Мы имеем сердечную потребность высказать Вам перед Вашим отъездом домой, в Советский Союз, доказательство нашей благодарности за Вашу неоценимую помощь нам в усвоении марксизма-ленинизма. Впервые нам выпало большое счастье заниматься с представителем Коммунистической партии Советского Союза, партии Ленина и Сталина. Мы очень рады, нас переполняет гордость. Вами впервые в истории школы был проведён полноценный цикл лекций об устройстве государства в СССР и о советском государственном праве. Ваши лекции помогли нам глубже проник-

нуть в учение Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, начать более ответственно относиться к учёбе. Лекции о Государстве и праве внесли значительный вклад в лучшее понимание нами роли и значения также и нашего государства в борьбе за мир и восстановление единства Германии. Нам стало совершенно ясно, что нашей партии ещё предстоит тяжёлая борьба, прежде чем победа над врагами рабочего класса будет достигнута. Мы будем добиваться этой победы, руководствуясь духом любви к родине и к пролетарскому интернационализму. Товарищ Лепёшкин, Вы дали нам образец горения этим духом. Совместная работа ведёт к сердечным отношениям, чтобы ещё больше объединиться в борьбе против общего врага. Мы считаем, что обязаны сделать всё возможное, чтобы Ваше сердечное отношение к студентам и наша ответная любовь стали достоянием всей нашей партии и более того, всего трудящегося народа Германии. Вам, товарищ Лепёшкин, мы желаем, чтобы и в других местах, где Вы будете преподавать, Вам сопутствовал, как и у нас, большой педагогический успех! Желаем Вам крепкого здоровья! Ваши глубокие знания всегда будут для всех нас ориентиром, Ваша скромность — образец для подражания, а Ваше единство с трудящимся народом всегда будет неизменным путеводителем на трудной дороге нашей борьбы».

Подпись: «Учителя и ученики партийной высшей школы «Карл Маркс» при ЦК Социалистической единой партии Германии. Июнь 1952 года».

С одной стороны, перед нами типичный панегирик, написанный вполне в духе похвалы римскому полководцу или списанный с похвального слова христианскому святому. С другой стороны — это посвящение старшему другу, товарищу, совместная работа с которым привела к сердечным отношениям, которые авторам поэтического посвячительного текста хочется сделать «достоянием всей партии и <...> трудяще-

⁵ Здесь и далее перевод с немецкого с.н.с. ЦМДКИ им. Андрея Рублёва, к.и. Л.В. Кондрашкова.

⁶ Дражайший — дорогой в превосходной степени (прим. пер.).

гося народа». Здесь похвала переходит в страстное признание, по накалу чувства не уступающее романтическому письму к возлюбленной. Описание романтических чувств и ожиданий, стихи о любви — важный элемент, также один из жанровых признаков памятных альбомов молодых людей. В случае данного текста из альбома, любовь для молодых немецких строителей социализма и коммунизма — это благородное сердечное чувство к товарищам по партии, по классовой борьбе.

Второй текст, расположенный на третьей странице альбома — история создания Высшей партийной школы «Карл Маркс», он значительно менее эмоционально окрашен, носит скорее формальный характер. В тексте упоминается, что учебное заведение не могло бы быть создано без помощи Советского Союза и что о жизни Школы рассказывает этот альбом.

Начиная со следующего листа в альбом вклеены фотографии. Листы с фотографиями окантованы печатной линией голубого цвета. Вверху листа, по центру окантовка прерывается так же, типографским способом напечатанным кругом с эмблемой — два флага (флаг ГДР и СССР) и подпись по кругу: «Немецко-советская дружба». Подписи под фотографиями сделаны от руки, тонким пером печатными буквами. На фотографиях изображены видные политические деятели Восточной Германии того времени во время визитов в Высшую партийную школу «Карл Маркс» — Вильгельм Пик, Вальтер Ульбрихт, Отто Гротеволь. Под одной из фотографий Вильгельма Пика написано «Боевой товарищ Эрнста Тельмана Вильгельм Пик — наш кумир». В этой подписи налицо яркое эмоциональное переживание (или его имитация) восторга перед вождем, восхищения. Термин «кумир» — неформальный. Интересная деталь — товарищ Вальтер Ульбрихт на фотографии выступает со сцены перед учениками Высшей школы «Карл Маркс» под своим большим портретом и написанной крупными буквами цитатой из своего же высказывания — они висят на заднике сцены.

Есть также в этом альбоме фотографии деятелей мирового коммунистического

движения — Елена Димитрова выступает на собрании в честь 70-летия Георгия Димитрова. Среди фотографий также — студенты в аудитории, обстановка комнаты в общежитии Школы, студенты школы участвуют в праздничной первомайской демонстрации и в ожидании начала шествия танцуют под гармонь. Последняя фотография в альбоме — торжественное собрание в актовом зале Школы в честь 71-го дня рождения товарища И.В. Сталина — на заднике сцены растянут огромный баннер с поясным портретом Сталина, в президиуме — гражданские официальные лица, около сцены сидят военные. На последней странице без фотографий — высказывание Вальтера Ульбрихта, в 1952 г. являвшегося Генеральным секретарём Центрального Комитета Социалистической единой партии Германии: «Отправной точкой для повышения уровня нашей идеологической работы и обучения в партийной школе является углубление изучения истории Коммунистической партии большевиков Советского Союза». Поскольку профессор А.И. Лепёшкин преподавал немецким студентам советское право и историю коммунистической партии, эту цитату можно считать обращённой лично к нему как обоснование уважения и благодарности слушателей.

Во втором альбоме 19 страниц. Изображения, тексты и фотографии расположены также только с одной стороны листа — оборотная сторона листа пустая. Переплёт выполнен из искусственной кожи, тиснения или каких-либо надписей на обложке нет, обложка скреплена через две круглые дырки красным шёлковым шнурком. Формат альбома — А4. Этот альбом составлен студентами Высшей молодёжной школы имени Вильгельма Пика, или, как и в случае названия первого учебного заведения — просто школы «Вильгельм Пик». В отличие от описанного нами ранее, данный альбом красочно оформлен. На первой и шестой страницах — рисунки красками или цветными чернилами, выполненные очень искусно, со множеством тонких линий, с орнаментальными элементами, по стилю больше всего напоминающие миниатюры из церковных рукописей. На первом листе

среди яркого цветочного орнамента сопоставлены две эмблемы — Союза свободной немецкой молодёжи (FDJ) и аналогичной молодёжной организации Советского Союза — Всесоюзного Ленинского коммунистического союза молодёжи (ВЛКСМ); на шестом листе в медальоне по центру страницы, в орнаментальной рамке из изображений красных знамён, голубей, цветов и листьев, восходящих солнц с оранжевыми лучами и колосьев, помещены портреты в профиль И.В. Сталина и Вильгельма Пика.

Первая страница с посвящением А.И. Лепёшкину (текст посвящения: «Товарищу профессору Лепёшкину в качестве благодарности и напоминания о высшей молодёжной школе «Вильгельм Пик» Высшая молодёжная школа, 20 июня 1952 года») и последняя, с высказыванием Ким Ир Сена («Народ, освобожденный Советской Армией, не будет вновь поработён империалистами») выполнены крупным готическим шрифтом. Причём в тексте высказывания Ким Ир Сена первая буква также вызывает ассоциации с летописным рукописным стилем — она украшена орнаментом, состоящим из ружей, красных знамён и лавровой ветви.

В данном альбоме нет длинного текста с посвящением или похвальным словом А.И. Лепёшкину, как в альбоме, описанном выше, — но здесь значительная доля экспрессии и эмоционального отношения выражена через визуальный строй изображений. Если в предыдущем альбоме большинство фотографий отражают официальные или рутинные учебные моменты, люди запечатлены в статичных позах, то здесь наоборот — большая часть фотографий показывает эмоционально насыщенные моменты из жизни студентов школы, какой-либо род их активных действий. Все подписи к фотографиям тут выполнены крупным шрифтом, широким синим фломастером. Фотографии обведены по линейке тем же синим фломастером, с отступлением от края фотографии 1–2 мм. Под первой фотографией, на которой студенты разглядывают стенд с фотографией молодого Иосифа Виссарионовича Сталина, подпись: «Учиться у Сталина значит учиться побеждать». Далее следуют фотографии

здания школы, фотография Вильгельма Пика с учащимися, с подписью: «Вильгельм Пик — большой друг, помощник и учитель молодёжи». После рисованной вставки — групповая фотография с ещё одним гостем из СССР — председателем антифашистского комитета советской молодёжи В. Кочемасовым, который, как пишет автор подписей, «передаёт привет от славного Комсомола».

Следующий снимок — четверо улыбающихся молодых людей и одна девушка в солнечный день, на фоне деревьев, с чемоданами идут навстречу фотографу. Один из юношей в тёмной рубашке, светлых шортах и тёмных туфлях с носками. Подпись к фото: «Слушатели высшей юношеской школы Вильгельм Пик — по большей части дети рабочих и крестьян». Из внешнего вида молодёжи нельзя сделать вывод ни о какой сословной или классовой принадлежности, они просто опрятно и скромно одеты по моде того времени. Слушатели в аудитории; слушатели у стендов с рассказом об истории партии; слушатели у книжных полок; студенты спиной к нам, внимательно смотрящие на лектора с указкой у доски, который, как следует из подписи «интенсивно изучает с ними историю КПСС» (на фото не профессор А.И. Лепёшкин, но, видимо, этот кадр в подборке акцентирует значимость его миссии) — уже, как видим, традиционные для памятного альбома партийной школы сюжеты, визуализирующие основные виды задач партийного учебного заведения. Следует кадр заседания педагогического состава Школы — на стене за спиной президиума — строки стихотворения Владимира Маяковского, посвящённые партии и переведённые на немецкий язык. Следующий кадр метафорически выражает стремление, волю, силу духа — юноша прыгает в длину, фотограф ловит героя в воздухе, ожидающие своей очереди другие молодые люди, стоящие на фоне, переглядываются. Подпись: «Во время тренировки для получения значка спортивных достижений “Готов работать и защищать мир”». К фотографии, на которой девушки и юноши стремительно кружатся в хороводном танце, шутливая подпись: «В культурных кружках».

Интересна художественная композиция фотографии на которой трое молодых людей в шортах и с оголённым торсом копают яму — центр композиции сдвинут вправо относительно оси симметрии изображения — молодой человек, находящийся в центре, смотрит на товарища слева, находясь к нему вполоборота. Крайний справа юноша стоит ниже всех, в яме. На фотографии запечатлён солнечный погожий день, юноши улыбаются. Подпись: «На добровольных началах мы помогаем в строительстве нашей новой школы». На следующем листе тема строительства нового здания продолжается — на нём три фотографии более маленького формата, изображающие строящееся угловое здание в лесах с разных ракурсов.

После уже упоминавшегося листа с каллиграфической записью высказывания Ким Ир Сена в альбоме есть ещё один лист с фотографией — на ней изображены два горниста в одинаковых рубашках с длинным рукавом и нагрудными карманами, рубашки заправлены в шорты. Шорты у обоих молодых людей подпоясаны ремнём. На ногах у горнистов одинаковые чёрные лаковые ботинки и белые носки. Они стоят на небольшом постаменте за спиной у них берёзы. Левая рука у обоих находится на поясе, в правой они держат горн, прижав к губам и запрокинув голову. На горнах закреплены небольшие куски материи — флаги или вымпелы, предположительно красного цвета. Подпись к этой финализирующей фотографии: «FDJ (Союз свободной немецкой молодёжи) борется за создание единой, демократической, независимой и миролюбивой Германии и призывает молодёжь всей Германии к этой борьбе». Это прямое указание на политические события того времени — раздел Германии и определение на территориях вновь созданных государств зон влияния СССР и США.

Итак, «наследниками» средневековых альбомов странствующих студентов являются не только девичьи школьные альбомы, но и памятные альбомы других сообществ и частных лиц. Вопрос отнесения какого-либо собрания фотографий, рисунков, текстов к фольклорному жанру, стоит рассматривать, комплексно анализируя

как содержательную и формальную сторону объекта материальной культуры, попадающего в поле зрения исследователя, так и контекст его создания и дальнейшего бытования [Чистов, 1995]. Так, наличие красочно оформленного титульного листа в описываемых альбомах, посвящений и/или пожеланий, которые там присутствуют, рисунков от руки, рукописных подписей к изображениям с развёрнутыми комментариями, которые, как следует из подробного описания, также имеются в данных альбомах, является указанием на сохранение характерных традиционных элементов письменного фольклорного (народного) жанра. Факт же изготовления и заполнения альбомов молодыми людьми помещает объект в соответствующий условиям бытования фольклорного жанра контекст [Щепанская, 1993].

Два описанных альбома, составленные, как уже говорилось, в конце 1952 г. учебного года, были подарены А.И. Лепёшкину учащимися упомянутых Высших партийных школ в июне. Из подписей к фотографиям мы знаем, что среда происхождения молодых людей предположительно была рабоче-крестьянской. Система школьного образования на территории ГДР на тот момент была унифицированной и выстроена по образцу советской школы на основании Закона о демократизации немецких школ, вступившего в силу в 1946 г. и отменённого только в 1959 г., после принятия нового закона «О социалистическом развитии школьной системы в ГДР». Т.е. можно предположить, что с традицией составления альбомов с рисунками и подписями молодёжь познакомилась в школьные годы. Каллиграфические готические надписи и рисунки с орнаментальным украшением, возможно, следствие религиозного воспитания и образования детей в немецких семьях — христианское церковное обучение, выведенное за рамки гражданской школы, сохранялось и в ГДР. Многие видные немецкие коммунисты получили церковное воспитание и образование, — в частности, упоминавшийся выше и изображённый на фотографиях в описанных альбомах Вильгельм Пик. Альбомы, составленные для приехавшего из СССР профессора, макси-

мально лишены индивидуалистических черт и признаков — в них нет частных пожеланий, все обращения к профессору А.И.Лепёшкину — коллективные, от некоего усреднённого студента и преподавателя. Нам неизвестны имена составителей альбома, данные творения обычно анонимны и являются произведениями коллективного народного творчества и фактами народной культуры. Желание выражать письменно чувства и мысли, не важно — реальные или мнимые, не имеет специфической традиционной культурной окраски, но практика помещать их выражение в конкретную жанровую форму свидетельствует о сохранении в сообществе определённых традиций механизмов функционирования жанровой структуры памятного альбома, что очевидно при анализе состава материалов немецких альбомов из личного фонда профессора А.И. Лепёшкина. Как часто эти альбомы просматривались Алексеем Ильичом — неизвестно. Вёл ли он сам какого-то рода альбомы или памятные книги — мы не знаем, в личном фонде подобных документов не содержится. Можно предположить, что отчасти привезённые в СССР из-за границы альбомы, свидетельствовавшие об опыте работы в другой стране, могли снова приобрести функциональное значение, схожее с родоначальниками жанра — альбомами странствующих студентов, и восприниматься как своего рода рекомендательное письмо, свидетельство социального статуса.

Итак, на основании вышеприведённых фактов, а также основываясь на представленном материале — памятных альбомах

Высших партийных школ ГДР, 1952 г.⁷, мы можем сделать обобщающие выводы.

1. Рассмотренные нами альбомы относятся к корпусу письменного фольклора, к его широко бытующему жанру — рукописным альбомам.

2. Наличие практики составления подобных альбомов в коммунистических вузах ГДР свидетельствует о сохранении в послевоенной Восточной Германии, находившейся под советским влиянием, бытования в молодёжной среде фольклорного письменного жанра памятного альбома.

3. Подобными альбомами, независимо от их содержания, сохранялась фольклорная прагматика, жанровые признаки и формы бытования.

Смена социального устройства в немецком обществе Восточной Германии не повлияла на сохранение жанрового своеобразия памятных альбомов, структура формы сохранилась. В некоторых, случаях (в качестве такого примера культурного артефакта и выступают рассмотренные нами альбомы), а именно — когда альбом составлялся коллективно для официального преподнесения, содержательная часть являлась выражением поставленной цели и зачастую носила пропагандистский политический характер. При этом пожелания и комментарии, вносившиеся в альбом, оставаясь в достаточной степени свободными, обладающими свойственной молодому поколению непосредственностью выражения чувства, приближаются тем не менее к общим стилистически сглаженным высказываниям, социально одобряемым в данном культурно-историческом контексте.

Список литературы:

Алексеев М.П. Из истории русских рукописных собраний // Неизданные письма иностранных писателей XVIII—XIX веков из ленинградских рукописных собраний. — Москва; Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1960. — С. 7–122.

Архипова Г.Ф. Девичий альбом: к вопросу о происхождении жанра // Культура и текст. — 2005. — № 10. — С. 184–189.

⁷ АРАН, ф.№ 2004

Архипова Н.Г. Рукописные девичьи альбомы: жанрово-тематическое своеобразие // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 4. — Благовещенск: АмГУ, 2006. — С. 26–32.

Базанов В.А. Функциональный аспект бытования детских анкет // Традиционная культура и мир детства. — Ульяновск: Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова, 1998. — С. 65–72.

Борисов С.Б. Культурология девичества. — Шадринск: Шадринский государственный педагогический институт, 2000. — 87 с.

Борисов С.Б. Прозаические жанры девичьих альбомов // Новое литературное обозрение. — 1996. — № 22. — С. 362–379.

Вацура В.Э. Литературные альбомы в собрании Пушкинского Дома (1750–1840 гг.) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома. — 1977. — Т. 1975. — С. 3–56.

Лебедева Н.Б. Естественная письменная русская речь как объект лингвистического исследования // Вестник Барнаульского государственного педагогического университета. — 2001. — № 1–2. — С. 4–10.

Лебедева Н.Б. Культурологический аспект описания естественной письменной речи // Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты, Бийск, 22–24 сентября 2004 года. Том 1. — Бийск: Бийский педагогический государственный университет им. В. М. Шукшина, 2004. — С. 212–218.

Чистов К.В. Фольклор в культурологическом аспекте // Гуманитарий. Ежегодник Петербургской гуманитарной академии. — 1995. — № 1. — С. 164–175.

Щепанская Т.Б. Символика молодежной субкультуры: опыт этнографического исследования системы, 1986–1989 гг. — Санкт-Петербург: Наука - СПИКФ, 1993. — 352 с.

References:

Alekseev, M. P. (1960) 'Iz istorii russkikh rukopisnykh sobraniy [From the History of Russian Manuscript Collections]', in *Neizdannyye pis'ma inostrannykh pisateley XVIII—XIX vekov iz leningradskikh rukopisnykh sobraniy [Unpublished Letters of Foreign Writers of the 18th – 19th Centuries from Leningrad Manuscript Collections]*. Moscow; Leningrad: Izd-vo Akad. nauk SSSR Publ., pp. 7–122. (In Russian).

Arkhipova, G. F. (2005) 'Devichiy al'bom: k voprosu o proiskhozhdenii zhanra [Girls' Album: on the Origin of the Genre]', *Kul'tura i tekst*, (10), pp. 184–189. (In Russian).

Arkhipova, N. G. (2006) 'Rukopisnyye devich'i al'bomy: zhanrovo-tematicheskoye svoyeobrazie [Handwritten Girlish Albums: Genre-Thematic Originality]', in *Slovo: Fol'klorno-dialektologicheskii al'manakh. Vyp. 4 [Word: Folklore-Dialectological Almanac. Issue. 4]*. Blagoveshchensk: AmGU Publ., pp. 26–32. (In Russian).

Bazanov, V. A. (1998) 'Funktsional'nyy aspekt bytovaniya detskikh anket [Functional Aspect of the Existence of Children's Questionnaires]', in *Traditsionnaya kul'tura i mir detstva [Traditional Culture and the World of Childhood]*. Ulyanovsk: Ul'yanovskiy gosudarstvennyy pedagogicheskii universitet im. I.N. Ul'yanova Publ., pp. 65–72. (In Russian).

Borisov, S. B. (1996) 'Prozaicheskiye zhanry devich'ikh al'bomov [Prosaic Genres of a Girl's Album]', *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, (22), pp. 362–379. (In Russian).

Borisov, S. B. (2000) *Kul'turanthropologiya devichestva [Cultural Anthropology of Girlhood]*. Shadrinsk: Shadrinskii gosudarstvennyy pedagogicheskii institut. (In Russian).

Chistov, K. V (1995) 'Fol'klor v kul'turologicheskom aspekte [Folklore in the Cultural Aspect]', *Gumanitarniy. Yezhegodnik Peterburgskoy humanitarnoy akademii*, (1), pp. 164–175. (In Russian).

Lebedeva, N. B. (2001) 'The Russian Naive Written Speech as the Object of Linguistic Research', *Vestnik Barnaul'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, (1–2), pp. 4–10. (In Russian).

Lebedeva, N. B. (2004) 'Kul'turologicheskii aspekt opisaniya yestestvennoy pis'mennoy rechi [Culturological Aspect of the Description of Natural Written Speech]', in *Yazykovaya kartina mira: lingvisticheskii i kul'turologicheskii aspekty, Biysk, 22–24 sentyabrya 2004 goda. Tom 1. [Linguistic Picture of the World: Linguistic and Cultural Aspects, Biysk, September 22–24, 2004. Vol. 1]*. Biysk: Biyskiy pedagogicheskii gosudarstvennyy universitet im. V. M. Shukshina Publ., pp. 212–218. (In Russian).

Shchepanskaia, T. B. (1993) *Simvolika molodezhnoy subkul'tury: opyt etnograficheskogo issledovaniya sistemy, 1986-1989 gg* [Symbolism of Youth Subculture: an Ethnographic Study of the System, 1986-1989]. Saint Petersburg: St.Petersburg publishing house Nauka. (In Russian).

Vaczuro, V. E. (1977) 'Literaturnyye al'bomy v sobranii Pushkinskogo Doma (1750–1840 gg.) [Literary Albums in the Collection of the Pushkin House (1750–1840)]', *Ežegodnik rukopisnogo otдела Puškinskogo doma*, 1975, pp. 3–56. (In Russian).

Информация об авторе

Оксана Федоровна Ежова — кандидат филологических наук, научный сотрудник Архива Российской академии наук, 117218, Москва V-218, ул. Новочеремушкинская, 34. (Россия)

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Oksana F. Ezhova — PhD in Philology, research associate of the Archive of the Russian Academy of Sciences, 34, Novocheremushkinskaya str., Moscow, 117218 (Russia).

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 30.08.2022; одобрена после рецензирования 30.09.2022; принята к публикации 15.10.2022.

The article was submitted 3.08.2022; approved after reviewing 30.09.2022; accepted for publication 15.10.2022.

Исследовательская статья

УДК 008

<https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-4-24-105-114>

ХРУПКИЕ СВЯЗИ: ИСПАНСКАЯ ТЕМАТИКА В СОВЕТСКОМ ФАРФОРЕ

Екатерина Олеговна Гранцева

Институт Всеобщей Истории РАН, Москва, Россия

kgrantseva@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7449-1314>

Аннотация. Статья посвящена исследованию «испанской темы» в советском фарфоре. Автор анализирует отражение стереотипного восприятия Испании в мелкой фарфоровой пластике советского периода на примере работ скульпторов Государственного фарфорового завода Н.Я. Данько, Е.А. Янсон-Манизер, К.С. Рыжова и А.И. Жирадкова, Городницкой фарфоровой фабрики Р. Манчук, Ленинградского завода фарфоровых изделий В.И. Сычева и Т.А. Фёдоровой, Конаковского фаянсового завода Е.М. Гуревич, Дмитровского фарфорового завода (Вербилки) Г.И. Озолиной, Полонского завода художественной керамики И.И. Мозолевского и изготовлявшей модели для него О.Л. Жникруп, работавшей на Киевском экспериментальном художественно-керамическом заводе (КЭКХЗ). Среди составляющих «испанской темы» автор выделяет романтические образы фламенко («испанского танца») и корриды, ключевые образы испанской литературной традиции — героев Сервантеса Дона Кихота и Санчо Панса, главного женского образа Кармен, созданного французом Проспером Мериме и закрепившегося в музыкально-танцевальном искусстве. К этим традиционным составляющим восприятия Испании в XX в. добавляется интерпретация в агитационном фарфоре переломного события испанской истории XX в. — гражданской войны 1936–1939 гг. В качестве ещё одного ракурса рассмотрения «испанской темы» в советском фарфоре предлагается формирование образов испанки и испанца, нашедших отражение во всех представленных сюжетах. Автор приходит к выводу, что основополагающими для «испанской темы» становятся танцевальные сюжеты, именно им посвящено большинство скульптурных работ, к ним обращались представители разных поколений мастеров советского фарфора. Эти же сюжеты транслируют и главный смыслообразующий, а также самый популярный и тиражированный в массовом сознании образ «испанской темы» — образ «испанки-Кармен».

Ключевые слова: СССР, Испания, фарфор, мелкая пластика, имагология, стереотипы, советский балет, испанский танец, Кармен, коррида, Дон Кихот

Для цитирования: Гранцева Е.О. Хрупкие связи: испанская тематика в советском фарфоре // Концепт: философия, религия, культура. — 2022. — Т. 6, № 4. — С. 105–114. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-4-24-105-114>

Research article

FRAGILE TIES: SPANISH THEMES IN SOVIET PORCELAIN

Ekaterina O. Grantseva

Institute of World History of the Russian Academy of Science, Moscow, Russia
kgrantseva@yandex.ru <https://orcid.org/0000-0001-7449-1314>

Abstract. The article is devoted to the study of the so-called *Spanish theme* in Soviet porcelain. The author analyzes the reflection of the stereotypical perception of Spain in small porcelain sculptures of the Soviet period produced by a variety of manufactures. Among the components of the *Spanish theme* the author highlights the images of flamenco (*Spanish dance*), bullfighting, most recognizable heroes of Cervantes such as Don Quixote and Sancho Panza, and fiery Carmen who was created by Prosper Mérimée and has become the stereotypical Spanish woman of the 19th century in the popular imagination thanks to the similarly named music and dance pieces. These traditional components of the perception of Spain in the 20th century were supplemented by the interpretation in propaganda porcelain of the turning point in the Spanish history — the civil war of 1936-1939. The article proposes another perspective on the *Spanish theme* in Soviet porcelain and considers the formation of the images of Spaniards, men and women. Such images are reflected in all the plots presented herein. Most of the sculptural works by different generations of Soviet porcelain masters are devoted to dance. The author concludes that dance scenes, including the ones that refer to Carmen are fundamental for the *Spanish theme* in Soviet porcelain.

Keywords: USSR, Spain, porcelain, small plastic arts, imagology, stereotypes, Soviet ballet, Spanish dance, Carmen, bullfight, Don Quixote

For citation: Grantseva, E. O. (2022) 'Fragile Ties: Spanish Themes in Soviet Porcelain', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 6(4), pp. 105–114. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-4-24-105-114>

Советский фарфор — один из ярких символов отечественной культуры XX в. Его самобытность и высочайшее качество связаны, с одной стороны, с продолжением давних традиций производства фарфора в Российской империи, а с другой — обусловлены специфическими условиями развития советского декоративно-прикладного искусства в целом.

Тема образов и представлений об Испании широко представлена в современных исследованиях [Астахова, 2017; Багно, 2006; Гранцева, 2017], её можно назвать одной из самых значимых в современной испанистике [Гранцева, 2018: 274]. Однако среди работ, посвящённых отражению образов и представлений об Испании в различных сферах отечественной культу-

ры, декоративно-прикладное искусство и, в частности, фарфор, ещё не становились предметом научного анализа. При этом искусствоведы, изучающие советский фарфор, иногда упоминают испанские сюжеты в контексте других рассматриваемых ими проблем [Сапанжа, Иванова, Баландина, 2021].

Что же представляет собой «испанская тема» в советском фарфоре? Один из основных её признаков — трансляция стереотипного восприятия Испании. Как отмечает А.А. Королева, «в условиях диалога культур в символическом капитале национальной культуры на первый план выходят гетеростереотипы — устойчивые обобщенные представления о “других”. Обладая большой устойчивостью во времени, они преимущественно создают упрощённый односторонний образ, а порой искажают его» [Королева, 2018: 243].

В подобном стереотипном восприятии, отражённом артефактами советского фарфора, лидирующее места занимают фламенко (или «испанский танец»), а также тема корриды. Можно предположить, что ключевые образы испанской культурной традиции — Дон Кихот и Санчо Панса — так же должны были получить здесь отображение. Невозможно обойтись и без главного женского образа — Кармен, созданного французом Проспером Мериме и закрепившегося в музыкально-танцевальном искусстве. К этим традиционным составляющим восприятия Испании в XX в. добавляется интерпретация в агитационном фарфоре переломного события испанской истории XX в. — гражданской войны 1936–1939 гг., где значимую роль играло советское участие.

Таким образом мы можем говорить о четырёх основных сюжетах испанской темы — танец, герои Сервантеса, гражданская война и коррида. При этом эвристически перспективным представляется

исследовательский подход к определению специфики эндо- (внешних) образов *испанки* и *испанца*, что нашло отражение во всех представленных сюжетах.

Характеризуя в целом проблему образов народов мира и народов СССР в произведениях мастеров ЛФЗИ¹, Е.В. Иванова, отмечает: «национальные фарфоровые изображения... в художественной трактовке лаконичны и обтекаемы, они лишены как анатомической, так и этнографической достоверности в вопросе моделировки скульптурного объёма. Приоритетной задачей в выбранной теме мастер считал создание изображений, отражающих в первую очередь национальные характеры, традиции и обычаи выбранных народностей»².

Танцевальная тематика всегда была популярна в мелкой пластике и, конечно, испанский танец в разнообразных его проявлениях и интерпретациях является главной визитной карточкой «испанской темы». Именно танцу посвящено большинство исследовательских работ; именно к нему обращались представители разных поколений мастеров советского фарфора. Открытие темы «испанского танца» в советском фарфоре связано с легендарной фигурой — Натальей Данько.

Постреволюционное время и период гражданской войны не могли способствовать развитию фарфорового производства. Однако, как отмечал А.Б. Салтыков «уже в 1918 году на бывшем императорском фарфоровом заводе... под руководством талантливого художника-графика С. Чехнина образовалась группа молодых художников, создавших новый стиль росписи фарфора. Содержание этих росписей составляли образы и лозунги революции, переданные в разнообразных декоративных формах: эмблем, аллегорий, эпиграфики и орнаментики... Несколько позднее завод стал выпускать декоративные статуэтки. В этой области главную роль сыграла

¹ ЛФЗИ — Ленинградский завод фарфоровых изделий.

² Иванова Е.В. Произведения Ленинградского завода фарфоровых изделий 1950–1960-х годов в контексте истории советского художественного фарфора: диссертация ... кандидата искусствоведения: 17.00.04. — Санкт-Петербург, 2020. — С. 122.

скульптор Н. Данько — автор большого количества различных фигурок на современные темы» [Салтыков, 1959].

Наталья Яковлевна Данько родилась в 1892 г. в Тифлисе, обучалась в Строгановском художественном училище и в частных студиях. После переезда в Санкт-Петербург в 1908 г. училась у Л.В. Шервуда и В.В. Кузнецова и начала работать, занимаясь скульптурным украшением архитектурных построек. В 1914 г. Наталья Яковлевна устроилась на Императорский фарфоровый завод в Петрограде, который после революции был переименован в Государственный фарфоровый завод (ГФЗ). Одной из знаковых её работ этого периода стали шахматы «Красные и белые», находящиеся сейчас в экспозиции Государственной Третьяковской галереи. С 1919 г. Данько заведовала скульптурной мастерской ГФЗ и оставалась в этом качестве до начала Великой отечественной войны³. С 1928 г., после успеха на международных выставках и ярмарках, завод начал тиражировать поставляемые на экспорт коммерчески успешные работы лучших мастеров, в том числе и Натальи Яковлевны. А с 1931 г. она была назначена ответственным за выпуск скульптуры на экспорт. За четверть века Н.Я. Данько создала более трёхсот авторских произведений. Она признана отечественными и зарубежными специалистами как один из наиболее выдающихся и самобытных авторов советского фарфора.

В начале 1920-х гг. Наталья Яковлевна обращается к балетной теме, продолжая «традицию Императорского фарфорового завода, выпускавшего в начале XX века скульптуру с изображением артистов балета» [Доронина, 2015: 145]. Авторству Н.Я. Данько принадлежат образы самых знаменитых представителей русского балета того времени: Вацлава Нижинского, Анны Павловой и Софьи Фёдоровой. Надо

сказать, что эта тематика возникает параллельно с восстановлением наиболее популярных дореволюционных постановок на театральных сценах Москвы и Петрограда, когда «не оправдались предсказания скептиков и маловеров, которые в первые годы после Великой Октябрьской социалистической революции призывали к ликвидации классического балета, уверяя, что его не примет пролетарский зритель, что он будет ему “не по вкусу”»⁴.

Также надо упомянуть о необыкновенном зрительском успехе, который имел испанский танец «Панадерос» из балета А.К. Глазунова «Раймонда». Именно к нему в 1922 г.⁵ обращается Данько, создавая свой вариант образа испанки. Скульптура получила название «Кармен, или Испанский танец (Балерина С.В. Фёдорова — вторая в балете А.К. Глазунова «Раймонда»)». Эту же модель повторяют в начале 1950-х гг. при участии В.Ф. Рукавишниковой [Носович, 2005: 373]. Фигурка выделялась особой декоративностью и была представлена в двух вариантах костюмов: черно-фиолетовом и бело-желтом. Как отмечает Л.Н. Доронина, «скульптором подчеркнут бурный темперамент танцовщицы, приводящий, по утверждению Е. Гольцмана, публику в экстаз» [Доронина, 2015: 147]. Выразительная поза Софьи Фёдоровой соответствует и страстности образа, и темпераменту, который был присущ самой балерине. Фигурка экспонировалась на выставке в Венеции в 1922 г., продавалась на ярмарке в Лионе и в Стокгольме в 1923 г. и числилась «в списке изделий ГФЗ, пользующихся наибольшим спросом на внутреннем рынке и за рубежом» [Носович, 2005: 373].

Во второй половине 1930-х гг. важным станет и другое измерение «испанской темы», представленное в агитационном советском фарфоре данного периода. На смену романтическим образам, соз-

³ Самецкая Э.Б. Советский агитационный фарфор: справочник-определитель. — Москва: Collector's Books: IP Media Inc., 2004. — С. 133–134.

⁴ Советский балет в творчестве Е.А. Янсон-Манизер: альбом / сост. В.В. Стрекалов. — Ленинград: Художник РСФСР, 1965. — 130 с.

⁵ Отчёт ГФЗ за 1922–1923 гг. ЦГИАСП. Ф.2555. Оп.1. Л.565.

данным артистами балета и запечатлённым советскими скульпторами, пришли драматические сюжеты сражающейся с мятежниками республиканской Испании, той Испании, что по словам И. Эренбурга «не Кармен и не тореадоры».

Первым к трагическим событиям гражданской войны в Испании обращается Казимир Станиславович Рыжов. Скульптор, родившийся в Колпино, учился в Ленинградском художественно-промышленном техникуме и в Академии художеств. В 1930-х гг. работал на ГФЗ, а затем стал художественным руководителем Керамического завода в Гжели⁶.

1936 г. датируется его работа «Испанская женщина с ребёнком», представленная в каталоге ГФЗ⁷. Её колорит минималистичен. Художник использует белый, тёмные тона и оттенки красного. Фигура женщины и прижавшейся к ней девочки будто застыли в отчаянной попытке спастись от приближающейся беды, они полны драматизма и вызывают о помощи. Этот призыв созвучен надеждам республиканцев, обращённых осенью 1936 г. к Советскому Союзу.

В 1938 г. Рыжов снова обращается к испанской теме и создаёт скульптуру ««Испанский дружинник»: фигура испанского дружинника с девочкой на руках и винтовкой в правой руке»⁸. Композиция выполнена в технике бисквита (неглазированного фарфора), её лаконичная фактура добавляет скульптуре сходства с изделиями из мрамора. Фигура солдата, сообщающая спокойствие и уверенность в своих силах, оберегает ребенка. Именно это настроение важно было передать в тот период, когда из Испании всё чаще стали поступать печальные новости, а в Советском Союзе шла кампания помощи испанским детям.

Так же, как К.С. Рыжов, в 1936 г. к теме испанской войны обратился Алексей Иванович Жирадков⁹, выполнив скульптуру

«Испанская дружинница (Женщина-боец испанской дружины)». Данная композиция также выполнена в технике бисквита и представляет обобщённый образ сопротивляющейся испанки, готовой участвовать в боях на ряду с мужчинами. Интересны детали её костюма — это и широко распространённый в то время комбинезон, и эспадрильи на ногах, и неизменная «испанка» — пилотка с кисточкой.

Работы К.С. Рыжова и А.И. Жирадкова сегодня настоящие антикварные редкости, экземпляры которых хранятся в фондах ГМК «Кусково». Гораздо более массовыми были работы на «испанскую тему» Городницкой фарфоровой фабрики.

Ещё в конце XVIII в. князья Чарторыйские, владевшие расположенной под Житомиром Городницей, основали неподалеку фарфоровую фабрику, которая работала под руководством французов. В начале XIX в. филиал этого предприятия открылся в самой Городнице. Фабрика успешно работала до 1917 г., а в 1923 г. была вновь открыта после перерыва, вызванного революционными событиями, и получила новое название — Городницкий фарфоровый завод имени Коминтерна. Предприятие в этот период ориентировалось на выпуск агитационного фарфора.

Одним из наиболее значимых городницких авторов в довоенный период была Раиса Марчук. Именно ей принадлежит работа «Испанский солдат с ребёнком». Скульптура перекликается с образом, созданным К. Рыжовым, но трактовка Р. Марчук более сентиментальная. У солдата (так же, как в работе Рыжова) в руке зажата винтовка; но он изображён сидя и крепко прижимает ребёнка к себе. Скульптура Марчук расписана; в ней угадываются типичные элементы одежды солдата-республиканца, включая всё ту же пилотку-«испанку».

Обращалась Раиса Марчук и к формулированию женского образа, создав скульп-

⁶ Самецкая, с. 279.

⁷ Художественный фарфор: каталог / отв. ред. И.Т. Родинову; вводная статья: Е.Я. Данько. — Ленинград: Наркомтяжпром, Государственная контора справочников и каталогов, 1938. — 50 с.

⁸ Самецкая, с. 279.

⁹ Там же, с. 187.

птуру «Испанская дружинница с раненым бойцом». В отличие от Жирадкова, Марчук создала полный трагизма образ женщины-воительницы. По композиции работа напоминает классический образ «Пьеты». На руках у героини умирает раненый соратник по борьбе, и теперь она, как в офорте Гойи «Какое мужество», должна продолжить его дело.

Работы Марчук сегодня довольно широко распространены, они активно тиражируются, что не снимает вопросов, которые с ними связаны. Прежде всего, это вопрос датировки, так как клейма, обычно стоящие на них, относятся к первой половине 1930-х гг., когда гражданская война в Испании ещё не началась. Большинство каталогов ставит датировку «1930-е гг.»¹⁰, но, исходя из истории советско-испанских отношений в период гражданской войны 1936–1939 гг. очевидно, что скульптуры выполнены в период 1936–1938 гг., а путаница с клеймами вызвана большим количеством подделок.

Как известно, испанская гражданская война обернулась трагическим поражением Республики в апреле 1939 г. и разрывом дипломатических отношений между Испанией и СССР, продлившимся почти сорок лет. В этот период особую ценность приобрели неофициальные связи и продолжение межкультурного диалога в самых разных сферах. Не осталось в стороне и декоративно-прикладное искусство, включая производство фарфора.

В этот период тема испанских образов в танце, открытая работой Н. Данько, получила продолжение в творчестве Елены Александровны Янсон-Манизер, начавшей создавать «в 1934–1937 годах оригинальные композиции с изображением знаменитых танцовщиков в момент танца» [Доронина, 2015: 147].

Ещё в 1939 г. Елена Александровна обратилась к образу «Балерины Нины Стуколкиной в испанском танце фламенко»

(«Лауренсия»), а затем создаст целую серию образов невероятно изысканных и выразительных испанок, воплощённых отечественными мастерами балета¹¹. Среди них — «О.М. Берг в образе “Испанки” и О.Г. Иордан в образе Китри из “Дон-Кихота”» 1940 г., «Балерина Нина Анисимова в танце Панадерос» («Раймонда») 1946 г. и «Балерина Нина Фёдорова — Испанский танец» («Андалузская свадьба») 1961 г. Эти работы полны экспрессии и будто наполнены энергией испанского танца, со стуком кастаньет и полётом оборот пышных юбок. Не менее выразительны и мужские образы Янсон-Манизер, такие как «А.А. Лавренюк в роли Андалузца. “Испанское каприччио”» 1963 г.

Исследователи отмечают, что «период с 1956 по 1966 гг. отмечен серьезными изменениями, произошедшими в области художественной промышленности. С начала 1950-х гг. постепенно формируется представление о советском жилом интерьере, важную роль в котором занимают произведения промышленного дизайна — керамика, фарфор, стекло, металл. С началом строительства малогабаритного жилья и изменением эстетических координат меняется форма произведений, но не меняется общий принцип, важный для массового интерьера» [Сапанжа, Иванова, Баландина, 2020: 57]. Интерьер должен был украшаться произведениями, демонстрирующими вкусы и интересы хозяев. Среди тех, кто был способен создавать высококачественные предметы интерьера, был Владимир Исаакович Сычев, работавший на Ленинградском заводе фарфоровых изделий.

Среди его работ, в целом воплощавших раннюю послевоенную эстетику, «с её увлечённостью динамичными формами, экспрессивными движениями, предельно реалистическим подходом к изображению» [Сапанжа, Иванова, Баландина, 2020: 57], выделяются две, связанные с «испанской темой» и ставшие «важной вехой в исто-

¹⁰ Пелинский И., Сафонова М. Советский фарфор 1917–1991: Иллюстрированный каталог-определитель с марочником заводов и ценами. — Москва: Любимая книга, 2012. — С. 153.

¹¹ Советский балет в творчестве Е.А. Янсон-Манизер: альбом...

рии интерьерного фарфора» [Сапанжа, Иванова, Баландина, 2020: 61]: «Испанский танец» и «Болеро», созданные в 1950-е гг. Первая из них вдохновлена исполнением испанского танца в балете «Лебединое озеро» и изображает балерину Н.М. Стуколкину в эффектной позе с поднятыми руками, держащими сложенный веер. В схожей манере автор создал и мужской вариант статуэтки — скульптурный портрет А.Л. Андреева в испанском танце (но это произведение не было тиражировано).

Мужской и женский образы нашли своё воплощение во второй знаменитой «испанской» работе В.И. Сычева — скульптурной группе «Болеро», представлявшей сцену из балета «Дон Кихот» с участием тех же Н.М. Стуколкиной и А.Л. Андреева. Её композицию отличает динамизм и экспрессия, а роспись характеризует «обильное использование люстра, золотой кант на постаменте, глазурь белого фарфора и прорисовка лиц в цвете» [Сапанжа, Иванова, Баландина, 2020: 62].

В послевоенное время мастера советского фарфора обращаются и к воплощению главных героев испанской литературной традиции. Это происходит практически одновременно с выходом на экраны легендарного фильма В. Козинцева «Дон Кихот».

В 1958 г. мастер Конаковского фаянсового завода Елена Михайловна Гуревич создает работу «Дон Кихот и Санчо Панса», которая в том же году была направлена на Всемирную промышленную выставку в Брюсселе и удостоена там Серебряной медали¹². Автор использовала подглазурные краски и экспериментировала с технологическими возможностями фаянса, передавая мелкие детали образов.

Ещё один скульптор, создавший свою трактовку персонажей Сервантеса — Галина Ивановна Озолина, работавшая на Дмитровском фарфоровом заводе (Вербилки). Она училась у выдающегося мастера и пе-

дагога А.Т. Матвеева, в связи с именем которого говорят о «матвеевской традиции» в отечественной скульптуре, отличающейся художественной свободой. В 1970-х гг. Галина Ивановна обращается к миру искусства и создает серию театральных скульптур, среди которых «Дон Кихот и Санчо Панса». Работа вдохновлена спектаклем Театра В. Маяковского «Человек из Ламанчи». Перед нами контрастные образы «земного» Санчо Пансы и ушедшего в себя усталого рыцаря, опирающегося на свой меч [Советская скульптура, 1985].

Продолжая связанную с Дон Кихотом тему образа испанца в советском фарфоре, надо упомянуть о двух трактовках темы корриды, относящихся к 1968 г. Первая нашла воплощение в работе «Коррида» скульптора Ивана Ивановича Мозолева и выполнена на Полонском заводе художественной керамики; вторая представлена скульптурной группой «Тореадор и бык», созданной Тамарой Андриановной Фёдоровой¹³ на Ленинградском заводе фарфоровых изделий. Обе работы миниатюрны — 7,7 и 10 см соответственно, вероятно лаконичны и выразительны.

Фёдоровой же принадлежит и один из наиболее выразительных женских образов на испанскую тему — «Цыганка» (в каталогах упоминается и как «Испанский танец»; также встречается название «Кармен»), созданный в 1970-е гг. Колористическое решение здесь совпадает с работой «Тореадор и бык». Тамара Андриановна снова работает с белым, чёрным и красным цветом, схожа и стилистика фигур. Поэтому, несмотря на название «Цыганка», можно сделать вывод о взаимосвязи этих двух работ, отражающих «испанскую тему». Как отмечает Е.В. Иванова, «Т.А. Фёдорова в характерной для неё обобщённой манере создает скульптурку «Цыганка», изображающую женскую фигуру в танцевальном движении. Единый и лишённый анатомической точности блок женщины помещён

¹² Левченко Г.В. Творчество Елены Михайловны Гуревич // Тверская областная картинная галерея. — 2022. — 7 фев. — URL: <https://gallery.tverreg.ru/news/5833/>

¹³ Фёдорова Тамара Андриановна. ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-78. Оп. 10-2. Д.747.

на устойчивую точку опоры в виде пышной нераскрашенной юбки. Несмотря на лаконизм росписи и формы, мастеру, как и в предыдущих работах, удаётся добиться динамизма путём пластической и колористической проработки ажурного подола юбки, а также наполнения фигуры условной диагональю рук и шали»¹⁴.

Возвращаясь к образу Кармен, необходимо вновь обратиться к теме балета и вспомнить о самом ярком воплощении этого образа в танцевальной традиции XX в., связанном с именем Майи Плисецкой.

Сама балерина говорила: «Танцевать Кармен мне хотелось всегда... Мысль о своей Кармен жила во мне постоянно — то тлела где-то в глубине, то повелительно рвалась наружу. С кем бы ни заговаривала о своих мечтах — образ Кармен являлся первым» [Баганова, 2015]. Как отмечает М. Баганова, «Майя Плисецкая как-то на досуге подсчитала, что станцевала “Кармен-сюиту” около трёхсот пятидесяти раз. Но больше всего Майю Михайловну порадовал тёплый приём спектакля испанским зрителем. “Когда испанцы мне крикнули “Оле!”, я поняла, что победила”, — призналась она» [Баганова, 2015].

Лучшая роль Плисецкой нашла отражение в работе Нины Малышевой «Портрет балерины Майи Плисецкой в роли «Кармен» 1967 г. Также образы, созданные великой советской балериной, запечатлены скульптором Галиной Дмитриевной Чечулиной, трудившейся на Дулевском фарфоровом заводе, в таких работах как «Плисецкая — Кармен» 1970 г., «Майя Плисецкая в роли Кармен» 1972 г., «Плисецкая — Китри» конца 1970-х гг.

Кармен, танцовщица фламенко, цыганка, балерина, исполняющая испанский танец — всё это составляющие трактовки образа испанки, различающиеся в советском фарфоре и тематически, и стилистически. И всё же образ испанки, страстной и прекрасной, такой не похожей на совет-

ских женщин и такой притягательной, можно назвать главным воплощением испанской темы в советском фарфоре. Одно из самых выразительных и популярных его воплощений принадлежит знаменитому советскому скульптору Оксане Леонтьевне Жникруп (1931–1993), работавшей на Киевском экспериментальном художественно-керамическом заводе (КЭКХЗ) и изготовлявшей модели для Полонского завода художественной керамики.

О.Л. Жникруп окончила скульптурное отделение Одесского художественного училища им. М. Грекова и в 1955 г. начала работать на КЭКХЗ. Её произведения быстро приобрели массовую популярность и активно тиражировались, а также отправлялись на выставки как внутри СССР, так и за рубежом. В последние годы имя Оксаны Леонтьевны прозвучало на весь мир в связи с использованием Джеффом Кунсом, одним из самых знаменитых современных художников, для своей работы «Сидящая балерина» её скульптуры 1974 г. «Балерина Леночка на пуфике»¹⁵.

Образ испанки представлен в творчестве О.Л. Жникруп в трёх вариантах: две статуэтки под названием «Испанский танец» (одна из них известна также под названием «Кармен») и одно «Болеро». Все три работы практически одного размера, две из них («Кармен» и «Болеро») более декоративные, похожи и по стилю, и по технике исполнения, а вот третья скорее отсылает к «Цыганке» Т.А. Фёдоровой — та же лаконичность, тот же минимализм в выборе цветов: белый, чёрный и красный. В отличие от более «нарядных» вариаций, минималистичная версия «Испанского танца» менее тиражирована и гораздо реже встречается у коллекционеров.

И в «Болеро», и в «Кармен» («Испанский танец») используется люстровая краска, представляющая собой органический лак. В процессе обжига изделия, покрытого этой краской, образуется тонкое

¹⁴ Иванова, с. 121.

¹⁵ Не только Леночка. Выставки с балеринами Оксаны Жникруп и Джеффа Кунса — не плагиат, а сотрудничество // Артхив. — 2017 — 20 июл. — URL: https://artchive.ru/news/2776~Ne_tol'ko_Lenochka_Vystavki_s_balerinami_Oksany_Zhnikrup_i_Dzheffa_Kunsa_ne_plagiat_a_sotrudnichestvo

металлическое покрытие, придающее изданию блеск и необычный цвет, похожий на радужные переливы. Как отмечает исследователь Ван Юй, «благодаря такой технологии автор “Кармен” отразил яркость испанского наряда, который переливается, словно хромовая или серебристая поверхность... данная работа является примером инновационной техники окраса фарфора в ранее невиданные цвета» [Ван, 2021: 109–110].

Именно переливающаяся декоративная и, конечно, образцово стереотипная испанка-Кармен О.Л. Жникруп, брюнет-

ка с красной розой в волосах, попала во множество советских квартир как частичка испанского солнца, и на её хрупкие плечи легла задача воплощения образа пиренейской страны. Эта фигурка, как и остальные представители «испанской темы» в советском фарфоре, способны о многом рассказать и ещё не исчерпали своих возможностей в том, чтобы становиться символом любви к далеким и притягательным культурам, транслировать образы и олицетворять хрупкие, но такие значимые связи.

Список литературы:

- Астахова Е.В. Испания как метафора. — Москва: МГИМО-Университет, 2017. — 274 с.
- Баганова М. Майя Плисецкая. — Москва: АСТ, 2015. — 285 с.
- Багно В.Е. Россия и Испания: общая граница. — Санкт-Петербург: Наука, 2006. — 477 с.
- Ван Ю. Образы танца в произведениях интерьерной фарфоровой пластики СССР и КНР 1950–1960-х годов // Университетский научный журнал. — 2021. — № 63. — С. 105–111. https://doi.org/10.25807/22225064_2021_63_105
- Гранцева Е.О. Россия и Испания в XX веке: специфика культурного взаимодействия // Россия и Европа: исторический опыт взаимодействия и взаимопонимания. XVIII–XX вв. — Москва: Институт всеобщей истории РАН, 2017. — С. 298–312.
- Гранцева Е.О. Светлана Петровна Пожарская и актуальные проблемы испанской истории XX века // Латиноамериканский исторический альманах. — 2018. — № 20. — С. 265–285. <https://doi.org/10.32608/2305-8773-2018-20-1-267-285>
- Доронина Л.Н. Тема танца в творчестве Натальи Данько и Елены Янсон-Манизер (от скульптуры малых форм до монументальных композиций) // Дом Бурганова. Пространство культуры. — 2015. — № 1. — С. 145–152.
- Королева А.А. Символический капитал национальной культуры: золото испанской Короны // Латиноамериканский исторический альманах. — 2018. — № 19. — С. 242–257.
- Носович Т.Н. Государственный фарфоровый завод, 1904–1944. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербург Оркестр, 2005. — 751 с.
- Салтыков А.Б. Пути развития советской керамики // Декоративное искусство СССР. — 1959. — № 7. — С. 1–9.
- Сапанжа О., Иванова Е., Баландина Н. Искусство — в быт. Интерьерная пластика Ленинградского завода фарфоровых изделий. 1956–1966. — Москва: БуксМАрт, 2021. — 192 с.
- Сапанжа О.С., Иванова Е.В., Баландина Н.А. Советский балет в фарфоровой пластике Владимира Сычева (Ленинградский завод фарфоровых изделий) // Новое искусствоведение. — 2020. — № 1. — С. 56–63. <https://doi.org/10.24411/2658-3437-2020-11008>
- Советская скульптура / сост. В.А. Тиханова. — Москва: Сов. художник, 1985. — 320 с.

References:

- Astakhova, E.V. (2017) *Ispaniia kak metafora. [Spain as a Metaphor]*. Moscow: MGIMO-Universitet Publ. (In Russian).
- Baganova, M. (2015) *Maya Plisetskaya*. Moscow: AST Publ. (In Russian).

- Bagno, V. E. (2006) *Rossiya i Ispaniya: obshchaya granitsa [Russia and Spain: common border]*. Saint Petersburg: Nauka Publ. (In Russian).
- Doronina, L. N. (2015) 'The theme of dance in the work of Natalia Danko and Helena Janson-Manizer (from miniature sculpture to monumental compositions)', *Space of Culture. Burganov House*, (1), pp. 142–152. (In Russian).
- Grantseva, E. O. (2017) 'Rossiya i Ispaniya v KHKH veke: spetsifika kul'turnogo vzaimodeystviya [Russia and Spain in the 20th century: the specifics of cultural interaction]', in *Rossiya i Yevropa: istoricheskiy opyt vzaimodeystviya i vzaimoponimaniya. XVIII–XX vv. [Russia and Europe: historical experience of interaction and mutual understanding. 18–20 centuries]*. Moscow: Institut vseobshchey istorii RAN Publ., pp. 298–312. (In Russian).
- Grantseva, E. O. (2018) 'Svetlana Petrovna Pozharskaya and actual problems of the Spanish history of the twentieth century', *Latin-american Historical Almanac*, (20), pp. 267–285. (In Russian). <https://doi.org/10.32608/2305-8773-2018-20-1-267-285>
- Koroleva, A. A. (2018) 'Gold and jewels of the Spanish Crown', *Latin-american Historical Almanac*, (19), pp. 242–251. (In Russian).
- Nosovich, T. N. (2005) *Gosudarstvennyy farforovyy zavod, 1904–1944 [State porcelain factory, 1904–1944]*. Saint Petersburg: Sankt-Peterburg Orkestr Publ. (In Russian).
- Saltykov, A. B. (1959) 'Puti razvitiya sovetskoy keramiki [Ways of development of Soviet ceramics]', *Dekorativnoye iskusstvo SSSR*, (7), pp. 1–9. (In Russian).
- Sapanzha, O. S., Ivanova, E. V. and Balandina, N. A. (2020) 'Soviet ballet in Vladimir Sychev's works (Leningrad Factory of Porcelain Products)', *New art studies*, (1), pp. 56–63. (In Russian). <https://doi.org/10.24411/2658-3437-2020-11008>
- Sapanzha, O. S., Ivanova, E. V. and Balandina, N. A. (2021) *Iskusstvo — v byt. Inter'yernaya plastika Leningradskogo zavoda farforovykh izdeliy. 1956–1966 [Art is in everyday life. Interior plastics of the Leningrad Porcelain Factory. 1956–1966]*. Moscow: BuksMArt Publ. (In Russian).
- Tikhonova, V. A. (ed.) (1985) *Sovetskaya skulptura [Soviet sculpture]*. Moscow: Sov. khudozhnik Publ. (In Russian).
- Wang, Y. (2021) 'Images of Dance in the Works of Interior Porcelain Plastics of the USSR and China in the 1950–1960s', *Humanities and science university journal*, (63), pp. 105–111. (In Russian). https://doi.org/10.25807/22225064_2021_63_105

Информация об авторе

Екатерина Олеговна Гранцева — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Всеобщей Истории Российской Академии Наук, 119334, Россия, Москва, Ленинский проспект, 32а. (Россия)

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Ekaterina O. Grantseva — PhD in History, Senior Research Fellow, Institute of World History of the Russian Academy of Science, 32a, Leninsky pr., Moscow, Russia, 119334, (Russia).

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 26.10.2022; одобрена после рецензирования 24.11.2022; принята к публикации 02.12.2022.

The article was submitted 26.10.2022; approved after reviewing 24.11.2022; accepted for publication 02.12.2022.

НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИЕ СЕРИАЛЫ «ЗВЁЗДНЫЙ ПУТЬ» И «ВАВИЛОН 5» КАК ФОРМЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И МЕМОРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУР

Максим Валерьевич Кирчанов

Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия

maksymkyrchanoff@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-3819-3103>

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению сериалов «Звёздный путь» и «Вавилон 5» в качестве сегментов американской политической культуры и коллективной памяти. Цель исследования — проследить особенности развития коллективной исторической памяти на материале американской массовой культуры (представленной этими сериалами). На примере кейса актуализации политической проблемы через её визуализацию «в фантастическом мире» обсуждаются вопросы допустимости внешнего воздействия более развитых обществ на менее развитые; а также конкретные пути ассимиляции «политического» в визуальных дискурсах массовой культуры. Методологическую основу исследования составили принципы, предложенные в рамках мемориального поворота и анализа политики памяти в парадигме интеллектуальной истории. Новизна работы состоит в определении общих и уникальных особенностей и направлений ассимиляции «политического», редуцированного до проблемы вмешательства/невмешательства в современной массовой культуре и исторической памяти. В статье проанализированы 1) модусы актуализации политических и социальных различий между обществами в сериалах «Звёздный путь» и «Вавилон 5», 2) политические и идеологические измерения вмешательства через призму массовой культуры, а также аспекты функционирования различных мемориальных культур, возникших как следствие такого вмешательства, 3) проблемы памяти как травмы, полученной в результате вынужденного взаимодействия воображённых обществ, имеющих различные идентичности, в контекстах вероятного развития коллективной мемориальной культуры и преодоления «неудобного прошлого» через формирование компромиссного мнемонического канона. Показан вклад сериалов «Звёздный путь» и «Вавилон 5» как элементов массового культурного дискурса в 1) дискуссии о развитии западной политической культуры, 2) изменение концептов Самости и Инаковости, 3) ревизию прошлого в массовой

культуре как форме исторической памяти, альтернативной другим её версиям, основанным на сознательно поддерживаемой социальной и культурной амнезии. Результаты исследования позволяют предположить, что ассимиляция «политического» в масс-культурном дискурсе стала 1) одним из стимулов идеологических модификаций и трансформаций современного общества, 2) формой продвижения принципов политической корректности и толерантности как её системных характеристик, 3) попыткой ревизии мемориального канона и интеграции в него альтернативного видения истории, основанного на актуализации маргинализированных пластов коллективной памяти.

Ключевые слова: массовая культура, сериалы, сериал Звёздный путь, сериал Вавилон 5, политическая культура, идентичность, память, контакт

Для цитирования: Кирчанов М.В. Научно-фантастические сериалы «Звёздный путь» и «Вавилон 5» как формы конструирования политической и мемориальной культур // Концепт: философия, религия, культура. — 2022. — Т. 6, № 4. — С. 115–137. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-4-24-115-137>

Research article

SCIENCE FICTION SERIES *STAR TREK* AND *BABYLON 5* AS FORMS OF POLITICAL AND MEMORIAL CULTURES CONSTRUCTION

Maksym W. Kyrchanoff

Voronezh State University, Moscow, Russia
maksymkyrchanoff@gmail.com <https://orcid.org/0000-0003-3819-3103>

Abstract. The author analyzes *Star Trek* and *Babylon 5* series as segments of American political culture and collective memory. The purpose of the article is to analyze how American popular culture, represented by the TV series, actualizes and visualizes the problems of the admissibility / inadmissibility of external influence / non-influence of more developed societies on less developed ones and demonstrates the features of collective memory developments. The author studies the assimilation of the *political* in the visual discourses of mass culture. Methodologically, the article is based on the principles proposed in the memorial turn and the analysis of the politics of memory within the paradigm of intellectual history. The novelty of the study lies in the analysis of common and unique features and directions of assimilation of the *political*, reduced to the problems of interference / non-intervention, in modern mass culture and historical memory. The article considers 1) the modes of actualization of political and social differences between societies in *Star Trek* and *Babylon 5* TV series; 2) the political and ideological dimensions of intervention through the prism of mass culture and aspects of the functioning of various memorial cultures; 3) the problems of memory as the trauma received during the forced interaction of imagined societies with different identities in the contexts of the development of collective memories and the *uncomfortable past* revision through the formation of a compromise memorial canon. The article shows the contribution of the series as elements of mass cultural discourse to the development of Western political culture and of Selfness and Otherness concepts, and indicates their role in the revision of the past in popular culture. The results of the study suggest that the assimilation of the *political* in mass cultural discourse became both an incentive for ideological modifications and transformations of modern society, and a form of promoting the principles of political correctness and tolerance as its systemic characteristics. Moreover, it can be

viewed as an attempt to revise the memorial canon and to enhance it by alternative visions of history, based on the revitalization of marginalized collective memories.

Keywords: popular culture, TV series, *Star Trek*, *Babylon 5*, political culture, identity, contact

For citation: Kyrchanoff, M. W. (2022) 'Science Fiction Series *Star Trek* and *Babylon 5* as Forms of Political and Memorial Cultures Construction', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 6(4), pp. 115–137. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-4-24-115-137>

Введение

В современном обществе коллективная память постепенно меняет пространства своего бытования и функционирования. На смену традиционным культурным и академическим институтам приходят новые участники, которые активно формируют представления о прошлом, потеснив в этом отношении «высокую культуру», а также образовательные и исследовательские среды. Одним из таких активных участников «проработки прошлого» становится массовая культура, в том числе, научно-фантастический кинематограф и такой частный случай его развития, как сериалы. Последние относятся к числу культурных продуктов, оперативно и чётко реагирующих на изменения политической ситуации и идеологической конъюнктуры. При этом уже начиная с середины 1960-х гг. западная киноиндустрия в её сериальной форме вносит заметный вклад в формирование и развитие политической культуры и идентичности современных обществ, включая коллективную память.

К началу 2020-х гг. в визуальном дискурсе современной массовой культуры, представленной научно-фантастическими сериалами, сложился сравнительно устойчивый перечень тем, которые регулярно используются как для «проработки прошлого», так и для культивирования и продвижения принципов, лежащих в основе текущего моделирования политического и культурного развития. Среди них особое место занимают вопросы внешнего вмешательства в развитие менее развитых обществ, что, по мысли создателей подоб-

ных культурных продуктов, может не только привести к изменениям, но и нарушить ход естественного функционирования социума, отразившись на его коллективной исторической памяти. Поставленная таким образом проблема, в свою очередь, тесно пересекается с вопросами ответственности, прав и свобод, политического и культурного разнообразия, которые являются фоном обсуждения темы допустимости (или, напротив, недопустимости) вмешательства в естественный ход исторической и социальной эволюции. Периодически создатели сериалов обращались также к темам исторического выбора, гендерного, расового и национального равенства, оправданности и легитимности протеста против насилия, авторитаризма и т.д.

Соответствующая проблематика визуализировалась в американских научно-фантастических сериалах уже с конца 1950-х гг., тем самым обществу предлагались те или иные подходы к решению подобных проблем вне «фантастического» контекста. В период второй половины XX – первой четверти XXI вв. можно выделить такие сериалы, как «За гранью возможного» (1963–1965, 1995–2002), «Нация пришельцев» (1989–1990), «Звёздные врата: SG-1» (1997–2007), «Дюна» (2000), «Дети Дюны» (2003), «Звёздные врата: Атлантида» (2004–2009), «Человек в высоком замке» (2015–2019), «Воспитанные волками» (с 2020 по настоящее время) и др. Все они внесли определённый культурный вклад в привлечение общественного внимания к проблеме памяти и связанной с ней проблеме политической ответственности, актуализируя различные «уроки» прошлого и интегрируя модусы их возможно-

го разрешения в контексты современной культуры. В данном исследовании решено было ограничиться анализом подобного культурного воздействия со стороны двух наиболее известных российскому зрителю сериалов — «Звёздный путь» и «Вавилон 5», которые, подобно другим проектам, стали частью истории массовой культуры современного западного общества.

В фокусе исследовательского внимания, как уже было сказано, оказались проблемы исторической памяти в контекстах ответственности за вмешательство/невмешательство более развитых обществ в жизнь менее развитых. Воображаемые социальные, политические и культурные миры вселенных сериалов «Звёздный путь» и «Вавилон 5» позволили в данном случае провести культурфилософский анализ проблемы принятия массовым сознанием подходов к допустимости/недопустимости внешнего воздействия/невоздействия. Для достижения этой цели необходимо было решить ряд задач. Во-первых, проследить подходы к теме политической, социальной и культурной ответственности «воображаемых» обществ сериалов «Звёздный путь» и «Вавилон 5», пребывающих в условиях контакта разных типов (контакта как сосуществования и контакта как конфронтации). Во-вторых, рассмотреть тему вмешательства/невмешательства как формы идеологически мотивированного политического воздействия различных акторов, отношения между которыми носят иерархический характер. В-третьих, выявить параллели между искусственно сконструированными обществами анализируемых сериалов и их реальными историческими прототипами, сложившимися в рамках американско-европейского политического опыта.

Методология и историография

Методологически статья основана на принципах, предложенных междисциплинарной историографией. В рамках данного подхода коллективная историческая память воспринимается как социальный и политический конструкт, а культурные реалии «вселенных» изучаемых сериалов

[Chavkin, McGuire, 2021] — как проекции исторического и идеологического опыта западного общества [Gonzalez, 2015].

Как известно, в научном изучении памяти на сегодня представлены как минимум два основных подхода. *Первое направление* ограничено нарративно-дискурсивными исследованиями. Память воспринимается здесь как совокупность нарративов, предлагаемых интеллектуалами, вовлечёнными в идеологически мотивированные интерпретации прошлого. При этом предполагается, что нарративные стратегии формирования памяти универсальны: большинство участников исторической памяти конструирует свои представления о прошлом через нарративные пространства, представленные текстами, ориентированными на массового читателя как потребителя и носителя памяти. В центре *второго направления* изучения памяти — её интерпретации сквозь призму визуальности, что позволяют с известными оговорками рассмотреть её как совокупности стратегий, реализуемых массовой культурой. В рамках такого восприятия кинематограф обретает статус основного пространства функционирования мемориальных культур. С точки зрения данного подхода именно современное кино в состоянии ассимилировать социальные, политические и исторические «памяти». Подобная ситуация *ассимиляции дискурса визуальным* и смещения смыслов из текста в узком смысле в текст в более широком его понимании, включающем кинематограф, выглядит достаточно убедительно как минимум потому, что современное общество потребления активно применяет нарративные и визуальные тактики для формирования и продвижения идентичности. Что, в свою очередь, придаёт актуальность анализу как собственно дискурсивного, так и визуального компонентов коллективной памяти. Такое восприятие памяти позволяет избегать крайностей нарративного подхода, в том числе сведения коллективной исторической памяти до частного случая непосредственной дискурсивности.

Особенно важны для данного исследования идеи междисциплинарной историографии, которая специализируется на

анализе истории и современных тенденций и закономерностей развития массовой культуры [Delasara, 2015] как основы общества потребления в контекстах его интеллектуальной истории, истории идей, культуральной истории, воображения сообществ и изобретения традиций [Hall, 2021]. Предполагается, что коллективная историческая память воспринимается не как объективная реальность, но в большей степени именно (и прежде всего) как конструкт [Abbott, 2010]. В рамках такого понимания и социальные реалии [Kyrchanoff, 2018] современного западного общества [Kyrchanoff, 2020], и реалии его культурного опыта представляют собой проекции идеологического и исторического свойства [Cogan, 2011]. Исходя из этого методологического «бэкграунда» идеология в представленном исследовании также интерпретируется с позиций конструктивизма; её основными проводниками и популяризаторами выступают интеллектуалы, аудиторией — «массовый» потребитель. В свете такого подхода примеры массовой культуры, представленные сериалами, можно воспринимать в качестве не просто культурных, но и идеологических конструктов, с помощью которых их создатели стремятся привить обществу потребления те или иные смыслы, значения и интерпретации, в том числе — пригодные для ценностного ранжирования политических событий.

Важно подчеркнуть: в плане методологии данное исследование не может быть отнесено к разработкам, следующим в русле «классических» теорий памяти М. Хольбвакса [Halbwachs, 1925], П. Нора [Nora, 2010] и А. Ассманн [Assmann, 2010]. Прежде всего потому, что в нашем случае речь идёт не о «реальных» событиях исторической памяти, но прежде всего о проекциях мемориального опыта, включённых в контексты массовой культуры. Поэтому многочисленные аллюзии исторической памяти и формы «проработки прошлого» в научно-фантастических сериалах не могут быть определены в качестве «points de repère» (о чём писал М. Хольбваск) — ведь анализируемые здесь формы памяти не нарративны, но визуальны (хотя и марки-

рованы идеологически). Анализируемые в статье формы мемориальной культуры не могут быть отнесены и к описанным П. Нора «lieux de mémoire». Ведь «места памяти» соотносятся с реальным историческим наследием, политически, идеологически и символически важным для идентичности. Анализируемые же в статье формы мемориальности, наоборот, доводят до абсолюта функцию воображения и конструирования сообществ, *изобретая* для них память. Вместе с тем, разумеется, такие имажинативные мемориальные культуры не свободны от аллюзий на реальный опыт развития памяти Запада.

Поскольку в данной статье анализируются проблемы сочетания визуальности и нарративности в современной массовой культуре в контексте ассимиляции ею «политического», невозможно было обойти вниманием и те методологические принципы, которые были сформулированы европейскими историками Дерекком Фьюстером [Fewster, 2006], Дениссом Хановсом и Валдисом Тераудкалнсом [Hanovs, Tēraudkalns, 2012]: Фьюстер указал на потенциал взаимной ассимиляции и интеграции «политического» и культурных предпочтений национализирующегося сообщества, которые становились всё более массовыми, стандартизированными и унифицированными; Хановс и Тераудкалнс проследили взаимозависимость «политического» и визуального, их со-функционирование в условиях национального авторитаризма.

Однако при всём обилии научной литературы, посвящённой обозначенной выше теме, целый ряд аспектов ассимиляции «политического» массовой культурой в относительно «благополучном» общества потребления, где коллективная память склонна подвергать амнезии реальный исторический опыт национализма и национального авторитаризма, всё ещё не получил должного освещения и систематического научного рассмотрения [Gonzalez, 2018]. Так, затрагивая тему научно-фантастических сериалов, по сей день многие исследователи сфокусированы преимущественно на противопоставлении «массовой» и «высокой» культуры, редуцируя «массовое» (сериалы) до части

«низкой» культуры [MacCabe, 1986]. В этом случае любые сериалы рассматривают как сеть нарративов, не только коренящихся в западной (как правило, американской) коллективной памяти, но и фактически создающих её; а «заодно» некритически акцентируется сугубо прикладной, утилитарный и сервильный, характер сериала как универсальной модели развития массовой культуры [Dyson, 2015]. Справедливости ради следует отметить, что в исследовательской литературе представлен и другой подход, который интерпретирует кинематограф как сегмент массовой культуры, представляющий в сознании обывателя проекции современных политических проблем [Kück, 2020]. При этом обычно подчёркивается функциональный характер современного сериала как культурного явления, так как он может быть связан с формированием политических культур и продвижением опирающихся на них культурных идентичностей [Disch, 2000].

Односторонний характер упомянутых исследовательских ракурсов, заостряющих внимание на манипулятивной составляющей исследуемого явления, очевиден. Что, разумеется, никоим образом не перечёркивает достоинств этих подходов и ценность сделанных в ходе их развития открытий. Тем не менее, видится обоснованной попытка создать более объёмную процессуальную модель, которая учла бы недостатки предыдущих моделей и вместе с тем не потеряла бы их достоинств. Исследование проблемы интеграции памяти об ответственности за вмешательство/невмешательство развитых цивилизаций в функционирование менее развитых обществ и групп видится здесь почти идеальной «площадкой», поскольку эта тема составляет одну из основных сюжетных линий [Gonzalez, 2020] выбранных к рассмотрению научно-фантастических сериалов. Тем более очевидна актуальность системного обращения к ней.

Политический контекст

Отметим: изучение заявленной тематики приобретает особую значимость в начале 2020-х гг., когда не только тематические

диспропорции в исследовательской литературе, но и сама политическая динамика международных процессов стимулирует обращение исследователей культуры к проблемам коллективной памяти. Особую актуальность придают исследованию мемориальные конфликты, «войны памяти», активная политизация истории, её идеологизация, а также идеологически мотивированная инструментализация прошлого. Сегодня становится особенно заметно, что конфликтогенность различных восприятий прошлого, которые институционализированы в разных культурах памяти, проявляется не только в академической историографии и исторической политике, но и в массовой культуре. Культурные индустрии общества потребления, включая научно-фантастические сериалы, становятся пространством функционирования коллективной памяти, институционализированной в форме мемориальных канонов и мнемонических культур; символические ресурсы воздействия массовой культуры на потребителей (как граждан и потенциальных избирателей) последовательно интегрируются в механизмы мобилизации, используемые правящими элитами, которые активно оперируют не только идеологическими лозунгами, но и образами прошлого, если те применимы для решения политических задач.

Анализируемые в данной статье сериалы, рассмотренные как части культурной истории западного общества, могут таким образом восприниматься и как отражение и/или (ре-)интерпретация тех политических, социальных и экономических проблем, которые волновали их создателей. При этом *первым* историческим фактором, оказавшим сильное влияние на концепцию «Звёздного пути», была вторая мировая война, ветераном которой был, в частности, Джин Родденберри — автор идеи (концепции) сериала. Изначально Родденберри разрабатывал проект сериала о второй мировой войне, но концепция оказалась невостребованной рынком; тогда идея трансформировалась в фантастический сериал (с сохранением основных героев). *Вторым* фактором стало противостояние СССР и США в период «холодной войны», что от-

разилось в идее общего противостояния Федерации планет и Клингонской империи. Вместе с тем, советско-американское противостояние подтолкнуло создателей «Оригинального сериала» к примирению земных наций. Поэтому экипаж корабля интернационален, а один из ключевых героев, Павел Чехов, является русским. Третьим фактором стали военные конфликты второй половины XX в., включая войны в Корее и во Вьетнаме, что стимулировало распространение идей пацифизма, невмешательства и решения конфликтных ситуаций путём переговоров, что неоднократно актуализировалась в сериалах франшизы «Звёздный путь». Четвёртым фактором стал распад СССР и формальное завершение «холодной войны», что лишь трансформировало проявления международной напряженности — поэтому в сериалах «Звёздного пути» и в «Вавилоне 5», снятых на протяжении 1990–2010-х гг. переосмыслиется опыт распада империй, постконфликтного урегулирования и примирения, международной интеграции, гражданских конфликтов, вмешательства армии, ведения переговоров и роли международных организаций. Причём, если сериалы 1960–1980-х гг. актуализировали реалии идеологической конфронтации и «холодной войны», показывая альтернативную утопическую Землю, преодолевшую политические разногласия и рецидивы блокового мышления, то проекты, снятые в рамках франшизы «Звёздный путь», в 2000–2020-е гг. визуализировали знаковые темы современного общества, включая преодоление расизма, феминизм и признание прав сексуальных меньшинств в мире, основанном на культурном и гендерном разнообразии.

Встреча миров как травма

Сюжетная линия, основанная на вынужденном контакте двух различных цивилизаций с разными моделями политической,

социальной, культурной и экономической организации общества в западном научно-фантастическом кинематографе, представленном сериалами-франшизам «Звёздный путь» и «Вавилон 5», успела стать общим местом. Начиная с 1966 г. мотивы столкновения/контакта/встречи культур и обществ, регулярно оказывались в центре различных сюжетных линий как сериалов, так и оригинальных фильмов относящихся в вселенной «Звёздного пути». И это несмотря на то, что образ воображаемой будущей Земли сконструирован как мультикультурное общество [Barber, 2017]. Не является исключением и «Вавилон 5», запущенный в 1994 г., а также связанные с ним проекты: через них в массовой культуре актуализируются и визуализируются различные модели и стратегии контактов обществ, имеющих различные культурные и политические основания. В этом смысле американские сериалы могут быть отнесены к «социально и политически активным телешоу», так как ими предлагается и продвигается «концепция альтернативного восприятия истории», позволяющая сформировать «увлекательное понимание исторической репрезентации» не в форме академического дискурса, но при помощи «перформанса, средств массовой информации и массовой культуры, способствующим диалогам об альтернативном прошлом, настоящем и будущем» [Rhodes, 2017: 34]. В самом деле, эпизоды «Звёздного пути» и «Вавилон 5» как правило основаны на противостоянии двух и более обществ. Если земное воспринимается как более развитое общество-донор, то инопланетные социумы редуцированы до реципиентов политических идей, ценностей и технологий землян (хотя некоторые герои «Оригинального сериала» пытались ставить под сомнение универсальность модели развития Земли, воспринимая общество, возникшее на ней исторически, как «механическое, электронное и не слишком гуманное»¹: так, в 23 эпизоде «Оконча-

¹ The Conscience of the King. Directed by Gerd Oswald. Written by Barry Trivers. Original air date: December 8, 1966. 34:49 – 34:55.

тельная победа» 2 сезона «Оригинального сериала» герои вынуждены столкнуться с двумя обществами, созданными потомками колонистов с Земли, разделёнными принципиальным политическим и этническим конфликтом²).

Мотивы универсальности конфликта и, как следствие, идеологически мотивированного насилия активно использовались создателями сериала «Звёздный путь: следующее поколение», что, например, относится к 16 эпизоду 1 сезона «Слишком короткий сезон»³, в котором земляне, формально представляющие технологически развитую цивилизацию, оказываются втянутыми в затяжной конфликт на планете Мордон-4. Конфликт актуализирует противоречия политики, основанной на Первой директиве, которая не допускает вмешательства в дела менее развитых обществ.

Сериал «Звёздный путь: Энтерпрайз» визуализирует не соблюдение, но нарушение Первой директивы в эпизодах «Цивилизация»⁴ и «Дорогой доктор»⁵, когда представители более развитой земной цивилизации оказываются вынужденными вмешаться в развитие менее развитых обществ. По мнению современных американских политологов, понятие Первой директивы возникло неслучайно. Джоэл Р. Кэмпбелл, политический эксперт, полагает, что её появление во франшизе «Звёздный путь» отражало не только стремление «не вмешиваться в нормальное развитие инопланетной цивилизации», но актуализировало «озабоченность Америки вмешательством в развивающиеся страны во время холодной войны, которое считалось необходимым для реализации доктрины сдерживания, но беспокоило многих граж-

дан, которые помнили антиколониальное происхождение Америки и хотели уважать собственные пути развития других стран»⁶.

Тем не менее, первый эпизод «Странные новые миры»⁷ первого сезона сериала «Звёздный путь: странные новые миры» актуализирует столкновение двух обществ, которое ведёт к вмешательству землян во внутренние дела менее развитого социума, основанного на милитаризме. Американские политические аналитики, указывая на важность массовой культуры в легитимации внешней политики, подчёркивают, что создателей большинства фантастических сериалов вдохновлял структурный реализм, который позволил им вообразить вселенную как «систему самопомощи, в которой планеты (читай государства) стремятся максимизировать свои планетарные (национальные) интересы посредством баланса сил, проецирования военной мощи и союзов»⁸. В этом контексте сериалы франшизы «Звёздный путь» актуализируют как политические, так и исторические нарративы.

Для современной массовой культуры, в которой дискурсивность формируется в большей степени не нарративами, а визуальными образами, именно нарративы предстают «не только как модели прошлых событий и процессов, но как метафорические утверждения, предполагающие отношение подобия между событиями, процессами и типами наррации, которые мы используем, чтобы наделить события культурно санкционированными значениями. Историческое повествование представляет собой не только воспроизведение сообщаемых в нём событий, но и комплекс символов, который даёт нам направление

² The Omega Glory. Directed by Vincent McEveety. Written by Gene Roddenberry. Original air date: March 1, 1968.

³ Too Short a Season. Directed by Rob Bowman. Story by Michael Michaelian. Teleplay by Michael Michaelian, D. C. Fontana. Original air date: February 8, 1988. 43 min. 35 sec.

⁴ Civilization. Directed by Mike Vejar. Written by Phyllis Strong, Michael Sussman. Original air date: November 14, 2001.

⁵ Dear Doctor. Directed by James A. Contner. Written by Maria Jacquemetton, Andre Jacquemetton. Original air date: January 23, 2002.

⁶ Campbell J.R. Star Trek: illustrating concepts of International Relations // Think. — 2016. — 28 Feb. — URL: <https://think.iafor.org/star-trek-illustrating-concepts-international-relations/>

⁷ Strange New Worlds. Directed by Akiva Goldsman. Teleplay by Akiva Goldsman. Story by Akiva Goldsman, Alex Kurtzman, Jenny Lumet. Original air date: May 5, 2022.

⁸ Campbell.

для поиска канонической структуры этих событий в нашей традиции» [Geraghty, 2007: 65]. Проблема в том, что и «Звёздный путь», и «Вавилон 5» склонны находить, воображать и изобретать, конструировать и санкционировать такие подобию не при помощи культурных и социальных параллелей — на статус искомой «разрешительной» универсалии претендует насилие. Причём, если в сериалах франшизы «Звёздный путь» насилие актуализируется в результате контакта, то проект «Вавилон 5» актуализирует неизбежность насильственных действий как следствие совместного сосуществования двух разумных видов, фактически существующих в сегрегированном социуме, так как их идентичности являются не только взаимоисключающими, но и отягощёнными различными версиями памяти. То есть, несмотря на то, что среди центральных идей фантастических сериалов «была утопическая вера их создателей в возможность построения будущего справедливого мира без войн, насилия и военных конфликтов» [Кирчанов, 2021а: 80], авторы и «Звёздного пути», и «Вавилона 5» активно визуализируют дискурс насилия. В этом контексте американские научно-фантастические сериалы «обнаруживает сходство с реальными геополитическими взаимодействиями между странами по всему миру, особенно в случае часто насильственных оккупаций территорий по всему миру» [Gunderman, 2017].

Научно-фантастические сериалы могут восприниматься как попытки визуализации «аффекта Другого» [Rhodes, 2017], так как современные общества склонны проецировать свои проблемы в пространства массовой культуры, воспринимая её как механизм для актуализации как собственных фобий, так и форм из разрешения. Вероятно, именно в силу такой политической и идеологической направленности проекта Джозел Р. Кэмпбелл полагает, что эта «телевизионная франшиза является идеальным инструментом для иллюстрации концеп-

ций международных отношений»⁹. Если ранние части франшизы «Звёздный путь» только предвосхищали, то её более поздние части, а также сериал «Вавилон 5», активно продвигали идею, сформулированную в начале 2020-х гг. Р. Саквой, который полагает, что западное видение мировой политики в значительной степени основано на вере в то, что «либеральный интернационализм и внутреннее социальное устройство, с которым он связан, неизбежно распространятся по всему миру — естественным образом или насильственными методами» [Саква, 2021: 87].

Конструирование подобных образов, которые фактически легитимировали вмешательство, невозможно без актуализации различных форм памяти западных обществ. Мемориальные культуры последних нередко могут редуцироваться до совокупности визуальных перформативных актов, что превращает массовую культуру в актёра, который одновременно активизирует коллективную память путём «проработки прошлого», порождая при этом новые формы коммеморативности. Поэтому попытки массовой культуры в лице сериалов актуализировать политические проблемы, равно как и другие её интервенции в социальные пространства, «не нарративны, а перформативны» [Тульчинский, 2019: 29]. В этом контексте рассматриваемые в статье научно-фантастические сериалы играют одну из ведущих ролей в формировании и функционировании того, что финский историк культур Карин Кукконен определяет как «популярную культурную память», то есть «совокупность условностей и образов, которые постоянно реконструируются в современной массовой культуре» [Kukkonen, 2008: 264], воспроизводя преимущественно не формально культурные, но фактические политические и идеологические моменты существования общества.

Подобные социальные проблемы, например, визуализированы в седьмом эпизоде «Молитва войны»¹⁰ первого сезо-

⁹ Ibid.

¹⁰ The War Prayer. Directed by Richard Compton. Written by D.C. Fontana. Original air date: March 9, 1994.

на сериала «Вавилон 5». Проект Майкла Стражински «Вавилон 5» актуализирует не только роль исторической памяти как стимула для конфликта. Эта функция сериалов представляется особенно важной, если мы будем помнить о том, что «одна из проблем, которую мы постоянно наблюдаем в мемориальном пространстве, это — перманентное исключение определённых нарративов» [Rhodes, 2017: 36] о прошлом, которые не интегрируются в официальный мемориальный канон. Именно поэтому исследователями неоднократно подчёркивались аллюзии содержания подобных сериалов с современными политическими проблемами, что позволяло анализировать их контент через призму мировой политики [Dittmer, 2010], теории международных отношений [Heraclides, Dialla, 2015] или геополитики [Dittmer, Dodds, 2008].

Сходную позицию занимает американский политолог Джозел Р. Кэмпбелл. Он полагает, что многие эпизоды рассматриваемых научно-фантастических франшиз представляли собой «тонкие социально-политические комментарии по важным вопросам 1960-х гг., включая расизм, сексизм, разрыв между поколениями, ядерную войну и гонку вооружений»¹¹. В этом контексте научно-фантастические сериалы становятся пространствами формирования как политической идентичности, так и коллективной памяти, которые они социально конструируют в форме «вклада в формирование культурного и национального самосознания» [Grainge, 2018: 3].

Американские сериалы визуализируют для общества потребления его «понимание прошлого», которое редуцировано до «простого потребления событий, интерпретируемых и фиксируемых теми, кто обладает для этого властью и средствами. Таким образом, наше прошлое одновременно

реально и воображаемо» [Rhodes, 2017: 30]. В этом контексте массовая культура предлагает не коллективную, национальную или историческую память, но качественно и содержательно новое прочтение мемориального опыта, которое более корректно определять как «постпамять» [Pence, 2018]. Изучение соответствующей литературы показывает: многие современные исследователи воспринимают «Звёздный путь» как политический проект, который продвигал «принципы всеобщей свободы, противодействуя коллективизму, невежеству и пассивности»¹². С другой стороны, «Звёздный путь» может интерпретироваться фактически аналогичным способом, но модусы его восприятия могут варьироваться между «идеалистическим взглядом на либерализм и резким неприятием любого вида авторитаризма времен холодной войны» и «более нигилистическим и реалистическим взглядом на политику»¹³. Сериал «Вавилон 5» оперирует в значительной степени сходными категориями, в том числе — травмированными коллективными памятьми, активно использующими ресурсы воображения и конструирования образов Другого.

Параллельно насилие — военное, политическое, этническое — в сериалах франшизы «Звёздный путь» универсализировано и в той или иной степени визуализируется в значительной части эпизодов сериала. Анализируя политические компоненты американских научно-фантастических сериалов, во внимание следует принимать и то, что они формально могли «осуждать узкоместнические интересы национализма, жадности, ксенофобии и страха», но фактически их «нарративный подтекст поддерживал идею расширения западной гегемонистской власти» [Davidson, 2017: 8]. В самом деле, большин-

¹¹ Campbell J.R. Star Trek and Battlestar Galactica: understanding politics and International Relations // Think. — 2017. — 14 Sep. — URL: <https://think.iafor.org/star-trek-battlestar-galactica-understanding-politics-and-international-relations/>

¹² Sandefur T. The Politics of Star Trek. From the New Frontier to the final frontier // Claremont Review of Books. — 2015. — Summer. — URL: <https://claremontreviewofbooks.com/the-politics-of-star-trek/>

¹³ Felici Fr. Star Trek: Journey into the Fictional Representation of Politics // The New Global Order. — 2020. — 20 Oct. — URL: <https://thenewglobalorder.com/world-news/cinema-society/star-trek-journey-into-the-fictional-representation-of-politics/>

ство эпизодов анализируемых сериалов основаны на легитимации интервенционизма со стороны будущей утопической Земли во внутренние дела менее развитых обществ, чем фактически оправдывается «принудительное и насильственное вмешательство стороннего актора или акторов в сферу юрисдикции суверенного государства, которое преследует цели, признанные международным сообществом легитимными» [Almeida, 2002]. В то время как классический сериал «Звёздный путь» предпочитал «выстраивать межзвёздную систему по образцу холодной войны»¹⁴, избегая актуализации открытого вмешательства и военного конфликта, то более поздние продолжения франшизы активно использовали потенциал интервенционизма.

Именно на эту особенность указывает и один из ведущих теоретиков международных отношений Барри Бузан, подчёркивая, что научно-фантастические сериалы актуализируют образы не только «оптимистичной и уходящей Америки 1960-х гг.», но и «более мрачную и более параноидальную Америку после 11 сентября» [Buzan, 2010: 176]. Возникает предположение, что если в пространствах современной культуры «нарративы символизируют действительность, наполняя её смыслом, задают шаблоны и образцы интерпретации прошлого и настоящего, выступая эффективным средством формирования, даже конструирования идентичности социума и его членов» [Тульчинский, 2017: 111], то сериалы визуализируют раннее подвергнутые нарративизации пространства.

В этой ситуации уместно заключить, что в современном фантастическом кинематографе как сегменте массовой культуры и культурной памяти одновременно сочетаются «три измерения культуры: социальное, связанное с аудиторией как носителями массовой культуры, материальное измерение медиатекстов и ментальное

измерение кодов и условностей, облегчающих процесс восприятия» [Kukkonen, 2008: 262]. Все эти три измерения функционирования массовой культуры актуализируют её универсалии, среди которых насилие занимает не последнее место. При этом насилие в фантастических сериалах, например, в эпизоде «Слишком короткий сезон» оригинального сериала «Звёздный путь» отягощено не только скрытой интервенцией и участием землян в конфликте, что делает их ответственной стороной, но и конфронтацией различных версий коллективной памяти. И обитатели Мордон-4, и земляне склонны перекладывать ответственность друг на друга, так как для Звёздного флота осознание собственной ответственности за продолжение многолетней войны неприемлемо, а для обитателей Мордон-4 в силу особенностей их политической культуры необходим коллективный Другой, ответственный за военный конфликт.

По мнению американского социолога и культуролога Барни Уорфа, подобные сюжеты в сериалах как сегменте массовой культуры актуализируют «важные последствия для социального и пространственного анализа» [Warf, 2002], позволяя через призму воображённых миров и обществ приблизиться к содержательно иным интерпретациям реальных проблем, с которыми сталкиваются современные политические институты. В 4 эпизоде «Внезапная человечность»¹⁵ 4 сезона сериала «Звёздный путь: следующее поколение» одновременно обсуждаются не только проблемы вынужденного взаимодействия двух культур, но и вопросы идентичности и коллективной памяти. Герой эпизода, молодой человек, ассимилирован таларианцами, но вновь оказывается среди людей, оказываясь лицом к лицу с проблемами прошлого, отягощённого взаимным насилием, и погружаясь в поток коллективной памяти, сконцентрированной на теме военного конфликта между землянами и таларианцами.

¹⁴ Gupta A. Star Trek and International Relations // E-International Relations. — 2013. — 2 Jun. — URL: <https://www.e-ir.info/2013/06/02/star-trek-and-international-relations/>

¹⁵ Suddenly Human. Directed by Gabrielle Beaumont. Story by Ralph Phillips. Teleplay by John Whelpley, Jeri Taylor. Original air date: October 15, 1990.

Американский историк Марк Родс, комментируя такие сюжеты франшизы «Звёздный путь», подчёркивает, что её создатели фактически актуализировали «вызов идентичности сообщества, которое временами насильственно внедряет идеи посткапиталистического или пострасового общества в традиционно консервативные социумы» [Rhodes, 2017: 30]. Кроме этого, для большинства подобных эпизодов сериалов характерны конкретные аллюзии с политическими реалиями западной политики. Поэтому массовая культура сериалов внесла свой вклад в универсализацию и легитимацию международных интервенций, так как внедряла в сознание общества понимание того, что вмешательство относится к числу «законных инструментов внешней политики»¹⁶.

Именно в этом контексте эпизод «Внезапная человечность» актуализирует конструктивистский, воображаемый и избранный, характер как идентичности, так и коллективной памяти: герой серии, человек Джано, делает выбор в пользу не земной, а таларианской идентичности и исторической памяти, которые воспринимаются им как его собственные.

23 эпизод «Отдалённое происхождение»¹⁷ 3 сезона сериала «Звёздный путь: Вояджер», наоборот, актуализирует альтернативную модель развития идентичности и коллективной памяти, основанную на её восприятии в примордиальной системе координат. Поэтому два героя эпизода, принадлежащие к расе вавов, оказываются маргинализированными собственным обществом, так как пытаются подвергнуть ревизии историческую память, основанную на мифе, а не научном и критическом восприятии прошлого.

В этом контексте эпизод актуализировал различные модели исторического воображения, ставшие заметными в результате вынужденного контакта двух культур, идентичности которых имеют ди-

аметрально отличные друг от друга основания, представленные рационализмом и религиозным фундаментализмом. Подобные сюжетные линии в американских научно-фантастических сериалах, вероятно, следует воспринимать в категориях ассимиляции «высокой» культурой со стороны массовой культуры. Именно эта ассимиляция позволяет современным сериалам как медиатекстам «ссылаться на условности и коды, установленные через другие тексты», игнорируя и забывая при этом «о реальных контекстах и специфике своих исходных текстов, так как они обращаются к жанру, традиции или способу дискурса как к уже прочитанному и воспринимаемому в категориях дежа-вю... поэтому контекстное знание работает здесь через неточную интертекстуальность» [Kukkonen, 2008: 262]. Возможно, именно поэтому современные фантастические сериалы оказываются достаточно легко прочитываемыми со стороны массового потребителя, который пользуется не только развлекательными ресурсами общества потребления, но и воспринимает его информационный контекст. В этом контексте новостные программы и сериалы могут восприниматься в качестве тесно связанного контента, так как фактически ассимилируют «политическое», делая это, правда, различными способами. Среди ассимилированного сериалами содержания политической культуры в такой ситуации особое место принадлежит восприятию прошлого, что, собственно, и превращает дискурс массовой культуры в ещё одно из пространств бытования и функционирования коллективной памяти.

Последствия встречи миров: память как «проработка прошлого»

Мотивы встречи цивилизаций как контакта и/или столкновения в современной американской «культуре сериалов», нередко приводили представителей вообража-

¹⁶ Duffield M. Human (In)security, Liberal Interventionism and Fortified Aid Compounds // Theory Talk. — 2011. — 21 Jul. — URL: <http://www.theory-talks.org/2011/07/theory-talk-41.html>

¹⁷ Distant Origin. Directed by David Livingston. Written by Brannon Braga, Joe Menosky. Original air date: April 30, 1997.

емых обществ к вынужденной «проработке прошлого», так как (вынужденное или добровольное) соприкосновение различных обществ заставляло интеллектуалов конструировать новые образы истории, формируя новые мемориальные каноны. Эти версии конструируемой исторической памяти могли актуализировать различные стратегии воображения прошлого, диапазон интерпретаций которого варьируется от коллективной травмы (память о насилии и терроре, исторические образы гонений и т.д.) до славной истории, представленной преимущественно в версиях прошлого, тиражируемых националистическими интеллектуалами. Кроме этого, во внимание следует принимать и то, что американские научно-фантастические сериалы стали стимулом для роста интереса к прошлому в рамках публичной истории [Britton, 1997], когда академическая историография была вынуждена пойти на уступки массовому зрителю, адаптировав свои нарративы под запросы общества потребления.

В начале 2020-х гг. В. Тодд Гроус, доктор философии и Президент Исторического общества Джорджии, подчёркивал, что менее 20 % американских «учащихся средних школ хорошо знают историю. Дополнительные исследования показывают, что это вопиющее отсутствие исторических знаний характерно не только для молодежи, но и для взрослых»¹⁸. Такая ситуация свидетельствует о разрыве в обществе потребления социальной коммуникации между «высоким» и «низким» культурным дискурсом. Поэтому, «на современном этапе память, национальная и историческая, меняет традиционные аналоговые или “ламповые” пространства своей локализации, постепенно становясь компонентом современной массовой культуры. Точнее, массовая культура стала влиятельна в такой степени, что начинает интерпретиро-

вать прошлое, конкурируя в этом сомнительном занятии с профессиональными историками» [Кирчанов, 2021b: 56].

Формированием коллективной памяти начинают заниматься не традиционные институты типа академических сообществ, а массовая культура. Версии восприятия истории как конструкта, сформированного не текстами, но визуальными проявлениями массовой культуры, характерны для большинства обществ современного мира. Ещё не так давно национальное государство как продукт эпохи модерна, «считалось платформой коллективной памяти, так как именно оно определило границы, в пределах которых находится сообщество тех, кто разделяет общую коллективную память» [Kukkonen, 2008: 265]. В новой ситуации функции по формированию памяти перешли к акторам массовой культуры, которые создают мемориальные каноны и мнемонические практики не менее эффективно, чем государство при помощи политических институтов и профессиональной бюрократии. Тем самым массовая культура, используя ресурсы истории как памяти, ассимилировала реальный опыт исторического воображения, политики памяти и идеологически мотивированных манипуляций с прошлым, что позволяет в подобных сюжетах находить аллюзии с реальным опытом обществ Запада, в которых история, редуцированная до компромиссного мемориального канона, стала важным мобилизационным ресурсом.

Аэли Аронофф, американский исследователь массовой культуры, полагает, что сериалы склонны ассимилировать академические представления о памяти, редуцируя её до «одной великой катастрофы, которая постоянно повторяется»¹⁹. Интересно, что создателей оригинального сериала «Звёздный путь» середины 1960-х гг. привлекала проблема памяти именно как коллективной травмы, которая вынужда-

¹⁸ Todd Groce W. When History and Memory Collide // Georgia Historical Society. — URL: <https://georgiahistory.com/about-ghs/office-of-the-president/perspectives-the-presidents-column/when-history-and-memory-collide/>

¹⁹ Aronoff A. Star Trek and Historical Memory // Humanities, Social Sciences, and the Arts College Blog. — 2018. — 4 Dec. — URL: <https://www.hmc.edu/hsa/2018/12/04/star-trek-and-historical-memory/>

ла вытеснять неприятные и болезненные эпизоды истории, декларируя её смерть и утверждая, что «прошлое забыто»²⁰.

Ряд эпизодов сериала поднимал вопросы формирования мемориального канона, проработки прошлого в целях консолидации общества. Например, 13 эпизод первого сезона оригинального сериала «Совесть короля» актуализировал проблемы ответственности за политически мотивированное насилие спустя 20 лет после гражданского конфликта на планете Тарсус IV. Герои серии вынуждены корректировать собственную коллективную память, пытаясь с точки зрения собственной идентичности, основанной на гуманности, признании культурного многообразия, прав и свобод, соотнести её со словами бывшего военного диктатора, утверждавшего, что «революция состоялась, но выживание требует суровых мер. Ваше существование представляет угрозу для блага общества, ваша жизнь означает медленную смерть для более ценных членов колонии. Поэтому я вынужден приговорить вас к смерти»²¹. Действительно, насилие в мире оригинального сериала «Звёздного пути» стало той универсалией, которую герои экипажа «Энтерпрайза» воспринимают как маргинальное явление, но постоянно сталкиваются с ним в менее развитых обществах. При этом они периодически вынуждены сталкиваться с такими моделями социальной организации, которые, наоборот, воспринимают память о политически мотивированном и идеологически легитимизированном насилии как основу идентичности. Американский историк Джеймс Гроссман также полагает, что ака-

демические исследования памяти нередко актуализируют опыт «трагедии и бесчеловечности»²². В этой ситуации неизбежно и естественно и то, что конструируемые формы коллективной памяти для воображаемых миров и социальных пространств американских сериалов, не менее активно используют похожие образы. Современное кино «как технология, способная отображать и воплощать темпоральность прошлого, стало центральным элементом передачи памяти в современной культурной жизни» [Grainge, 2003].

Сериалы активно используют этот символический ресурс, активно конструируя альтернативные социальные модели развития обществ, хотя визуализированные особенности и тенденции их существования воспроизводят реалии и особенности западного исторического опыта. Например, 21 эпизод 2 сезона «Оригинального сериала» визуализируют альтернативный земному тип общества, в основу которого положена память о диктатуре НСДАП в Германии, так как земной ученый, прибывший для изучения, решил вмешаться в ход местного развития, выбрав в качестве образца Германию 1933–1945 гг., признав тем самым, что «взял за образец земную историю»²³, так как фашизм создал «самое эффективное государство на земле»²⁴. Утверждения одного из персонажей, зачитывающего «объявление из штаб-квартиры фюрера» и приказавшего «очистить нашу столицу от зionцев. Наши героические войска начали зачистку от зionских чудовищ, отравляющих нашу планету»²⁵, представляет собой явную аллюзию на события европейской истории 1930-х гг.

²⁰ The Conscience of the King. Directed by Gerd Oswald. Written by Barry Trivers. Original air date: December 8, 1966. 36:42 – 36:44.

²¹ The Conscience of the King. Directed by Gerd Oswald. Written by Barry Trivers. Original air date: December 8, 1966. 33:49 – 34:09.

²² Grossman J. Tragedy, memory, history // Perspectives on History. Newsmagazine of American Historical Association. — 2012. — 1 Oct. — URL: <https://www.historians.org/publications-and-directories/perspectives-on-history/october-2012/tragedy-memory-history>

²³ Patterns of Force. Directed by Vincent McEveety. Written by John Meredyth Lucas. Original air date: February 16, 1968. 40:15 – 40:18.

²⁴ Ibid. 40:26 – 40:28.

²⁵ Ibid. 5:59 – 6:09.

Если условно «высокая культура» в США к концу 1960-х гг. выработала опыт рефлексии о трагедии Холокоста, то массовая культура в это время только начала делать первые шаги в этом направлении. Уместно предположить, что «Оригинальный сериал» стал одной из попыток локализовать память о Холокосте как травму, что позднее позволило сформировать «широкий спектр ответов на мучительное прошлое»²⁶, которое объективно для среднестатистического американского зрителя — потребителя научной фантастики было не только далеким и непонятным, но объективно чужим.

Современный грузинский культуролог Гиги Тевзадзе, комментируя особенности актуальной культурной ситуации, полагает: «на смену эпохе Гутенберга пришла эпоха Цукерберга. Но многие вещи, в том числе принципы организации нашего окружения, по-прежнему остаются гутенберговскими»²⁷. По мнению другого современного грузинского культуролога Мариама Гвинджилии, крайне проблематично воспринимать масскульт как «не имеющей ничего общего»²⁸ с более ранними культурными практиками, в том числе «высокой» культурой.

В этом контексте массовая культура, представленная научно-фантастическими сериалами, не утрачивает полностью связи с классическим наследием, интегрируя его в свои собственные культурные модели. Именно поэтому анализируемые сериалы можно считать формами ассимиляции в том числе памяти о Холокосте как резонансной памяти-травмы²⁹. Можно предположить, что выбор формально фантастического жанра для актуализации трагедии

Холокоста и несколько упрощённого рассказа о ней, пригодном для массового потребителя, не был случайным: в 1960-е гг. американское общество, по своей видимости, ещё не было готово воспринимать эту проблематику, представленную в других, формально «серьёзных», жанрах. Локализация трагедии европейского еврейства в фантастическом кинематографе именно через ассимиляцию памяти-травмы позднее позволила ознакомить американцев с этой проблемой в иных формах.

23 эпизод «Окончательная победа»³⁰ 2 сезона «Оригинального сериала» также актуализирует феномен коллективной исторической амнезии, в рамках которой забывание прошлого, размывание представлений о происхождении актуализирует новые формы исторической памяти, которая апеллирует не к консолидации, но сознательному разделению и фрагментации социума на «своих» и «чужих». В рамках эпизода конкурируют два общества — комы и янги, которые разделены не только расово (первые — монголоиды, вторые — европеоиды), но и исторически (одни являются потомками китайцев, то другие — американцев). Специфика социальной и культурной ситуации, смоделированной в 23 эпизоде 2 сезона, состоит в поражении потомков американцев, которые оказались на положении жертв авторитарного китайского общества: потомки американцев в такой социальной и культурной ситуации сохраняют только рудиментарные проявления политической и исторической памяти, цитируя конституцию, но воспринимая её не более как религиозный текст.

Религиозное, буквалистское и некритическое восприятия прошлого, редуци-

²⁶ Stites R. The Pawnbroker: Holocaust, Memory, and Film // Perspectives on History. Newsmagazine of American Historical Association. — 2008. — 1 Jan. — URL: <https://www.historians.org/publications-and-directories/perspectives-on-history/january-2008/the-pawnbroker-holocaust-memory-and-film>

²⁷ Tevzadze G. Gut'enbergidan – tsuk'erbergamde: nap'rali or samq'aros shoris // Semiotics. — 2021. — 27 May. — URL: <https://semioticsjournal.wordpress.com/2021/05/27/>

²⁸ Ghvinjilia M. K'lasik'uri t'ekst'is p'ersonazhis p'ost'modernist'uli rek'onst'ruksia // Semiotics. — 2021. — 21 Oct. — URL: <https://semioticsjournal.wordpress.com/2021/10/25/>

²⁹ Toplin R.B. Masters at the movies, take 2 // Perspectives on History. Newsmagazine of American Historical Association. — 2008. — 1 Jan. — URL: <https://www.historians.org/publications-and-directories/perspectives-on-history/january-2008/masters-at-the-movies-take-2>

³⁰ The Omega Glory. Directed by Vincent McEveety. Written by Gene Roddenberry. Original air date: March 1, 1968.

рованного в коллективной идентичности до политической и идеологической доктрины, представлено и в 23 эпизоде «Живой свидетель»³¹ четвёртого сезона сериала «Звёздный путь: Вояджер». В отличие от большинства других серий сериалов, формирующих франшизу «Звёздного пути», этот эпизод актуализирует не контакт обществ, но только политически мотивированную версию памяти о нём. «Живой свидетель» интересен как попытка визуализации вероятных изменений исторической памяти, когда реальные события подменяются их идеологизированными интерпретациями. Поэтому в коллективной памяти двух обществ — васканцев и кирианцев — одни и те же события подвергаются диаметрально противоположным и взаимоисключающим интерпретациям.

Вместе с тем, эпизод актуализирует вариант политики памяти, основанной на различных стратегиях «проработки прошлого». Если одна модель памяти базируется на последовательной не только политической, но и мемориальной сегрегации, основанной на радикальном разделении прошлого между двумя социумами, то другая, наоборот, предусматривает возможность исторической ревизии, ведущей к преодолению фрагментации и формированию компромиссного канона исторической памяти, что ведёт к преодолению травмы прошлого, отягощённого взаимным насилием и дискриминацией.

В современной исторической науке ревизионизму принадлежит особая роль. Джеймс МакФерсон, Президент Американской исторической ассоциации, в 2003 г., подчёркивал, что «ревизия является жизненной основой исторической науки. История представляет собой непрерывный диалог между настоящим и прошлым. Ин-

терпретации прошлого могут меняться вследствие нахождения новых исторических данных, появления новых вопросов к уже открытым источникам, лучшего видения прошлого, которое наступает с течением времени. Не существует единой, вечной и неизменной “истины” о событиях прошлого и их значении. Бесконечные попытки историков разобраться в прошлом, по сути “ревизионизм”, как раз и делают историческую науку жизненно важной и значимой»³². Американская массовая культура, включая фантастические сериалы, более активно и наступательно использует ресурсы ревизионизма как механизма пересмотра и переосмысления истории, что отличает её как от академической историографии, так и политики памяти, которые в попытках ревизии прошлого сталкиваются с большим числом препятствий, чем создатели продукта, относящегося к пространству масскульта.

В то время как сериалы франшизы «Звёздный путь» актуализировали конкурирующие памяти различных рас, «Вавилон 5» визуализировал проблемы фрагментации памяти землян. Например, восьмой эпизод «И небо, полное звёзд»³³ первого сезона сериала показывает универсальность насилия как формы «проработки прошлого», отягощённого мифологизацией истории и духом милитаризма. Первый эпизод «Отправные пункты»³⁴ второго сезона «Вавилона 5» универсализируют гетерогенность коллективной памяти, перенося её и на неземные общества, в частности — Минбар, где милитаризм, с одной стороны, и идентичность, отягощённая травматическим опытом неудачной войны, визуализируют невозможность достижения мемориального канона, который удовлетворял бы политические запросы всего социума в целом.

³¹ Living Witness. Story by Brannon Braga. Teleplay by Bryan Fuller, Brannon Braga, Joe Menosky. Original air date: April 29, 1998.

³² McPherson J. Revisionist Historians // Perspectives on History. Newsmagazine of American Historical Association. — 2003. — 1 Sep. — URL: <https://www.historians.org/publications-and-directories/perspectives-on-history/september-2003/revisionist-historians>

³³ And the Sky Full of Stars. Directed by Janet Greek. Written by J. Michael Straczynski. Original air date: March 16, 1994.

³⁴ Points of Departure. Directed by Janet Greek. Written by J. Michael Straczynski. Original air date: November 2, 1994.

В этом контексте воображаемые инопланетные общества «Оригинального сериала» актуализировали тоpos Инаковости. «Звёздный путь: следующее поколение» использовал этот ресурс конструирования Другого не менее активно. В частности, в 8 эпизоде «Связанные» 7 сезона земной офицер Вильям Райкер описывает Кеспред, одно из внеземных обществ, как «неблагополучный мир, где социальные, политические и военные проблемы не решены. Кесы, несмотря на дружелюбие и демократичность, страдают от мнительности, предрассудков и паранойи»³⁵. Такие качества коллективной памяти как культурная амнезия и изобретение Инаковости актуализируются в седьмом эпизоде «Секреты души»³⁶ пятого сезона сериала «Вавилон 5». Создатели сериала поставили вопрос не только об универсальности насилия, мотивированного расизмом, но и об эластичности исторической памяти, способности общества использовать социальную амнезию для забывания и вытеснения из мемориальной культуры тех моментов истории, которые могут дискредитировать элиты, указав на их участие в политике геноцида и уничтожения целой расы.

В рамках 17 эпизода «Согласие»³⁷ 4 сезона «Звёздного пути: Глубокий космос 9» актуализируется проблема стабильности исторической памяти. В центре эпизода — Акорем Лаан, баджорский поэт, который более 200 лет отсутствовал на родной планете, но не был забыт благодаря своим текстам. В центре сюжета этой части франшизы — попытки интеграции общества планеты Баджор, которая освободилась от оккупации со стороны Кардассии. Эпизод, таким образом, затрагивает тему важности коллективной исторической памяти, её центральной роли в сохранении идентич-

ности Баджора, несмотря на десятилетия кардассианской оккупации.

Ярким примером визуализации травмированной памяти является 19 серия «Дуэт»³⁸ 1 сезона сериала «Звёздный путь: Глубокий космос 9», в центре которого оказывается судьба кардассианца, обвиняемого в военных преступлениях. Эпизод актуализирует особенности функционирования коллективной исторической памяти. Герой серии — кардассианец Аамин Маррица, который намеренно выдаёт себя за высокопоставленного военного Гул Дархе'эла, ответственного за массовые убийства. Проблема в том, что Маррица делает это сознательно, чтобы понести наказание за преступления своего соотечественника, так как его страна не признаёт геноцид баджорского населения. Интересно, что по мнению историков современной массовой культуры (в частности, А. Ароноффа) «Звёздный путь: Глубокий космос 9» стал также является попыткой визуализировать травмы Холокоста в американской исторической памяти, актуализируя «упущенную возможность показать американцам, насколько на самом деле ужасным был Холокост»³⁹.

Воображённое баджорское общество представляет собой пример фрагментированного социума, где линии разделения носят не только политический, идеологический и религиозный, но и мемориальный характер. Единственное, что консолидирует баджорцев и кардассиан — это полученная ими коллективная травма. Память Баджора травмирована десятилетиями кардассианской оккупации, а мемориальная культура Кардассии проявляется в комплексе поражения, отягощённого отсутствием принятия и осознания собственной вины. Аналогичные проблемы визуализированы в девятом эпизоде «Несущая смерть»⁴⁰ первого сезона сериала «Вави-

³⁵ Attached. Directed by Jonathan Frakes. Written by Nick Sagan. Original air date: November 8, 1993. 35:38 – 35:57.

³⁶ Secrets of the Soul. Directed by Tony Dow. Written by J. Michael Straczynski. Original air date: March 4, 1998.

³⁷ Accession. Directed by Les Landau. Written by Jane Espenson. Original air date February 26, 1996.

³⁸ Duet. Directed by James L. Conway. Story by Lisa Rich, Jeanne Carrigan-Fauci. Teleplay by Peter Allan Fields. Original air date: June 14, 1993.

³⁹ Aronoff A. Star Trek and Historical Memory // Humanities, Social Sciences, and the Arts College Blog. — 2018. — December 4. — URL: <https://www.hmc.edu/hsa/2018/12/04/star-trek-and-historical-memory/>

⁴⁰ Deathwalker. Directed by Bruce Seth Green. Written by Larry DiTillio. Original air date: April 20, 1994.

лон 5», где военный преступник не только скрывается от правосудия, но и почти избегает наказания, так как политические элиты не только заинтересованы в получении необходимой им научной информации, но и стремятся маргинализировать память как травму, стимулируя коллективную социальную амнезию, вытесняя из идентичности воспоминания о военных преступлениях, так как те проблематично интегрировать в официальный идеологический канон.

Выводы

Превращение некоторых проявлений массовой культуры, включая научно-фантастические сериалы, в политические инструменты актуализирует их роль в сохранении идентичности и памяти, а также в индоктринизации общества. Эти функции проявляются в визуализации значительного числа политических проблем, включая универсальность идеологически мотивированного насилия, темы вмешательства/невмешательства одних цивилизаций во внутренние дела других групп и сообществ. Подобная метаморфоза была бы маловероятной, если бы ей не предшествовала актуализация этой проблематики в научно-фантастической литературе (Э. Нортон, Кр. Сташефф, А. и Б. Стругацкие), которая давала возможность языком массовой культуры говорить о политически и идеологически значимых проблемах. Разумеется, число потребителей таких культурных сигналов трудно поддаётся учёту, а политические эффекты могли носить в большей степени отложенный характер.

Сериализация кинопроизводства увеличила число потенциальных потребителей политических посланий, ассимилированных массовой культурой. В этой ситуации сериалы в современной мемориальной культуре могут играть не менее важную роль, чем академические исследования коллективных памяти и манипуляций с ними, производимых по инициативе политических элит. Сериалы-франшизы, включая «Звёздный путь» и «Вавилон 5», стали новейшими формами существования дискурсивно-нарративных практик

воображения, изобретения и конструирования прошлого. Содержательно эти формы памяти отличаются от её более ранних моделей (ограниченных академическим дискурсом или «классической» литературной традицией), только большим применением ресурсов визуальности. Вместе с тем, они могут выполнять аналогичные или сопоставимые политические роли и идеологические задачи.

Параллельно научно-фантастические сериалы претендуют на сближение с гуманитарными и общественными формами научного знания, ассимилируя и впоследствии транслируя достижения последнего. Некоторые их эпизоды можно воспринимать как попытки упрощённой реинтерпретации, пересказа академических теорий исторической памяти, культурных и национальных идентичностей, социального развития или международных отношений. Так, «Звёздный путь» можно интерпретировать как набор конкретных кейсов, которые иллюстрируют различные модели развития и существования социальных институтов, политических процессов, модернизаций и конфликтов. «Вавилон 5» в этом отношении претендует на большую универсальность, став своеобразным «учебником» теории международных отношений и мировой политики, «пересказав» концепции политического реализма, неомарксизма и мир-системного анализа и т.д. при помощи формально фантастического и развлекательного визуального ряда. В центре большинства сюжетов, ассимилированных массовой культурой, лежат проблемы коллективной памяти, исторической травмы, проработки прошлого, примирения сообществ путём переосмысления прошлого с применением исторического ревизионизма. Подобная ассимиляция как попытка объяснения академического дискурса визуальным языком сериальной культуры превращает сериалы в способ социального конструирования сообществ и изобретения традиций, а также индоктринизации общества, легитимации в нём решений элит.

Успешное развитие франшизы «Звёздный путь» на протяжении нескольких десятилетий, её перезапуск в 2022 г., неодно-

кратные публикации СМИ о возможном перезапуске «Вавилона 5», как и превращение этих сериалов в предмет междисциплинарных исследований, свидетельствуют не только о том, что массовая культура стала формой исторической памяти, но и о том, что именно в таком качестве она скорее всего будет функционировать и в ближайшем будущем, что актуализируют как важность, так и необходимость последующих исследований того, как культура сериала стала версией политической культуры, основанной на упрощении и визуализации академических представлений о прошлом — как истории политического травматического опыта насилия и идеологической конфронтации, а также их преодоления через культивирование коллективной памяти, редуцируемой до мемориального канона, визуализированного и адаптированного под современный язык сериала.

Массовая культура научно-фантастических сериалов активно и оперативно реагирует на изменения политических предпочтений и идеологических ориентиров общества. Сериалы реализуют не только изначально присущие им развлекательные функции, но и исторически не характерные, но приобретённые вследствие их развития задачи. Сериалы общества потребления становятся сферой актуализации «коллективных памяти», ассимилируя и упрощая их, меняя модусы и дискурсы функционирования мемориальных культур и пространств, превращая последние в более доступные для массового потребителя, который чужд академическим штудий мнемонических канонов и практик, в то время как сериал преподносит память в уже подготовленной для восприятия форме.

Список литературы:

- Кирчанов М.В. Когда нации вспоминают: что, где и как. Заметки культурного антрополога на полях книги Джеймса Верча "How Nations Remember: A Narrative Approach" // Историческая экспертиза. — 2021b. — № 3. — С. 54–67.
- Кирчанов М.В. Фантастический кинематограф как одна из форм локализации военных образов в американской массовой культуре // Гуманитарный вектор. — 2021a. — Т. 16, № 5. — С. 77–86. <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2021-16-5-77-86>
- Саква Р. Западная культурная революция и мировая политика // Россия в глобальной политике. — 2021. — Т. 19, № 5. — С. 86–90. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2021-19-5-86-90>
- Тульчинский Г.Л. Историческое сознание и экранная культура // Наука телевидения. — 2017. — Т. 13, № 1. — С. 110–127.
- Тульчинский Г.Л. Экран и фактор скорости: от нарративов к перформативам // Наука телевидения. — 2019. — Т. 15, № 2. — С. 29–40. <https://doi.org/10.30628/1994-9529-2019-15.2-29-40>
- Abbott S. The Cult TV Book: From Star Trek to Dexter, New Approaches to TV Outside the Box. — New York: Soft Skull Press, 2010. — XIV, 273 p.
- Almeida J.M. de. International Political Theory and the Issue of Legitimate Intervention // Nação e defesa. — 2002. — № 2. — P. 155–170.
- Assmann A. From Collective Violence to a Common Future: Four Models for Dealing with a Traumatic Past // Conflict, memory transfers and the reshaping of Europe. — Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publ., 2010. — P. 8–23.
- Barber J. Star Trek and the anthropological machine: Eliding difference to stay human // Geographical Bulletin - Gamma Theta Upsilon. — 2017. — Vol. 58, № 1. — P. 40–50.
- Britton D.F. Public History and Public Memory // The Public Historian. — 1997. — Vol. 19, № 3. — P. 11–23. <https://doi.org/10.2307/3379553>
- Buzan B. America in Space: The International Relations of Star Trek and Battlestar Galactica // Millennium: Journal of International Studies. — 2010. — Vol. 39, № 1. — P. 175–180. <https://doi.org/10.1177/0305829810371016>

- Chavkin D., McGuire B. *Star Trek: Designing the Final Frontier: How Midcentury Modernism Shaped Our View of the Future*. — San Rafael: Weldon Owen, 2021. — 168 p.
- Cogan B. *Deconstructing South Park: Critical Examinations of Animated Transgression*. — Lanham: Lexington Books Rowman & Littlefield Publishers, Incorporated, 2011. — 256 p.
- Davidson F.M. Owning the future: Manifest destiny and the vision of American hegemony in *Star Trek* // *Geographical Bulletin - Gamma Theta Upsilon*. — 2017. — Vol. 58, № 1. — P. 8–18.
- Delasara J. *PopLit, PopCult, and the X-Files: Critical Exploration*. — Jefferson: McFarland, 2000. — V, 247 p.
- Disch T.M. *The Dreams Our Stuff Is Made Of: How Science Fiction Conquered the World*. — New York: Touchstone, 2000. — 272 p.
- Dittmer J. *Popular Culture, Geopolitics and Identity*. — Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2010. — XXI, 181 p.
- Dittmer J., Dodds K. Popular Geopolitics Past and Future: Fandom, Identities and Audiences // *Geopolitics*. — 2008. — Vol. 13, № 3. — P. 437–457. <https://doi.org/10.1080/14650040802203687>
- Dyson S.B. *Otherworldly Politics : the International Relations of Star Trek, Game of Thrones, and Battlestar Galactica*. — Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2015. — X, 163 p.
- Fewster D. Visions of past glory : nationalism and the construction of early Finnish history. — Helsinki: Finnish Literature Society, 2006. — 555 p.
- Geraghty L. *Living with Star Trek: American culture and the Star Trek universe*. — London; New York: Tauris, 2007. — VIII, 232 p.
- Gonzalez G.A. *Popular Culture, Conspiracy Theory, and the Star Trek Text*. — Lanham: Lexington Books, 2020. — VII, 107 p.
- Gonzalez G.A. *Star Trek and the Politics of Globalism*. — Cham: Springer International Publishing, 2018. — XIII, 148 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-95411-0>
- Gonzalez G.A. *The Politics of Star Trek: Justice, War, and the Future*. — New York: Palgrave Macmillan US, 2015. — IX, 219 p. <https://doi.org/10.1057/9781137546326>
- Grainge P. *Memory and popular film*. — Manchester: Manchester University Press, 2018. — 272 p. <https://doi.org/10.7765/9781526137531>
- Gunderman H.C. Blurring the protagonist/antagonist binary through a geopolitics of peace: *Star Trek's* Cardassians, antagonists of the alpha quadrant // *Geographical Bulletin - Gamma Theta Upsilon*. — 2017. — Vol. 58, № 1. — P. 51–62.
- Halbwachs M. *Les cadres sociaux de la mémoire*. — Paris: Félix Alcan, 1925. — XII, 404 p.
- Hall R.A. *Robots in Popular Culture: Androids and Cyborgs in the American Imagination*. — Santa Barbara: ABC-CLIO, LLC, 2021. P. — XXX, 325 p.
- Hanovs D., Tēraudkalns V. *Laiks, telpa, vadonis: autoritarisma kultura Latvija, 1934-1940*. — Riga: Zinatne Publ., 2012. — 326 p.
- Heraclides A., Dially A. Intervention and non-intervention in international political theory // *Humanitarian Intervention in the Long Nineteenth Century: Setting the Precedent*. — Manchester: Manchester University Press, 2015. — P. 81–98. <https://doi.org/10.2307/j.ctt1mf71b8.9>
- Kück R. *Star Trek: Politics: The Political culture of a Sci-Fi Series*. — Independently published, 2020. — 205 p.
- Kukkonen K. Popular Cultural Memory: Comics, Communities and Context Knowledge // *Nordicom Review*. — 2008. — Vol. 29, № 2. — P. 261–273. <https://doi.org/10.1515/nor-2017-0190>
- Kyrchanoff M.W. Historical grand narratives of the Seven Kingdoms of Westeros: from invention to deconstruction of a traditional Medieval historiography // *Journal of Frontier Studies*. — 2018. — № 1. — P. 17–46. <https://doi.org/10.24411/2500-0225-2018-00002>
- Kyrchanoff M.W. Inventing Nostalgia for the “Golden Age” of the National Middle Ages and Fear of the Future // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. — 2020. — Vol. 2, № 4. — P. 112–151. <https://doi.org/10.46539/gmd.v2i4.106>
- MacCabe C. *High theory/low culture: analysing popular television and film*. — Manchester: Manchester Univ. Press, 1986. — 171 p.

Nora P. Rethinking France. Volume 4, Histories and Memories. — Chicago: University of Chicago Press, 2010. — XIV, 479 p.

Pence J. Postcinema/Postmemory // Memory and popular film. — Manchester: Manchester University Press, 2018. P. 237–256. <https://doi.org/10.7765/9781526137531.00020>

Rhodes M.A. Alternative pasts, presents, and futures in Star Trek: Historical engagement and representation through popular culture // *Geographical Bulletin - Gamma Theta Upsilon*. — 2017. — Vol. 58, № 1. — P. 29–39.

Warf B. The Way It Wasn't: Alternative Histories, Contingent Geographies // *Lost in Space: Geographies of Science Fiction*. — London: Continuum, 2002. — P. 17–38.

References:

Abbott, S. (2010) *The Cult TV Book: From Star Trek to Dexter, New Approaches to TV Outside the Box*. New York: Soft Skull Press.

Almeida, J. M. de (2002) 'International Political Theory and the Issue of Legitimate Intervention', *Nação e defesa*, (2), pp. 155–170.

Assmann, A. (2010) 'From Collective Violence to a Common Future: Four Models for Dealing with a Traumatic Past', in *Conflict, memory transfers and the reshaping of Europe*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publ., pp. 8–23.

Barber, J. (2017) 'Star Trek and the anthropological machine: Eliding difference to stay human', *Geographical Bulletin - Gamma Theta Upsilon*, 58(1), pp. 40–50.

Britton, D. F. (1997) 'Public History and Public Memory', *The Public Historian*, 19(3), pp. 11–23. <https://doi.org/10.2307/3379553>

Buzan, B. (2010) 'America in Space: The International Relations of Star Trek and Battlestar Galactica', *Milennium: Journal of International Studies*, 39(1), pp. 175–180. <https://doi.org/10.1177/0305829810371016>

Chavkin, D. and McGuire, B. (2021) *Star Trek: Designing the Final Frontier: How Midcentury Modernism Shaped Our View of the Future*. San Rafael: Weldon Owen.

Cogan, B. (2011) *Deconstructing South Park: Critical Examinations of Animated Transgression*. Lanham: Lexington Books Rowman & Littlefield Publishers.

Davidson, F. M. (2017) 'Owning the future: Manifest destiny and the vision of American hegemony in Star Trek', *Geographical Bulletin - Gamma Theta Upsilon*, 58(1), pp. 8–18.

Delasara, J. (2000) *PopLit, PopCult, and the X-Files: Critical Exploration*. Jefferson: McFarland.

Disch, T. M. (2000) *The Dreams Our Stuff Is Made Of: How Science Fiction Conquered the World*. New York: Touchstone.

Dittmer, J. (2010) *Popular Culture, Geopolitics and Identity*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers.

Dittmer, J. and Dodds, K. (2008) 'Popular Geopolitics Past and Future: Fandom, Identities and Audiences', *Geopolitics*, 13(3), pp. 437–457. <https://doi.org/10.1080/14650040802203687>

Dyson, S. B. (2015) *Otherworldly Politics: the International Relations of Star Trek, Game of Thrones, and Battlestar Galactica*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.

Fewster, D. (2006) *Visions of past glory: nationalism and the construction of early Finnish history*. Helsinki: Finnish Literature Society.

Geraghty, L. (2007) *Living with Star Trek: American culture and the Star Trek universe*. London; New York: Tauris.

Gonzalez, G. A. (2015) *The Politics of Star Trek: Justice, War, and the Future*. New York: Palgrave Macmillan US. <https://doi.org/10.1057/9781137546326>

Gonzalez, G. A. (2018) *Star Trek and the Politics of Globalism*. Cham: Springer International Publishing. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-95411-0>

Gonzalez, G. A. (2020) *Popular Culture, Conspiracy Theory, and the Star Trek Text*. Lanham: Lexington Books.

Grainge, P. (2018) *Memory and popular film, Memory and popular film*. Manchester: Manchester University Press. <https://doi.org/10.7765/9781526137531>

- Gunderman, H. C. (2017) 'Blurring the protagonist/antagonist binary through a geopolitics of peace: Star Trek's Cardassians, antagonists of the alpha quadrant', *Geographical Bulletin - Gamma Theta Upsilon*, 58(1), pp. 51–62.
- Halbwachs, M. (1925) *Les cadres sociaux de la mémoire*. Paris: Félix Alcan.
- Hall, R. A. (2021) *Robots in Popular Culture: Androids and Cyborgs in the American Imagination*. Santa Barbara: ABC-CLIO, LLC.
- Hanovs, D. and Tēraudkalns, V. (2012) *Laiks, tēpa, vadonis: autoritarisma kultura Latvija, 1934-1940*. Riga: Zinatne Publ.
- Heraclides, A. and Dialla, A. (2015) 'Intervention and non-intervention in international political theory', in *Humanitarian Intervention in the Long Nineteenth Century: Setting the Precedent*. Manchester: Manchester University Press, pp. 81–98. <https://doi.org/10.2307/j.ctt1mf71b8.9>
- Kück, R. (2020) *Star Trek: Politics: The Political culture of a Sci-Fi Series*. Independently published.
- Kukkonen, K. (2008) 'Popular Cultural Memory: Comics, Communities and Context Knowledge', *Nordicom Review*, 29(2), pp. 261–273. <https://doi.org/10.1515/nor-2017-0190>
- Kyrchanoff, M. W. (2018) 'Historical grand narratives of the Seven Kingdoms of Westeros: from invention to deconstruction of a traditional Medieval historiography', *Journal of Frontier Studies*, (1), pp. 17–46. <https://doi.org/10.24411/2500-0225-2018-00002>
- Kyrchanoff, M. W. (2020) 'Inventing Nostalgia for the "Golden Age" of the National Middle Ages and Fear of the Future', *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 2(4), pp. 112–151. <https://doi.org/10.46539/gmd.v2i4.106>
- Kyrchanoff, M. W. (2021a) 'SciFi Cinema as one of Spatial Localizations of Military Images in American Mass Culture', *Humanitarian Vector*, 16(5), pp. 77–86. (In Russian). <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2021-16-5-77-86>
- Kyrchanoff, M. W. (2021b) 'When nations remember: what, where and how. Notes by a cultural anthropologist on the margins of a book by James Wertsch "How Nations Remember: A Narrative Approach"', *Istoričeskāā ēkspertiza*, (3), pp. 54–67. (In Russian).
- MacCabe, C. (1986) *High theory/low culture : analysing popular television and film*. Manchester: Manchester Univ. Press.
- Nora, P. (2010) *Rethinking France. Volume 4, Histories and Memories*. Chicago: University of Chicago Press.
- Pence, J. (2018) 'Postcinema/Postmemory', in *Memory and popular film*. Manchester: Manchester University Press, pp. 237–256. <https://doi.org/10.7765/9781526137531.00020>
- Rhodes, M. A. (2017) 'Alternative pasts, presents, and futures in Star Trek: Historical engagement and representation through popular culture', *Geographical Bulletin - Gamma Theta Upsilon*, 58(1), pp. 29–39.
- Sakwa, R. (2021) 'The Cultural Revolution of the West and World Politics', *Rossiia v globalnoi politike*, 19(5), pp. 86–90. (In Russian). <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2021-19-5-86-90>
- Tulchinsky, G. L. (2017) 'Historical Consciousness and Screen Culture', *The art and science of television*, 13(1), pp. 110–127. (In Russian).
- Tulchinsky, G. L. (2019) 'Screen and Factor of Speed: from Narratives to Performatives', *The Art and Science of Television*, 15(2), pp. 29–40. (In Russian). <https://doi.org/10.30628/1994-9529-2019-15.2-29-40>
- Warf, B. (2002) 'The Way It Wasn't: Alternative Histories, Contingent Geographies', in *Lost in Space: Geographies of Science Fiction*. London: Continuum, pp. 17–38.

Информация об авторе

Максим Валерьевич Кирчанов — доктор исторических наук, доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран Факультета международных отношений, доцент кафедры истории зарубежных стран и востоковедения Исторического факультета, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», 394063, Воронеж, Университетская пл. 1. (Россия)

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors

Maksym W. Kyrchanoff — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Regional Studies and Foreign Countries Economies, Faculty of International Relations, Associate Professor of the Department of History of Foreign Countries and Oriental Studies, Historical Faculty, Voronezh State University, 1, Universitetskaya square, Voronezh, Russia, 394063 (Russia)

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 30.08.2022; одобрена после рецензирования 30.09.2022; принята к публикации 07.10.2022.

The article was submitted 30.08.2022; approved after reviewing 30.09.2022; accepted for publication 07.10.2022.

ТЕОРИЯ СУПРЕМАТИЗМА И СОБЫТИЕ: ПОИСК ВОЗМОЖНОСТИ СУБЪЕКТИВНОГО ПРЕОБРАЖЕНИЯ

Наталья Юрьевна Малкова

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

natalya.malkova@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-1954-9365>

Аннотация. В статье переосмыслен исследовательский подход к супрематизму как утопическому футуристическому проекту. Концептуальный анализ текстов К. Малевича, созданных с 1915 по 1922 гг. и посвящённых беспредметности, показал, что теория супрематизма может быть рассмотрена как оригинальный синтез идей четвёртого измерения (Ч. Хинтон) и эволюции сознания человека (П. Успенский). Что, в свою очередь, позволяет рассмотреть изложенные в теории супрематизма принципы сквозь призму понятия «Событие». И хотя данный термин сам К. Малевич не употреблял, идея «нового видения» как «вспышки смысла», открывающей возможность субъективного преобразования, оказывается созвучны тому, что философские и эзотерические учения обычно понимают под Событием. В статье выдвинут тезис, согласно которому К. Малевич, если и не находился под прямым влиянием указанных учений, то по крайней мере имел возможность «впитывать» их из культурного контекста: атмосфера духовных исканий 1910-х – начала 1920-х гг. была буквально пропитана ими. В качестве одной из площадок творческого взаимодействия, насыщенного новыми подходами и их концептуальным осмыслением, описана постановка К. Малевичем, М. Матюшиным и А. Кручёных оперы «Победа над Солнцем». Здесь чётко прослеживается логический изоморфизм художественной практики создателей оперы, основанной на специфической трактовке времени и идее эволюции сознания, — и тех идей, которые лежали в основе современной им эзотерики. Ещё одним косвенным аргументом в пользу выдвинутого тезиса о как минимум параллелизме теории К. Малевича и концепции События является перформативный характер текстов, написанных автором «Чёрного квадрата». Согласно К. Малевичу, через «преодоление смысла» как «победу над разумом» и «предметностью» в художественном творчестве стирается разрыв между модусом постулирования возможности преобразования и реальным опытом переживания чувства бессмертия, что также объединяет эзотерический проект иррационального «познания» таинственного «нового» с оккультными идеями управления этой сферой. Таким образом,

супрематизм можно интерпретировать как Событие субъективного преобразования, а теорию супрематизма — как инструмент, позволяющий пережить чувство бессмертия, доступное и творцу, и зрителю, развивающих в себе творческую волю к будущему.

Ключевые слова: Малевич, супрематизм, Пётр Успенский, русский футуризм, трансцендентное, четвёртое измерение, чёрный квадрат, новый человек, ничто, событие

Для цитирования: Малкова Н.Ю. Теория супрематизма и Событие: поиск возможности субъективного преобразования // Концепт: философия, религия, культура. — 2022. — Т. 6, № 4. — С. 138–150. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-4-24-138-150>

Philosophical essay

THE THEORY OF SUPREMATISM AND THE EVENT: THE SEARCH FOR THE POSSIBILITY OF TRANSFORMATION

Natalia Yu. Malkova

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

natalya.malkova@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-1954-9365>

Abstract. This article proposes to revise the established research approach to Suprematism as a utopian futuristic project. The conceptual analysis of the texts created by K. Malevich (1879–1935) in the period from 1915 to 1922 and devoted to pointlessness has shown that the theory of Suprematism can be viewed as a kind of synthesis of ideas of the fourth dimension (Ch. H. Hinton) and the evolution of human consciousness (P. Ouspensky). It makes it possible to regard the principles of the theory of suprematism through the prism of the concept of the Event. Though the term itself was never used by K. Malevich, the idea of a new way of seeing and a flash of the reason that leads to the possibility of subjective transformation are in line with the meaning of the Event, as seen in philosophical and esoteric thought. The article puts forward the thesis according to which K. Malevich was exposed to these ideas in the atmosphere of spiritual quests of the 1910s and early 1920s. K. Malevich, M. Matyushin, and A. Kruchenykh took part in the production of the opera Victory over the Sun which served as a venue of creative interaction and an outlet for creative approaches and conceptual reinterpretation. Here one can clearly see the logical isomorphism of the artistic practice of the opera creators, based on a specific interpretation of time and the idea of the evolution of consciousness, and those ideas that underlay the esotericism of their time. Another indirect argument in favor of the thesis about the presumed parallelism of the theory of K. Malevich and the concept of the Event is the performative nature of the texts written by the author of the Black Square. According to K. Malevich, through overcoming meaning as the victory over reason and objectivity, the gap between the modus of postulating the possibility of transformation and the real experience of the sense of immortality. This also points to the similarity of his ideas and the esoteric project of irrational cognition and control over the mysterious. Thus, Suprematism can be interpreted as the Event of subjective transformation, and the theory of Suprematism can be viewed as a tool that allows one to experience a sense of immortality, accessible to both the creator and the viewer, who develop the creative will for the future.

Keywords: Malevich, suprematism, Peter Ouspensky, russian futurism, transcendent, fourth dimension, black square, new person, nothing, event

For citation: Malkova, N. Yu. (2022) 'The Theory of Suprematism and the Event: The Search for the Possibility of Transformation', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 6(4), pp. 138–150. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-4-24-138-150>

Казимира Малевича (1879–1935) не случайно считают самым пишущим художником в мировой истории. Целеустремлённый самоучка, он не получил систематического образования и тем не менее очень системно записывал свои идеи, фактически создавая новую теорию (а не только практику) живописи. То, что можно назвать *теорией супрематизма*, создавалось им на протяжении достаточно длительного периода: один из первых текстов «От кубизма к супрематизму» датируется 1915 г., а самая известная и центральная его работа «Супрематизм. Мир как беспредметность, или вечный покой» — 1922 г.

Новое направление в художественной среде сразу была встречено неоднозначно. Например, Н. Пунину принадлежит высказывание, что супрематизм — концепт, «куда сошлась мировая живопись, чтобы умереть» [Схейен, 2019: 35, 49]. Да и сам К. Малевич в поздний период творчества вернулся к импрессионизму; сохраняющиеся в колорите его живописи цветовые отношения теперь нацелены передавать уже не беспредметность, а ощущение реального пространства [Вакар, 2022: 42]. Возникает закономерный вопрос: значит ли это, что К. Малевич отказывается от своих взглядов? И насколько в таком случае создание эскиза философской теории супрематизма можно сводить только к борьбе за

лидерство¹, заодно характеризуя её (как и весь авангардизм в целом) как проект не-реализованного «утопического потенциала»²?

Цель данного исследования состоит в том, чтобы, представив корпус текстов, посвящённых беспредметности, как единое целое³, проследить, как от зарождения идеи супрематизма К. Малевич приходит к завершению концепции и создаёт свою версию «точки» (Малевич) перехода к новому состоянию человека и мира, и той «катастрофы» (Малевич), которая соизмерима с концептом «Событие» (это слово, напомним, Малевич не употреблял).

Ключом, способствующим герменевтически корректной интерпретации текстов К. Малевича, является специфический ракурс культурного контекста, и прежде всего бытийствующие на рубеже конца XIX – начала XX вв. общественные настроения. Привлечение методологических установок культурологии в этом случае позволяет анализировать не только артикулированные тезисы автора, но их основания; строить обоснованные догадки об истоках замысла и возможном целеполагании, связанном с поиском «ответов» художника на «запрос» общества.

В концептуальной истории и теории культуры сложилось устойчивое мнение, что в конце XIX в. в обществе усиливаются настроения, выражающие общее для

¹ О том, что теория супрематизма позволила К. Малевичу утвердить своё абсолютное лидерство на пути к новому искусству, пишет Т. Горячева [Горячева, 2020: 3–59].

² И. Чубаров теорию и практику левого авангарда предлагает рассматривать как жизнестроительную, неосуществившуюся утопию [Чубаров, 2016].

³ В их число входит: «От кубизма к футуризму», «От кубизма и футуризма к супрематизму», «Архитектура как пощёчина бетоно-железу», «Футуризм», «Путь искусства без творчества», «Перелом», «Родоначало супрематизма», «Мир мяса и кости ушёл», «Обручение кольцом горизонта», «Ось цвета и объёма», «Супрематизм», «О новых системах в искусстве», «Супрематизм. 34 рисунка», «К вопросу изобразительного искусства», «Бог не скинут», «"Extra dny" («Денатурат», «Супрематическое зеркало», «Живописные законы в проблемах кино», «Форма, цвет и ощущение», «Супрематизм. Мир как беспредметность, или вечный покой».

европейского человека разочарование и скепсис относительно прогресса и материалистической науки [Лосев, 1994: 94; Хоркхаймер, Адорно, 1997: 16–61]. Пессимизм проявлялся как тоска по новым смыслам, запрос на новые формы искусства и «оживление» идеи о сверхчеловеке. Общество ждало и желало перемен и активно демонстрировало эти ожидания, чем подталкивало интеллектуалов и людей искусства на поиски нового, разнообразные по своей формальной и содержательной направленности. Новейшие искания художников начала XX в. были сопряжены с публичными обсуждениями темы «искусства будущего». Постепенно искания новизны в художественном творчестве, как известно, разовьются в самостоятельную общественную силу [Крусанов, 2010: 111–112]. В этой общей ситуации предельно напряжённого поиска смысла человеческого существования теория супрематизма К. Малевича, будучи синтезом идей о будущем преобразении человечества и новой философией, также становится одной из форм «ответа» на общественный «запрос».

В понимании К. Малевича супрематизм является формой установления новых «трансформационных отношений» человека и Вселенной. Эти отношения проявляют возможность субъективного преобразования и преобразования жизни; ключевую роль в построении теории такого преобразования играют две идеи — идея четвёртого измерения и идея сверхчеловека. Обе они были усвоены русскими футуристами, кругу которых принадлежал К. Малевич, во многом благодаря книгам П. Успенского, совместившего теорию четвёртого измерения Ч. Хинтона с идеей оккультизма, рассуждавшего об эволюции человеческого сознания.

В частности, теории четвёртого измерения становятся популярными в Европе XIX в., когда в 1880 г. выходит статья британского математика Ч. Хинтона «Что такое четвёртое измерение?». В 1888 г. Ч. Хинтон издаёт книгу «Новая эра мысли», а в 1904 г. — «Четвёртое измерение».

В свою очередь, мысль о необходимости существования того, что *выше* («сверх») человека, проходит через всю историю че-

ловечества. В ситуации общеевропейского духовного кризиса на рубеже XIX–XX вв. этот тезис получил новую интерпретацию в учении Ф. Ницше [Исаченко, 2014]. Сформулированная им идея «сверхчеловека», как известно, оказала значительное влияние на последующие поиски континентальной философии. Однако не все русские интеллектуалы восприняли ницшеанский посыл: К. Малевичу и русским футуристам, несмотря на влияние философии Ф. Ницше, ближе позиция П. Успенского. В отличие от Ф. Ницше, утверждавшего, что сверхчеловек — это парадоксальный результат сверхусилия, которое не дано многим [Ницше, 1996: 146, 151], П. Успенский считал: стать существом «нового вида» может каждый человек, пройдя фазы человеческой жизни от простого сознания в самосознание, «расширив общий взгляд на человеческую жизнь» [Успенский, 2022: 415].

Напомним: П. Успенский (1887–1947) — журналист; эзотерик, интересовавшийся оккультизмом; путешественник и писатель. В результате испытанного им разочарования в официальной науке и религии стал интересоваться теософией, оккультизмом и метафизическими теориями четвёртого измерения, мечтал, подобно Е. Блаватской, о синтезе мистических и точных знаний, который позволил бы найти смысл жизни. Опираясь на фундаментальные кантовские идеи о «вещи в себе» («мы совсем не можем познать мир правильно путём чувственного восприятия, <...> а вещь сама в себе нам неизвестна и не может нами быть познана» [Успенский, 2022: 15]); и о «расширенном мышлении» как смысле человеческой жизни (если мы преодолеем «страх пустоты», то «систематизирование того, чего мы не знаем, может дать нам больше для правильного понимания мира и себя» [Успенский, 2022: 21]), П. Успенский видит выход из тупика, в котором оказался человек на рубеже XIX–XX вв., в развитии умения мыслить вещи в других категориях («таким образом мы приведём наш ум в соприкосновение с природой» [Успенский, 2022: 28]). Он считает, что поставленную И. Кантом проблему успешно разрешает Ч. Хинтон, который призывал развивать «чувство пространства» с помощью специ-

альных упражнений с цветными кубами, составляя из них четырёхмерный тессеракт [Успенский, 2022: 136].

Согласно П. Успенскому, в качестве познавательной процедуры измерение представляет разные грани реальности. Рациональную реальность, в которой мы живём, можно увидеть как длину, высоту и глубину всех объектов Вселенной. Одномерные объекты существуют только в рамках понятия длина. Второе измерение, благодаря которому можно получить двумерный объект, — это высота. Идеальным примером третьего измерения будет куб, так как глубина придаёт всем объектам понятие площади и поперечного сечения. Четвёртым измерением считается время, которое сообщает усложнение пространственно-временному континууму. Для того, чтобы мы могли определить положение объекта во Вселенной, необходимо знать его позицию во времени. Если первые три измерения человек воспринимает относительно легко благодаря наличию в психическом аппарате ощущения, восприятия и представления, то четвёртое делает реальность такой, какой мы её не знаем. Для его восприятия необходимо обладать «расширенным мышлением», требующим особого обучения. Для этого, по П. Успенскому, и нужно искусство. Идущее в авангарде психической жизни, оно предугадывает будущие формы. Более того, новое искусство уже осуществило «первые опыты языка интуиции» (языка будущего). Новый язык рождается в искусстве в результате сочетания высокого напряжения чувства и мысли. В нём заключены сильные средства познания мира причин: «Передача эмоциональных переживаний и эмоционального понимания составляет цель *искусства* (здесь и далее курсив П. Успенского). <...> Сочетание чувства и мысли высокого напряжения приводит к *интуиции*, т.е. к высшей форме сознания» [Успенский, 2022: 98]. Четвёртое измерение П. Успенским переосмысливается как цель, к которой стремится человеческое сознание, оно посте-

пенно должно превратиться в сверхсознание или, по П. Успенскому, в «космическое сознание» [Успенский, 2022: 66]. «Космическое сознание» — способность человека к самосознанию, возможность сознавать себя отдельным от всей остальной Вселенной существом, обращаться со своим душевным состоянием как объектами сознания, что означает развитие способности переноситься в новый план бытия — по сути, переживать чувство бессмертия [Успенский, 2022: 414]. Усваивая новый язык, человек получает ключ, который позволит ему открыть двери *мира причин*⁴ без страха, признать неизвестные ему ранее общие свойства, которые представлены разными предметами, приблизиться к пониманию общего имени, выраженному понятием (ноуменом) [Успенский, 2022: 342, 344]. Так, по П. Успенскому, создаётся новый «бытийственный континуум», в котором реальность приобретает трансцендентное измерение. Благодаря искусству, в рамках которого художники создают новый язык, человек получает возможность «непосредственно воспринимать» «переход в новую реальность».

Что же позволяет П. Успенскому утверждать, что преимуществом в процессе создания нового мира обладают именно люди искусства? Ответ на этот вопрос состоит в следующем: художники и поэты, развивая «чувство пространства и времени», создают новые формы искусства, благодаря чему через интеллект и эмоции обретают «космическое сознание». Они способны почувствовать «скрытый смысл» и «скрытую функцию» вещи, а именно — как ноумен отражается в феномене. Созерцание «трансцендентальных принципов» и «их энергии» доступны художественному видению в форме интуитивного постижения времени и пространства. Благодаря созерцанию самого себя и своих внутренних состояний художник может преобразовывать доступное в феномене в чувство бессмертного. В то же время, изменяясь сам, он способен подвергнуть переменам

⁴ Здесь и далее курсив П. Успенского.

почитателей своего искусства в сторону будущего: «Тайна жизни заключается в том, что нумен, то есть скрытый смысл и скрытая функция вещи, открываются в её феномене. Отражение нумена в феномене может понять и почувствовать только тот тонкий аппарат, который называется душой художника. Оккультизм — скрытую сторону жизни, нужно изучать в искусстве» [Успенский, 2022: 106].

Параллельно влиянию на теоретические поиски К. Малевича идей П. Успенского прослеживается воздействие духовных исканий его творческого окружения. Так, в 1913 г. была поставлена футуристическая опера «Победа над Солнцем». Музыка для оперы писал М. Матюшин, либретто — А. Кручёных, а художником стал К. Малевич. Отметим: тема солнца в культуре начала XX в. исследователями давно рассматривается как общее место [Глазова, 2021: 81]. В то же время, как минимум со времён философии Платона Солнце символически связывают с разумом, а в интерпретации создателей оперы Разум — высшая космическая сила. «Победу» над ним, в контексте критики рационализма, можно, таким образом, истолковать как окончательный разрыв с «буржуазной рациональностью». И в самом деле, постановка оперы «Победа над Солнцем» предстаёт как оккультный и одновременно научный эксперимент, задача которого — помочь человечеству сделать решительный шаг в сторону нового будущего. Одним из свидетельств наличия у авторов и постановщиков этой задачи можно считать тот факт, что действие оперы разворачивается в четвёртом измерении. Нет смысла останавливаться на содержании оперы, оно достаточно подробно приводится в книге Б. Фаликова «Величина качества. Оккультизм, религии Востока и искусство XX века» [Фаликов, 2017: 88–92]. Для нас важно лишь то, что в четвёртое измерение (в пространство новой эры) можно попасть, только победив Свет Разума — Солнце. Русские футуристы считали, что продолжают прокладывать «путь в иную реальность», следуя практикам французских кубистов, которые подошли к изображению всех сторон предмета симультанно. Согласно М. Матюшину, кубисты «почув-

ствовали», что наше сознание «переходит» из трёхмерного мира в четырёхмерный. Художники, будучи «пророками пространства», всегда учили и продолжают учить людей видеть скрытое, потаённое, поэтому могут способствовать обретению современниками «четвёртой единицы — высшей интуиции (которой и служит искусство)» [Успенский, 2022: 99].

В свою очередь, раскрывающаяся в оперной постановке, новация русских поэтов-футуристов состояла в открытии художественного значения неправильно построенного предложения. Такая синтаксическая конструкция порождает новое — подвижное — восприятие мира, что выражалось в том числе в странных «бессмысленных» сочетаниях слов и букв — «заумь». «Заумь» футуристов преследовала эстетические, психологические и эсхатологические цели. Эсхатологическая надежда заключалась в том, что победа над Солнцем — это не только конец старого мира, но и рождение нового. Этот новый мир и создавался на сцене — благодаря абстрактным формам и заумным словам, освобождённый от диктата буржуазной рациональности [Фальков, 2017: 84].

Работая над оперой, К. Малевич оказался в сложной ситуации: надо было найти визуальный аналог идеи сверхчеловека, который в интерпретации П. Успенского стал проводником нового сознания, способствующего эволюции человека. Существуют исследовательские работы, в которых установлена прямая аллюзия квадрата К. Малевича на тессеракт, придуманный Ч. Хинтоном [Henderson, 2013]. Тессеракт — четырёхмерный гиперкуб, аналог трёхмерного куба в четырёхмерном пространстве. Его невозможно построить в качестве физического предмета в трёхмерном пространстве и сложно визуализировать. В ремарке ко второму действию оперы, разворачивающемуся в четвёртом измерении, А. Кручёных указал, что в сценографии должны присутствовать изображения домов наружными стенами, с множеством окон, идущими внутрь и странно похожими на просверленные трубы. Созданный К. Малевичем эскиз, на котором один из домов напоминал популярное изо-

бражение четырёхмерного куба, можно рассматривать как отсылку к упражнению Ч. Хинтона [Henderson, 2013: 411]. Так квадрат, олицетворяющий в опере принцип победы, стал для К. Малевича началом всему [Снейен, 2020: 49].

Когда приступаешь к знакомству с ранними текстами К. Малевича, посвящёнными беспредметности, складывается впечатление, что читаешь не статьи, а воззвания, призывы к активности, в которой «слово» равно «дело». Перформативные высказывания становятся следствием переживаемой ситуации: «Скован творческий дух» [Малевич, 2018: 60], «Дух угасал в тисках щелей чурбана» [Малевич, 2018: 70], «Высказать себя на страницах не могли» [Малевич, 2018: 71]. С этой ситуацией уже нельзя мириться, её можно только разрушить. Но это «разрушить» возможно только в связке с «созидать»: «В разрушении рождаются новые формы», «Необходимо строить творчество, сжигая всё на своем пути [Малевич, 2018: 74], «Мы пришли, чтобы очистить личность от академической утвари, выжечь в мозгу плесень прошлого и восстановить время, пространство, темп и ритм, движение, основы нашего сегодняшнего дня» [Малевич, 2018: 79]. Здесь и сейчас имеет место такое событие, в котором невозможно повторение, а только уничтожение мира традиции — результата этого повторения, превращение его в *tabula rasa*. Здесь и сейчас ситуация, в которой свободное человеческое творчество призвано проявить себя в полной мере, ибо: «Человек — разум земли. Одно из ценных сокровищ» [Малевич, 2018: 69]. Грядёт новый человек, но наступлению нового *надо способствовать* с помощью нового искусства, художник, наделённый особыми способностями, знает каким путём идти: «Художник, поэт, музыкант — любовники земли. Земля — любовница их. Обручённых кольцом горизонта, богатством творчества, земля обольстила любовников» [Малевич, 2018: 69].

Стоит отметить: хотя в своих текстах К. Малевич никогда ни на кого не ссылался и не цитировал прямо, описанные выше установки П. Успенского и русских футуристов можно обнаружить в них в качестве

аллюзий, параллелей и не прямых отсылок, что позволяет предположить: в творческой лаборатории, породившей теорию супрематизма, эти идеи буквально витали в воздухе. «Образы» четвёртого измерения и эволюции человека, описанные П. Успенским, параллельны теоретическим постулатам супрематизма: согласно К. Малевичу, художнику доступна абсолютная истина; он «дал обет», поэтому ощущает «возбуждение Вселенной», «ритм и темп», которые доступны ему благодаря высшему чувству — Интуиции. Приближая новый мир, художник создаёт «квадрат» / «знак» / «точку» / «выход» (термины К. Малевича), открывая перед современниками эзотерическую Возможную — распознать новую знаково-символическую реальность, осуществить переход в новое бытие, несущее в себе феноменальное предмета-вещи («беспредметность»). Тем самым функция супрематизма может быть интерпретирована как сопровождение человечества к «точке-выходу» (Малевич) в новое пространство — границе-возможности выражения смысла: «Всё творчество, как для природы, так для художника и вообще творящего человека, — задача построить орудие преодоления бесконечного нашего продвижения, и только через изображение знаков нашего творчества мы продвигаем себя и отделяем от вчерашнего дня» [Малевич, 2018: 98].

Искреннюю преданность К. Малевича делу приближения нового мира удачно, на наш взгляд, передаёт концепт Событие. Под Событием в данном случае понимается та самая Возможность, «точка-выход», где происходит субъективное преобразование. Теория супрематизма как теургический инструмент субъективного преобразования сознания направлена на развитие воли к Событию как таковому, на то, что произойдет, потому что оно произойдет, таков закон Природы и Жизни. Эзотерические, равно как и оккультные мотивы подобного утверждения не вызывают сомнений, что подтверждает наличие как минимум аллюзий на идеи, описанные выше.

Кроме того, на протяжении всего периода обоснования беспредметного искусства К. Малевич в своих текстах постоянно апел-

лирует к противопоставлению утилитарного разума, здравого смысла и интуиции, основной составляющей художественного видения («высшего чувства»). Дихотомия Разум/Интуиция организует ценностное пространство восприятия «истинного творчества» и «истинного искусства», которые противопоставлены предметному, «харчевому» («животному в человеке»), а значит, ложному. Цель искусства в теории супрематизма подчинена цели трансформации сознания. Выражение сущности беспредметных явлений доступны художнику в ощущениях динамики, статики и скорости, этих современных смыслов творчества, искусства и жизни: «Искусство — это умение создать конструкцию, вытекающую не из взаимоотношения форм и цвета и не на основании эстетического вкуса красоты композиции построения, а на основании веса, скорости и напряжении движения» [Малевич, 2018: 18]. Поскольку интуитивное чувство проявится там, где формы бессознательны, «стремление художественных сил направлять искусство по пути разума давала ноль творчества» [Малевич, 2018: 32]. Сущность живописного искусства открывается художнику через нематериальные основы «Природы» и «Жизни», поэтому связь художника с миром обнаруживается через его ощущение, «энергичное действо». Искусство устанавливает такие отношения, в которых проявляющееся «энергичное действо» отводит взгляд человека от «харчeveго», направляя его на созерцание сущего. Так К. Малевич связывает *истинное искусство* с возможностью субъективного преображения. В заданной системе координат он находится на стороне *истинного творчества*. Новый язык такого творчества, язык будущего — супрематизм — это «Возможность», элемент наличной структуры законов «Природы» и «Жизни», открывшаяся художнику в том, что, исходя из призмы современной философии, может быть названо Событием.

В теоретическом обосновании супрематизма у К. Малевича, как и у П. Успенского, Интуиция, «заложённая внутри организма художника», занимает центральное место. Это «Высшее чувство», которое путём пере-

хода в сознание становится средством построения и развития в сторону нового искусства. Оно должно «разрывать» дорогу в художнике, «интуиция толкает волю к творческому началу» [Малевич, 2018: 106]. Позднее, говоря о соответствии не только художника, но и любого человека закону Природы и Жизни, К. Малевич будет настаивать, что в основании «жизни общежития человека» лежат чувство возбуждения и мысль: «Началом и причиною того, что мы называем в общежитии жизнью, считается возбуждение, проявляющееся во всевозможных формах, — как чистое, неосознанное и необходимое, никогда ничем не доказанное, что действительно оно существует, без числа, точности времени, пространства, абсолютного и относительного состояния» [Малевич, 2018: 159]. «Возбуждение» — космическое пламя, оно живёт беспредметным, им «как духовным внутренним дорожит человек и превыше всего ставит его в жизни» [Малевич, 2018: 162]. Беспричинное возбуждение Вселенной распространяется на состояние реального и натурального, в результате диффузии появляется наиглавнейший закон всего проявляющегося в жизни — ритм. В этом контексте понимание Природы и Жизни выступает в единстве космического и человеческого: «череп человека» равен Вселенной. Именно единство космического и человеческого, а также развитая воля к Событию, позволяющая закону, проявляющемуся в жизни как ритм, быть «схваченным» преображённым сознанием, осуществиться Событию как Возможности.

В то же время Событие как Возможность увидеть точку-выход в четвёртое измерение требует особого настроя зрения. Особенность человека заключена в его «потребности к совершенству»: человек в отличие от природы мыслит, им движет истина, он стремится за новым смыслом, стремится передать действительность своего возбуждения. Если чувство возбуждения — это «первая ступень», то мысль — это «вторая ступень жизни»: «Мысль — процесс или состояние возбуждения, представляющееся в идее реального или натурального действия» [Малевич, 2018: 159]. В итоге человек стремится найти от-

веты на стоящие перед ним вопросы. К их решению каждый идёт своим путём, поэтому ответов существует множество. Но чаще всего все они сводятся только к практической стороне, к действию «по целеполезному пути», к обретению благ. В своём поиске человек забывает ставить другой — метафизический — вопрос: действительно ли в стремлении обеспечить «харчевое» благополучие достигается совершенство? «Призрак» человека находится вне предметной жизни, он может проявиться, только если в нём спит животное, потому что человеческое — это внеположное животному и предметному.

В достижении единого практического целого мир стал дифференцированным, разделённым на профессии, направленным на предмет. Здесь утрачено единство целого. Человек забывает, что всё является результатом только представления, а ответы на вопросы лежат вне практического предметного мира. Вещь — это только «признаки возбуждения», которое существует в них как «беспредметное состояние». Мир техники, культуры, практического действия творится по нужде, необходимости, он ориентирован на животное в человеке. В таком мире возможно только изобретение всевозможных ухищрений, а не творение. Наука, религия, техника, экономическая политика бессильны в своём стремлении до конца развить и реализовать на практике предметного практического реализма человека, им посилено лишь «изловить беспредметное и заключить в свои физические объятия» [Малевич, 2018: 235]. Реализм подлинных вещей на поверку оказывается ложью, так как создается то, чего нет: «беспредметное всегда останется беспредметным». Человек, изменяя свою «полезность», не меняется в своей природе. «Беспредметность — единственная человеческая сущность действия, освобождающая от смысла практичности предмета как ложной подлинности» [Малевич, 2018: 326]. В попытке осознать мир под вечным вопросом «что?» человек в воображении создал нагромождение всевозможных представлений, нуждается в освобождении, поскольку наше знание не исчерпывается реализмом подлинных вещей.

При этом воля человека движется тремя путями: Религии, Науки и Искусства. Религиозный путь «умерщвляет» волю на каждом пути к Богу, Наука её подчиняет «фабричному практическому действию к цели». Кроме того, Религия и Наука построены на различиях и неравенстве, поэтому «общежитие» человека стало несовершенным. Существующее несовершенство — результат неравенства, которое грозит катастрофой. В то время как в третьем пути общежития — беспредметном Искусстве воля человека будет «самовыявляться», так как не зависит от «харчевых» форм жизни, «разложения предметного мира», поэтому «вскроет» действительное духа, а значит у человека есть возможность не жить в вечной тревоге ожидания смерти: «Перед Искусством живописи мир стоит как беспредметное равенство — мир вне всяких различий живописного беспредметного равенства» [Малевич, 2018: 254].

Природа не знает различий, в ней существует только беспредметное перемещение не уничтожающих друг друга равенств. Художник подобен Природе. Ему и Искусству мир предметности чужд. Супрематизму как новому искусству предметное действие нежелательно, поэтому супрематизм «безыдеен». Пройдя путь революции в искусстве, художники-супрематисты смогли приобщиться к вселенскому закону Природы. Природа может быть хорошим учителем человека. Необходимо стремиться к развитию «единого», которое достигается в супрематизме как «единоформие». Дух, душа, материя — это тёмные различия тёмного беспредметного. Сделать мир ясным невозможно. Но если очистить разум от предметных загромождений, начать слышать вечное возбуждение как ритм Вселенной бесконечности динамического молчания, станет возможно человеческое проявление.

Культура подобна Вавилонской башне, строители которой так и не достигли неба. «В супрематизме как освобожденном “ничто” нужно понимать как освобождение человека от вопроса “что?”» [Малевич, 2018: 264]. «Ничто» вне разума слышится как ритм Вселенной, предстает носителем продуктивного творчества. Характерный

для текстов К. Малевича перформативный модус показывает, что искусство как один из путей движения воли человека может устанавливать отношения развития подлинности человека вне физического, чего не могут себе позволить ни Наука, ни Религия. В «Ничто» как чистой потенции ничего не существует, поскольку все «существует» в представлении. По К. Малевичу, и новый человек, и новая форма бытия возникают из нематериальной основы «Ничто»: «Ставлю на площади мировых торжеств белый мир как супрематическую беспредметность, торжество освобожденного Ничто» [Малевич, 2018: 389].

Но почему же в теории супрематизма К. Малевича именно «Ничто» освобождает от вопроса «Что»? Ведь лик Ничто невыносим для человека. Ничто — это Пустота, которая обнажает пределы бытия, вызывает чувства Ужаса и Страха, в неё человек боится сделать прыжок, поскольку невозможность её восприятия порождает чувство бессилия.

Рационализм Нового времени «расколдовал мир», отбросив наряду с магией и волшебством всё потустороннее, сверхъестественное и надприродное, лишил тем самым человека трансцендентного, «Бог умер». Бог, потусторонняя опора была утрачена, и на его место встало Ничто. Но утрата трансцендентной вертикали, Бога, не отменило человеческое стремление «жить бессмертно» (Аристотель). Быть человеком — это значит не ограничиваться лишь своей животной природой, а выходить за границы исключительно животного состояния, стремиться постигать трансцендентное. Преодоление Страха Пустоты позволяет обрести «расширенное мышление», открывающее новую форму трансцендентности (И. Кант, П. Успенский). В этом случае Ничто — Пустота, пугающая Бездна, может стать Просветом, Событием. По А. Бадью, Событие не является созданием реальности, оно только указывает, открывает, заставляет проявиться Возможности, которая была невидимой или немислимой [Бадью, 2016: 17]. Только преодолевая Страх Ничто, обретая «расширенное мышление», человек может воспринять ситуацию, увидеть заложен-

ные в ней неожиданности, различить во множестве элементов наличную структуру, создать новую практику. Введённый в живопись чуждый ей прежде элемент — время, позволяет художнику задать новую форму эстетическим отношениям между изображением и способом его восприятия. Введённый элемент времени важен ещё и потому, что, по И. Канту, время есть не что иное, как форма внутреннего чувства (интуиции), то есть созерцания нас самих и нашего внутреннего состояния [Кант, 2006: 74]. Именно благодаря подобному созерцанию (тренировки воли) любой человек может обрести «расширенное» или «космическое сознание».

К. Малевич полагал также, что благодаря четвёртому измерению достигается преемственность между беспредметностью и иконописью [Схейен, 2019: 263–264]. Отказ от подражания способствовал возвращению в искусство диалогических отношений между зрителем и изображением, в которых созерцание произведения — это не что иное, как Возможность пережить трансформацию, субъективно преобразиться, освободиться от вопроса «Что». Диалогические эстетические отношения позволили зрителю, осознав свою трансцендентную человеческую природу, переживать чувство бессмертия. Когда зритель участвует в диалоге с произведением, у него формируется осознанное отношение к себе, своей человеческой природе и законам жизни, ему открываются видение своего места во Вселенной. Тогда человек «внутренне» преобразается. *Каждый* волен настроить своё зрение так, что при созерцании произведения искусства сможет обращаться со своими душевными состояниями как объектами сознания, а значить сделать шаг в Пустоту — Возможность, точку-выход в новое пространство. Таким образом, Пустота «Ничто» может привести к тому, что может быть Событием выражено: явит себя новый человек, новая форма жизни и субъективности, откроется трансцендентное. Человек ищет Бога и Будущего, ищет совершенства, бытия и подлинности: «Сознание человека ожидает катастрофы, своего конца, ожидает смерти. И то же сознание сосредоточило в одном

месте бессмертие, или вечность, назвав его Богом. Это одна единица не смертна, свободна от катастрофы. Таким образом, в ней была признана беспредметная сущность, не принадлежащая катастрофе. Так, катастрофичным было то, что умерло, — а умер ум-разум, предмет и весь практический мир, умерло пространство, время. Умерло то, что называлось материей, умерли все имена определения, все это оказалось не существующим в Боге. И поэтому он свободен от смерти» [Малевич, 2018: 255].

Так супрематизм — новое направление в искусстве может стать «прологом», с которого «наступит освобождение человека, ибо свободное “ничто” должно быть свободно» [Малевич, 2018: 302, 303]. Быть действительностью, то есть быть возбуждением, быть бытием — это стремление, которым охвачено новое искусство. Согласно К. Малевичу, только в XX в. сущности искусства удалось освободиться от Государства и Религии, выйти к беспредметному. «В данный момент на этой точке нового реализма Искусства стоит супрематизм как самоидея истинной формы человечества в достижении им действительного и истинного пути, который не приведет его ни к каким благам, как только сущности беспредметного действия, — оно будет бытием» [Малевич, 2018: 413].

Но парадокс События заключается в том, оно *не может быть настоящим*, поскольку, как отмечает Ж. Делёз, оно «всегда либо то, что уже произошло, либо то, что вот-вот произойдет», то есть — это Пустота, точка, в которой Событие вспыхивает как смысл [Делез, 2015: 180]. Вспышка смысла происходит внутри человека. Пустота

как отсутствие и будет условием События. Событие возможно только в своей бестелесности, когда человек вдруг начинает видеть. Только так можно удержать недостижимое. Так стирается разрыв между модусом утверждения возможности преобразования и реальным опытом переживания чувства бессмертия. Поэтому супрематизм, по К. Малевичу, и будет направлением, провозглашающим первенство цвета над вещью, искусством чистого смысла за пределами предмета. Это «новый живописный реализм цвета, но не неба, горы, птиц и всякой вещи» [Малевич, 2018: 54].

Если вернуться к вопросу о том, что выражает теория супрематизма К. Малевича, ответ будет выглядеть на первый взгляд тривиальным — новую форму эстетических отношений. Однако раскрытие этого положения показывает отнюдь нетривиальные аспекты супрематизма, тесно связанные с современным пониманием специфики познания в искусстве, связанной со свободой творчества и его преобразующей силой. Введённый в живопись элемент времени (четвёртое измерение) превращает искусство в инструмент творческого диалога между художественным произведением и зрителем. Так открывается возможность субъективного преобразования, переживания чувства бессмертия. Так супрематизм как беспредметность становится новым манифестом культуры — искусством чистого смысла, возможностью События, вбирающей в себя свободные «вибрации» смысла в компилятивном единстве духовных практик, интеллектуальных экзерсисов и художественного творчества.

Список литературы:

- Бадью А. Философия и событие. Беседы с кратким введением в философию Алена Бадью. — Москва: Институт Общегуманитарных исследований, 2016. — 193 с.
- Вакар И. От традиции импрессионизма в живописи русского авангарда // Люди и измы: к истории авангарда. — Москва: Новое литературное обозрение, 2022. — С. 10-24.
- Глазова Е. От философии к прозе. Ранний Пастернак. — Москва: Новое литературное обозрение, 2021. — 345 с.
- Горячева Т.В. Теория и практика русского авангарда: Казимир Малевич и его школа. — Москва: АСТ, Времена, 2020. — 237 с.

- Делез Ж. Логика смысла. — Москва: Академический проект, 2015. — 470 с.
- Исаченко Н.Н. Идея «сверхчеловека» в философском дискурсе // *Фундаментальные исследования*. — 2014. — №11–9. — С. 2086–2089.
- Кант И. Критика чистого разума. — Москва: Эксмо, 2006. — 734 с.
- Крусанов А.В. Русский авангард: 1907–1932: исторический обзор: в 3 т. Т. 1. Кн. 1: Боевое десятилетие. — Москва: Новое литературное обозрение, 2010. — 770 с.
- Лосев А.Ф. Проблема художественного стиля. — Киев: Collegium; Киевская Академия Евробизнеса, 1994. — 285 с.
- Малевич К.С. Чёрный квадрат. — Москва: АСТ, 2018. — 509 с.
- Ницше Ф. Так говорил Заратустра // *Сочинения*: в 2 т. Т.2. — Москва: Издательство «Мысль», 1996. — С. 5–237.
- Схейен Ш. Авангардисты: Русская революция в искусстве. 1917–1935. — Москва: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2019. — 511 с.
- Успенский П.Д. *Tertium organum*. Ключ к загадкам мира. — Москва; Санкт-Петербург: Т8 Издательские технологии; Пальмира, 2022. — 451 с.
- Фаликов Б.З. Величина качества. Оккультизм, религии Востока и искусство XX века. — Москва: Новое литературное обозрение, 2017. — 254 с.
- Хоркхаймер М., Адорно Т.В. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. — Москва; Санкт-Петербург: Медиум; Ювента, 1997. — 312 с.
- Чубаров И.М. Коллективная чувственность. Теория и практика левого авангарда. — Москва: Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики", 2016. — 344 с.
- Henderson L.D. *The Fourth and Non-Euclidean geometry in Modern Art*. — Cambridge: MIT Press, 2013. — XXVII, 729 p.

References:

- Badiou, A. (2010) *La philosophie et l'événement*. Paris: Germina. (Russ. ed.: (2016) *Filosofija i sobytje. Besedy s kratkim vvedeniem v filosofiju Alain Badiou*. Moscow: Institut obshchestvennyh issledovanij Publ.).
- Chubarov, I. M. (2016) *Kollektivnaja chuvstvennost'. Teorija i praktika levogo avangarda [The Kollektive Sensibility. Theories and Practices of the Left Avant-Garde]*. Moscow: Natsional'nyy issledovatel'skiy universitet Vysshaya shkola ekonomiki Publ. (In Russian).
- Deleuze, G. (1969) *Logique du sens*. Paris: Les Editions de Minuit. (Russ. ed.: (2015) *Logika smysla*. Moscow: Akademicheskii proekt Publ.).
- Falikov, B. Z. (2017) *Velichina kachestva. Okkul'tizm, religija Vostoka i iskusstvo XX veka [Magnitude of quality. Occultism, Religion of The East and Art of XX Century]*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ. (In Russian).
- Glazov-Corrigan, E. (2013) *Art after philosophy: Boris Pasternak's early prose*. Columbus: Ohio State University Press. (Russ. ed.: (2021) *Ot filosofii k proze. Ranniy Pasternak*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ.).
- Goryacheva, T. V (2020) *Teorija i praktika rasskogo avangarda: Kaimir Malevich i ego shkola [Theory and Practika of the Russian Avant-Garde Kazimir Malevich and His School]*. Moscow: AST, Vremena Publ. (In Russian).
- Henderson, L. D. (2013) *The Fourth and Non-Euclidean geometry in Modern Art*. Cambridge: MIT Press.
- Horkheimer, M. and Adorno, T. W. (1944) *Dialektik der Aufklärung: Philosophische Fragmente*. Amsterdam: Querido. (Russ. ed.: (1997) *Dialektika Prosveshcheniya. Filosofskije fragmenty*. Moscow; Saint Petersburg: Medium; Juventa Publ.).
- Isachenko, N. N. (2014) 'The Idea of «Superman» in Philosophical Discourse', *Fundamental research*, (11–9), pp. 2086–2089. (In Russian).
- Kant, I. (1781) *Kritik der reinen Vernunft*. Riga: Verlegts Johann Friedrich Hartknoch. (Russ. ed.: (2006) *Kritika chistogo razuma*. Moscow: Exmo Publ.).

Krusanov, A. V (2010) *Russkiy avangard: 1907–1932: istoricheskiy obzor: v 3 t. T. 1. Kn. 1: Boyevoye desyatiletie [Russian avant-garde: 1907–1932: a historical review: in 3 vol. Vol. 1. Book 1: Combat Decade]*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ. (In Russian).

Losev, A. F. (1994) *Problema hudozhestvennogo stilja [Art Style Problem]*. Kiev: Collegium; Kievskaja akademija evrobiznesa Publ. (In Russian).

Malevich, K. S. (2018) *Chernyj kvadrat [Black Square]*. Moscow: AST Publ. (In Russian).

Nietzsche, F. (1883) *Also sprach Zarathustra*. Leipzig: Fritzsch. (Russ. ed.: (1996) 'Tak govoril Zaratustra', in *Sochinenia: v 2 t. T. 2*. Moscow: Mysl' Publ., p. 5–237).

Ouspensky, P. D. (2022) *Tertium organum. Ključ k zagadrfmi mira [Tertium organum. The Key to The Mysteries of The Wold]*. Moscow; Saint Petersburg: T8 Izdatel'skie tehnologii; Pal'mira Publ. (In Russian).

Scheijen, S. (2019) *De avant-gardisten. De Russische Revolutie in de kunst, 1917–1935*. Amsterdam: Prometheus.. (Russ. ed.: (2019) *Avangardisty russkaja revoljucija v iskusstve. 1917–1935*. Moscow: Kolibri: Azbuka-Attikus Publ.).

Vakar, I. (2020) 'Dissolution of the Object: Impressionist Traditions in the Russian Avant-Garde', in *Impressionism in Russia. Dawn of the AvantGarde*. Munich; London; New York: PRESTEL, pp. 74–85. (Russ. ed.: (2022) 'Ot tradicii impressionizma v zhivopisi russkogo avangarda', in *Lyudi i izmy: k istorii avangarga*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., pp. 10–24.).

Информация об авторе

Наталья Юрьевна Малкова — кандидат философских наук, доцент, доцент Департамента философии Дальневосточного федерального университета, 690922, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, д.10 (Россия).

Член Российского философского общества (Дальневосточное отделение).

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Natalia Yu. Malkova — PhD in Philosophy, Docent, Associate Professor at the Department of Philosophy, Far Eastern Federal University, FEPU Campus, 10 Ajax Bay, Russky Island Vladivostok, Russia, 690922 (Russia).

Membership of the Russian Philosophical Society.

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 15.09.2022; одобрена после рецензирования 10.10.2022; принята к публикации 14.11.2022.

The article was submitted 5.10.2022; approved after reviewing 10.10.2022; accepted for publication 14.11.2022.

ОТКУДА ВЗЯЛСЯ ФАШИЗМ В ИТАЛИИ: ВЕРСИИ И КРИТИКА

Татьяна Васильевна Зонова

МГИМО МИД России, Москва, Россия
zonova-tatiana@mail.ru

Fasanella G., Cereghino M. J. Nero di Londra. Da Caporetto alla Marcia su Roma: come l'Intelligence militare britannica creò il fascista Mussolini. — Milano: Chiarelettere, 2022. — 256 p.

28 октября — это столетняя годовщина «похода на Рим», осуществленного Бенито Муссолини и примерно двадцатью тысячами членом им созданной национал-фашистской партии. Сам Муссолини назвал это событие «революцией» несмотря на то, что парламентские выборы 1921 г. обеспечивали лишь два места его партии в законодательном органе страны. Тем не менее, более 105 мест получил созданный по предложению премьер-министра Джованни Джолитти крайне правый Национальный блок, куда входили консервативные либералы, Националистическая ассоциация Италии под руководством Энрико Коррадини, одного из будущих лидеров фашистской партии, а также «фаши ди комбаттименто», боевые отряды Муссолини. Немного-

численным членам «похода» вполне могли противостоять вооруженные силы Италии, в чём заверял короля премьер Луиджи Факта, предлагая ему введение чрезвычайного положения. Однако напуганный «красным двухлетием», когда левые трудящиеся занимали предприятия и выдвигали требование «Сделаем как в России», Виктор Эммануил III и большинство правящего класса видели необходимость в «сильной руке», способной справиться с беспорядками. Именно на это и рассчитывал Муссолини. Он моментально отбросил свои прежние социалистические убеждения и память о руководстве газетой Итальянской социалистической партии «Аванти!». Теперь он с присущим ему азартом уверял итальянцев в своей антикоммунистической и антисоциалистической идеологии и в намерении

решительно покончить с антиправительственными выступлениями. Король предложил ему пост премьера, и это стало началом становления в Италии тоталитарного режима.

В то же время нельзя забывать, что значительное число его сторонников составляли люди, обманутые обещаниями либералов обеспечить итальянцам «место под солнцем» (то есть колониями, которыми владели английские и французские «плутократы»). Более того, вернувшиеся с фронта солдаты оказались в стране, которая хоть и считалась победившей в Великой войне, но была экономически разорена, её государственная задолженность ставила её в зависимость от США и Великобритании, и она не могла ничего предложить героям победы. Недаром появился термин «искаленная победа».

Муссолини ловко использовал эти настроения. Он обещал ни много ни мало непереносимое возрождение Великой Италии, наследницы Римской империи. Его имперская политика неизбежно вела к внешнеполитическим авантюрам, сближению с нацистской Германией, вступлению во Вторую мировую войну на стороне Гитлера.

Конечно, явным преувеличением стало утверждение, что фашистская партия была создана на деньги британских специальных служб. Именно на это намекают Марио Хосе Черегини и Джованни Фазанелла в только что вышедшей книге «Чёрный Лондон. От Капоретто до Похода на Рим. Как военная разведслужба Британии создала фашиста Муссолини». Действительно, в консервативных кругах Лондона некоторые симпатии к Муссолини проявлялись и кто-то, возможно, перечислял ему определённые суммы. Но это касалось и консерваторов Франции, к которым Муссолини обратился за поддержкой. Однако именно внутренняя ситуация в Италии породила фашизм.

В последнее время в связи с приходом к власти правоцентристской коалиции, возглавляемой Джорджой Мелони и её партией «Братья Италии», проявилась озабоченность прогрессивной общественности страны, связанной с тем, что свою карьеру Джорджа начала в неофашистской партии «Итальянское социальное движение». На мой взгляд, этот подход не оправдан. По крайней мере, её политика ни в чём не совпадает с перечисленными Умберто Эко признаками фашизма.

Book review

THE RISE OF FASCISM IN ITALY: VERSIONS AND CRITIQUES

Tatiana V. Zonova

MGIMO University, Moscow, Russia
zonova-tatiana@mail.ru

Fasanella, G., Cereghino, M. J. (2022) Nero di Londra. Da Caporetto alla Marcia su Roma: come l'Intelligence militare britannica creò il fascista Mussolini. Milano: Chiarelettere.

Abstract. A century ago, on October 28th Benito Mussolini and twenty thousand members of his National Fascist Party marched on Rome. Prime minister Luigi Facta assured the king that Italian armed forces could resist the few on the march and suggested declaring a state of emergency. King Victor Emmanuel III and his elite for two years had been watching with apprehension the rise of the

communist left and sought a strong hand to curb disorders. Mussolini was counting on that and was quick to react. He receded from his socialist views and eagerly propounded his antisocialist ideology and vowed to put an end to antigovernmental strikes. Once Mussolini became prime minister, it marked the beginning of the formation of a totalitarian regime in Italy. At that time Italy was devastated by the war that ended with a Mutilated victory and was on the brink of bankruptcy. Mussolini exploited people's sentiments of betrayal and dissatisfaction only to initiate rapprochement with Nazi Germany and draw the country into yet another war. In the recently published book on the rise of Mussolini, the authors clearly allude to the involvement of British money in the creation of the fascist party in Italy. Though British and French conservatives did transfer certain money to Mussolini, the proposed thesis is a clear exaggeration. It was the internal situation in Italy that gave rise to fascism. And today's policy of the ruling coalition led by Giorgi Meloni does not coincide in any way with the signs of fascism listed by Umberto Eco.

Информация об авторе

Татьяна Васильевна Зонова — доктор политических наук, профессор, профессор кафедры дипломатии МГИМО МИД России, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76 (Россия)

Information about the author

Tatiana V. Zonova — Doctor of Political Science, Professor, Professor at the Department of Diplomacy, MGIMO University, 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454 (Russia)

<https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-4-24-154-156>

III КАЗАНСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ САММИТ (KILS 2022): ЗАПИСКИ НА ПОЛЯХ

Елена Анатольевна Гринина

МГИМО МИД России, Москва, Россия
eagrina@yandex.ru

С 14 по 19 ноября 2022 г. в Казанском (Приволжском) федеральном университете прошел III Казанский международный лингвистический саммит, событие далеко неординарное и вызвавшее интерес не только филологов, но и представителей смежных отраслей, таких как педагогика и лингводидактика. Идея проведения саммита возникла во время пандемии, и первые две конференции были проведены в режиме онлайн. Смешанный формат этого года позволил расширить рамки научного форума, в котором приняли участие более 600 ученых из 65 городов России и 18 стран мира. Саммит объединил два крупных лингвистических мероприятия: Международную научную конференцию «Современная лингвистика: от теории к практике» и Лингвометодический фестиваль «Языковые тренды и методические инновации».

Первое, что притягивает внимание иногородних участников, — это место

проведения саммита, Казанский (Приволжский) федеральный университет, из стен которого вышла целая плеяда ученых, составивших цвет российской науки. Достаточно назвать химиков А.М. Бутлерова и Н.С. Наметкина, математика Н.А. Лобачевского, историка русского права Н.П. Загоскина, лингвиста Н.В. Крушевского, историка-медиевиста Н.А. Осокина, хирурга А.В. Вишневского, нейропсихолога А.Р. Лурия, писателя и этнографа П.И. Мельникова-Печерского и многие другие. Сегодня в Казанском университете чтят память знаменитых предшественников и успешно продолжают их начинания.

Второе, что поражает воображение тех, кто впервые оказывается в Казани, — насколько органично на этой территории сосуществуют две непохожие друг на друга культуры. Как известно, ислам пришёл на эти земли в X в., в период расцвета древнего государства под названием Волжская Булгария. Булгары, объединив вокруг себя несколько племён, населявших Среднее Поволжье, запросили покровительства у могущественного Багдада, что позволило

бы им избежать набегов хазар. Пришедший на смену язычеству ислам принёс не только изменения структуры власти, но также способствовал развитию системы образования. Впоследствии под натиском монголов Волжская Булгария вошла в состав Золотой Орды. Затем на её месте возникло Казанское ханство. При этом контакты с Русью существовали издревле. Мирные договоры и взаимовыгодная торговля чередовались с военными походами до тех пор, пока в 1552 г. войска Ивана Грозного не взяли Казань, после чего эта территория отошла русскому государству. С тех пор мечети и православные храмы возвышаются рядом, напоминая, что взаимное уважение является залогом успешного развития. Этот короткий исторический экскурс наглядно показывает, почему на саммите так много внимания было уделено, с одной стороны, тюркологии, центром изучения которой по праву можно считать Казань, и русскому языку и литературе, с другой стороны.

Третье, что вдохновило участников саммита, — это разработка и ис-

пользование молодыми учёными Казанского университета в своих исследованиях инновационных цифровых методов: например, интерфейс компьютера на татарском языке или электронная программа для изучения тюркских языков. В том, что научная школа Казанского университета продолжает активно развиваться, можно было убедиться на заседаниях самых разных секций саммита. Например, помимо привычных секций по традиционной лингвистике, когнитивной лингвистике, лингводидактике, русистике и тюркологии в рамках саммита работали секции по компьютерной и корпусной лингвистике, палеорусистике и цифровой гуманитаристике, а также по цифровой трансформации традиционной лингвистики. Исследования в этих областях открывают новые перспективы для дальнейшей разработки тем, которые может быть и кажутся уже давно изученными¹, но остаются при этом перспективными и даже прорывными для современной науки.

THE THIRD KAZAN INTERNATIONAL LINGUISTIC SUMMIT (KILS 2022)

Elena A. Grinina

MGIMO University, Moscow, Russia
eagrinnina@yandex.ru

Abstract. Started as an online venue for academic discussions, Kazan International Linguistic Summit (KILS) took place on November 15-19, 2022, both online and offline. The mixed format made it possible to attract 600 participants from 18 countries and 65 Russian cities and reach out to a wider audience. This year within the framework of the International Scientific Conference Contemporary

¹ Материалы этого масштабного лингвистического саммита будут опубликованы и доступны в цифровом формате. С информацией о мероприятии можно познакомиться на сайте Казанского (Приволжского) федерального университета. — URL: <https://kils.kpfu.ru/ru/glavnaya/> Об участии учёных МГИМО на саммите — URL: <https://mgimo.ru/about/news/departments/iii-kils-2022/>

Linguistics: Theory and Practice the Department of Language and Intercultural Communication of the Institute of Philology and Intercultural Communication of Kazan Federal University organized a symposium *Evolutionary Trends in Teaching and Learning Languages: Perspectives and Concerns*. The participants of the symposium were bachelors and MA students – future teachers of foreign languages. Kazan (Volga) Federal University has been a cradle for a constellation of thinkers, and it still lives up to its renowned past. Another noteworthy feature of Kazan is its unique combination of Christian and Muslim origins. For that reason, at the Summit held in cooperation with the Institute of Linguistics of RAS so much attention was paid, on the one hand, to Turkic studies and, on the other hand, to the Russian language and literature. Kazan can rightfully be considered the center of Turk studies, involving both traditional approaches and digital methods. The Summit provided the researchers with an opportunity to share their experience of employing innovative technologies and point out the prospects of further studies.

Информация об авторе

Елена Анатольевна Гринина — кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры испанского языка МГИМО МИД России, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76 (Россия)

Information about the author

Elena A. Grinina — PhD in Philology, Docent, Associate Professor of the Department of Spanish Language, MGIMO University, 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454 (Russia)

<https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-4-24-157-159>

VIII МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «БИ-, ПОЛИ-, ТРАНСЛИНГВИЗМ И ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ» (ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА РУДН)

Нина Дмитриевна Афанасьева

МГИМО МИД России, Москва, Россия
afan-nina@yandex.ru

2–3 декабря 2022 г. состоялась VIII Международная научно-практическая конференция «Би-, поли-, транслингвизм и лингвистическое образование» под эгидой Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ). Ежегодно в Российском университете дружбы народов собираются учёные, чтобы обсудить теоретико-методологические и практические вопросы лингвистических и междисциплинарных исследований. Инициатор, бессменный организатор и ведущий этого мероприятия — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации ИРЯ РУДН Улданай Максutowна Бахтикиреева.

В этом году участниками конференции было более 230 человек из 18 областей и регионов Российской Федерации и 20 государств ближнего и дальнего за-

рубежья: Азербайджана, Армении, Беларуси, Великобритании, Ганы, Германии, Израиля, Индии, Казахстана, Китайской народной республики, Республики Корея, Монголии, Мьянмы, Таджикистана, Туниса, Узбекистана, Шри-Ланки, а также Абхазии, Приднестровья, Южной Осетии. С приветственным словом выступили директор Института русского языка Анжела Викторовна Должикова, член Президиума МАПРЯЛ Элеонора Дюсеновна Сулейменова. Пленарная сессия открылась докладом доктора филологических наук, профессора кафедры русского языка и лингвокультурологии ИРЯ РУДН Марины Львовны Новиковой «Проблемное поле языковых контактов: Мир орбитального пространства на международной космической станции». Затем доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН, член Союза писателей России Мадина

Андреевна Хакуашева поделилась результатами своих исследований об альтернативной системе обучения родным языкам. Продолжилось заседание докладом доктора филологических наук, доцента Института языкознания РАН Эржен Владимировны Хилхановой «Речевые практики многоязычных постсоветских мигрантов: вызов теории транслингвальности». Доктор филологических наук, профессор МГОУ Георгий Теймуразович Хухуни и доктор филологических наук, профессор МГОУ Ирина Ивановна Валуццева в докладе разбирали роль посредничества при межкультурной коммуникации, отвечая на вопрос, является ли оно «необходимым злом» или нормальным явлением. Далее доктор филологических наук, профессор МГПУ Элеонора Федоровна Шафранская выступила с докладом «Буквы, память, язык: о русской транскультурной литературы, а доктор филологических наук, профессор МГОУ и Петрозаводского государственного университета Олег Викторович Никитин посвятил своё сообщение 100-летию со дня рождения академика Н.М. Шанского «Русский язык под лингвистическим микроскопом». Интерес участников конференции вызвал доклад доктора филологических наук, профессора Забайкальского государственного университета Татьяны Викторовны Воронченко «Эвенкийский дискурс в словесности Забайкалья и Северного Китая». Заключительный доклад пленарного заседания сделала доктор филологических наук, профессор кафедры русского язы-

ка и межкультурной коммуникации ИРЯ РУДН Улданай Максutowна Бахтикиреева. Он был посвящён транслингвальным и транскультурным процессам.

На следующем этапе конференции началась работа секций, на заседаниях которых обсуждались такие вопросы, как теория и практика языковых контактов и билингвизма, русскоязычие в литературе и транскультурная литература, перевод — наука и искусство компромисса, вопросы билингвального образования в школе и вузе и др. Круглый стол «Языковые и культурные контакты. Языковое сознание. Языковая картина мира» предоставил участникам конференции возможность обсудить результаты исследований, посвящённых сходству и различию формирования лексических единиц в разных языках, использованию заимствованной лексики в русском языке, учёту языковой картины мира иноязычных школьников при изучении русского языка, языковом барьере при этом процессе и др.

Профессор У.М. Бахтикиреева, подводя итог этому значительному мероприятию, назвала заседания учёных в ИРЯ РУДН «тёплыми декабрьскими встречами». Все принимавшие участие в работе конференции (и очно, и дистанционно) отметили её чёткую организацию, злободневность тем обсуждения, интересные результаты и выводы работы. 2022 год — это начало Международного десятилетия языков коренных народов, поэтому уже сегодня начинается подготовка конференции 2023 года.

VIII INTERNATIONAL CONFERENCE *BI-, POLY-, TRANSLINGUALISM AND LINGUISTIC EDUCATION* (RUDN UNIVERSITY)

Nina D. Afanasyeva

MGIMO University, Moscow, Russia
afan-nina@yandex.ru

Abstract. On December 2-3, under the guidance of the International Association of Teachers of Russian Language and Literature (MAPRYAL) RUDN University held the 8th International Conference *BI-, POLY-, TRANSLINGUALISM AND LINGUISTIC EDUCATION*. This annual event gathered more than 230 participants from 18 Russian regions and 20 countries. Director of the Institute of Russian Language A. V. Dolzhikova and MAPRYAL Presidium member E. D. Suleymenova addressed the Conference with words of welcome. The plenary session of the Conference included speeches given by esteemed academics M. A. Khakuasheva, E. V. Khilkhanova, G. T. Khukhuni, E. F. Shafranskaya and covering a range of topics from linguistic contacts (M. L. Novikova) and intercultural communication (I. I. Valuytseva) to the Evenki discourse (T. V. Voronchenko). The initiator and permanent host of the Conference U. M. Bakhtikireeva gave a talk on translingual and transcultural processes. Sections of the Conference were devoted to theory and practice of language contacts and bilingualism, transcultural literature and literature in Russian, linguistic education, the art of translation etc. These friendly meetings have become a good tradition of the academic community united by its love for languages. 2022 marks the beginning of the International Decade of Indigenous Languages and the preparation for the next Conference has begun.

Информация об авторе

Нина Дмитриевна Афанасьева — кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка МГИМО МИД России, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76 (Россия)

Information about the author

Nina D. Afanasyeva — Ph.D (Pedagogy), Docent, Head of the Russian Language Department, MGIMO University, 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454 (Russia)

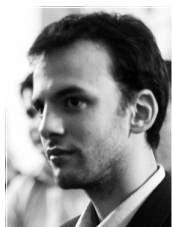

<https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-4-24-160-161>

СЕКЦИЯ «МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ВЫЗОВОВ» XIV КОНВЕНТА РАМИ

Дмитрий Сергеевич Горшёнев

МГИМО МИД России, Москва, Россия
hasta_lvictoria@yahoo.com

Осенняя пора в МГИМО — не только начало учебного года, но и время проведения Конвента РАМИ, мероприятия, ставшего за более чем 20 лет своего существования традиционным. На этот раз университет принимал гостей с 13 по 15 октября 2022 г. Как известно, одна из привлекательных дискуссионных площадок Конвента, — межкафедральная секция «Межкультурная коммуникация». В текущем году её название дополнилось уточнением: «... в условиях новых вызовов». На этот раз секция собрала исследователей из России, Белоруссии, Молдавии, Абхазии, Южной Осетии, Уругвая и Ирана. Состоявшийся обмен мнениями чётко зафиксировал: культурное разнообразие мира — феномен, который не смогла «отменить» ни глобализация, ни сама «культура отмены».

В программе работы секции были заявлены 52 доклада, объединивших в междисциплинарном синтезе представителей различных областей знания — философов,

культурологов, лингвистов, политологов, регионоведов, религиоведов, искусствоведов и специалистов в сфере изучения медиа. Как всегда, в структуре проблематики, представленной на обсуждение, нашлось место и дискуссиям «узких» специалистов, имеющих возможность обсудить актуальные проблемы своих дисциплин, и обмену мнениями учёных «смежных» специальностей, расширяющих свой теоретический горизонт за счёт знакомства с достижениями междисциплинарных исследований в близких областях знания. Культурное измерение международных процессов исследовалось участниками серии заседаний на глубоком теоретическом уровне с привлечением конкретных сюжетов.

Среди наиболее обсуждаемых тем, вызвавших оживлённый интерес аудитории, можно выделить такие как: новая языковая реальность межкультурного взаимодействия на примере эволюции испанского языка, сохранение культурного наследия народов в условиях глобализации, различные способы визуализации культуры и их влияние на формирование региональной

и национальной идентичности, философское осмысление вызовов, стоящих перед традиционными проявлениями культуры и многое другое.

Работа секции в очередной раз доказала, что взаимодействие культур и цивилизаций рассматривается экспертным сообществом как диалог, сопровождающийся взаимопроникновением традиционных контекстов и ценностей, несмотря на чрез-

мерную политизацию данного вопроса в последнее время. Сама же межкультурная коммуникация остаётся феноменом достаточно эластичным. Она по-прежнему включает в себя большой спектр актуальных сюжетов, находящихся на перекрестке интересов различных участников международных и межкультурных отношений. Что и определяет её — межкультурной коммуникации — непреходящую значимость.

INTERCULTURAL COMMUNICATION UNDER NEW CHALLENGES. THE 14TH RISA CONVENTION

Dmitry S. Gorshenev

MGIMO University, Moscow, Russia
hasta_lvictoria@yahoo.com

Abstract. MGIMO University started a new academic year with the 14th Russian International Studies Association (RISA) Convention. Held on October 13th–15th the Convention invited leading scholars to discuss historical, socio-economic, political, and legal aspects of shaping a new world order. Its traditional interdepartmental panel *Intercultural Communication* this year brought together speakers from Russia, Belarus, Moldova, Abkhazia, South Ossetia, Uruguay, and Iran to discuss cultural diversity under new challenges. An interdisciplinary array of 52 reports by philosophers, culturologists, linguists, political scientists, regionalists, religious scholars, art historians and specialists in the field of media studies presented a vivid picture of modern research in the sphere of intercultural communication. The reports and exchange of opinions encouraged scientists to investigate related academic fields and expand their theoretical horizons by getting acquainted with the achievements of interdisciplinary research in related fields of knowledge. Among the most discussed topics that aroused keen interest of the audience are the following: a new linguistic reality of intercultural interaction on the example of the evolution of the Spanish language, the preservation of the cultural heritage of peoples in the context of globalization, various ways of visualizing culture and their influence on the formation of regional and national identity, philosophical understanding the challenges facing traditional manifestations of culture and much more. The session demonstrated that intercultural communication lying at the intersection of multiple parties' interests remains flexible and adaptable and the dialogue of cultures is a reciprocal and ever-important process.

Информация об авторе

Дмитрий Сергеевич Горшёнёв — кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии им. А.Ф. Шишкина МГИМО МИД России, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76 (Россия)

Information about the author

Dmitry S. Gorshenev — Ph.D in Philosophy, senior lecturer at the Department of Philosophy, MGIMO University, 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454 (Russia)